

ЧЕЛОВЕК

2022. Том 33, номер 3

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Р.Г. Апресян

Приглашенные редакторы номера Б.Н. Кашников, А.В. Углева

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), К.В. Анохин (Москва), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург),
И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гиренок (Москва), В. Глухман (Словакия),
А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),
Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва), М.В. Фаликман (Москва),
А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

Редакционный совет

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), О.В. Попова (Москва),
А.В. Смирнов (Москва), А.П. Скрипник (Саров),
Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

© Российская академия наук, 2022
© Институт философии РАН, 2022
© Редколлегия журнала «Человек»
(составитель), 2022

CHELOVEK

The Human Being 2022. Volume 33, Number 3

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

Guest Editors *B.N. Kashnikov, A.V. Ugleva*

Editorial Board

Anokhin K. (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Avanesov S.* (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA), *Desnitsky A.* (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod), *Fedorova O.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Gluchman V.* (Institute of Ethics and Bioethics; University of Presov, Slovakia), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsun O.* (Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Ostrovskaya G.* (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rozov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial Council

Guseynov A. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skripnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of Physics and Technology, Sarov), *Chemigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.* (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2022

© Chelovek/The Human Being Editorial Board (compilation), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Б.Н. Кашников, А.В. Углева

Философия и культура в период пандемии 7

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

Й. Бабич

Логика катастрофы — более глубокая логика реальности 19

А.В. Углева

**Этика заботы: философская пропедевтика как терапия
эмоционального выгорания в медицине 29**

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.С. Адамов

Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии 49

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Р.Г. Апресян

Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка ... 67

Л.А. Богодельникова

**Сообщество в эпоху пандемии: моральная ответственность
в ситуации ковид-неопределенности 85**

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

М.Р. Демин

**Цифровое отслеживание контактов: угроза гражданской
свободе или моральное обязательство? 107**

С.А. Либерман

Алармический дискурс будущего: от киберпанка к экологии ... 119

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

Д.И. Ноздрачев, К.А. Замятин, М.Д. Мирошниченко

**Моральный дистресс в паллиативной помощи детям:
классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19 138**

Т.О. Новикова, М.А. Коргожа, А.О. Евмененко
**Рождение ребенка в ситуации неопределенности,
связанной с COVID-19 159**

СВИДЕТЕЛЬСТВА

И.В. Глущенко
**Буколика в эпоху пандемии. Формирование
«деревенского мифа» на примере инстаграм-аккаунтов*,
посвященных деревне 177**

* Принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

CONTENTS

B.N. Kashnikov, A.V. Ugleva

Philosophy and Culture in the Times of Pandemics 7

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN BEING

J. Babić

Logic of Catastrophe — Deeper Logic of Reality 19

A.V. Ugleva

**Ethics of Care: Philosophical Propaedeutics as a Therapy
for Emotional Burnout in Medicine 29**

SCIENTIFIC RESEARCH

M.S. Adamov

Intellectual Virtues in the Infodemic Age 49

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

R.G. Apressyan

Ethical-pandemic Discourse: Searching a Normative Language 67

L.A. Bogodelnikova

**Community in the Age of the Pandemic: Moral Responsibility
in the Light of Covid-Uncertainty 85**

SOCIAL PRACTICES

M.R. Demin

**Digital Contact Tracking: A Threat to Civil Liberty
or a Moral Obligation 107**

S.A. Liberman

Alarmist Discourse of the Future: From Cyberpunk to Ecology 119

EXTREME SITUATION

D.I. Nozdrachev, K.A. Zamyatin, M.D. Miroshnichenko

**Moral Distress in Pediatric Palliative Care: Classic Problems
and Challenges of the COVID-19 Pandemic 138**

T.O. Novikova, M.A. Korgozha, A.O. Evmenenko
Childbirth in the Uncertainty of Covid-19 159

EVIDENCE

I.V. Gluschenko
**The Bucolic in the Age of Pandemic. Updating the “Village Myth”
on the Example of Instagram Accounts Dedicated to Life in the
Village 177**

DOI: 10.31857/S023620070020510-8

©2022 Б.Н. КАШНИКОВ, А.В. УГЛЕВА

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Кашников Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID: 0000-0002-4412-8802
bkashnikov@hse.ru

Углева Анастасия Валерьевна — кандидат философских наук, PhD, доцент Школы философии и культурологии.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID: 0000-0002-9146-1026
ayastrebtseva@gmail.com

Аннотация. Беспрецедентная по своим масштабам пандемия коронавируса, начавшаяся в 2019 году в Китае и продолжающаяся по сей день, поставила перед исследователями и практиками целый ряд серьезных проблем. Эти проблемы спровоцированы тем, что пандемия представляет собой катастрофу, но катастрофу особого типа. Символами подобных катастроф являются четыре всадника Апокалипсиса, олицетворяющие безответственное правление, пандемию, войну, голод и смерть, следующие, как показывает история, один за другим, хотя и в различной последовательности. Особенность пандемической катастрофы заключается в том, что, будучи спровоцирована естественными причинами, она

порождает проблемы, непосредственно вытекающие из особых обстоятельств жизни в условиях карантина и угрозы жизни и здоровью. Эти обстоятельства меняют жизненный мир человека и устройство его институтов. Вместе с тем многие порождаемые ею проблемы вытекают непосредственно из характеристики пандемии как кризиса ценностей. Осмысление этого кризиса в целом и в отдельных его проявлениях стало задачей данного номера, в который вошли статьи, написанные на основании некоторых докладов, прозвучавших на XII Международной конференции Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Философия и культура в период пандемии», прошедшей с 30 сентября по 2 октября 2021 года в Москве.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, всадники апокалипсиса, безопасность, свобода, человек, катастрофа, жизненный мир.

Ссылка для цитирования: Кашников Б.Н., Углева А.В. Философия и культура в период пандемии // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S023620070020510-8

Мировая эпидемия коронавируса SARS-CoV-2 (COVID-19), начавшаяся в 2019 году в Китае, охватившая вскоре всю планету и продолжающаяся в ослабленной форме вплоть до настоящего времени, — событие беспрецедентное по своему охвату и влиянию на самые разные стороны человеческой жизни. Действительные последствия новейшего «мора» еще предстоит узнать. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что помимо прямых фактических последствий, выражаемых количеством переболевших и умерших, исчисляемых экономическими и материальными потерями, пандемия имеет серьезные последствия в виде меняющихся систем ценностей и социальных институтов. К их числу относятся системы политических, юридических и моральных ценностей, которые венчают то, что мы могли бы вслед за Хайдеггером обозначить термином «жизненный мир». В отличие от многих прежних эпидемий, которые могли бушевать столетиями, уносить жизни миллионов людей, не меняя при этом принципиально общие системы ценностей и жизненный мир, современная пандемия коронавируса, напротив, похоже, безвозвратно меняет общий ценностный вектор развития человечества. Как именно, только ли пандемия тому виной, в каком направлении все меняется, не является ли пандемия более следствием, нежели причиной этого, — нам только предстоит узнать, и специальный выпуск журнала «Человек» представляет собой одно из усилий в этом направлении. В номере собраны статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на XII Международной конференции

Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Философия и культура в период пандемии», прошедшей с 30 сентября по 2 октября 2021 года. Они посвящены философскому, культурологическому, социологическому анализу проблем, возникших или требующих переосмысления в условиях пандемии коронавируса COVID-19 в самых разных сферах общественной практики — в медицине, праве, политике, экономике, культуре. Эти проблемы в большинстве своем не новы, пандемия заставляет переосмысливать заново прежние проблемы, но есть достаточно оснований полагать, что нынешняя ситуация уникальна. Ее уникальность состоит в том, что достойный выход из пандемии не представляется возможным без существенного философско-нормативного переосмотра всех или почти всех известных нам ценностей.

Б.Н. Кашников,
А.В. Углева
Философия
и культура
в период
пандемии

Пандемии в истории человечества. Третий (первый?) всадник апокалипсиса

Явление пандемии, эпидемии, мора или массовых заболеваний не является чем-то новым в истории человечества. Юстинианова чума (541–750) унесла жизни около 90 млн человек, «Черная смерть» в Европе (1346–1353) — до 200 млн. Эпидемия «Коколицтли» (1545–1548) в Центральной Америке привела к смерти 15 млн. Подобных трагических событий в истории человечества немало. Это явление отражено в христианском символе третьего (первого по другим данным) всадника апокалипсиса из шестой главы Откровения Иоанна Богослова. Мор, независимо, вследствие голода или болезней, был частным гостем людей везде на планете. Он мог следовать немедленно за войной — всадником на красном коне. При этом и тот и другой всадник следовали за всадником на белом коне, олицетворявшим, согласно одной из интерпретаций, завоевателя. Венчал всю процессию всадник на бледном коне, олицетворявшим смерть. Возможна и такая интерпретация, согласно которой первый всадник на белом коне — это и есть пандемия, более известная под названием чумы или мора. За ней следуют война, голод и смерть. Так или иначе, вся эта компания являлась человечеству в его истории с неизменным постоянством. Последовательность могла быть различной, но совершенно очевидно, что эти четыре персонажа тесно между собой связаны и их периодическое появление, хотя и в различной последовательности, неизбежно. Такое представление подверглось сомнению только в эпоху позднего модерна, когда постепенно стала усиливаться уверенность в возможности человеческого разума не только подавить массовые эпидемии, но и наложить

ограничения на войну, злоупотребления властей и даже одержать победу над смертью.

Действительно, начиная с XVIII века медицина достигла впечатляющих успехов в борьбе с массовыми инфекционными заболеваниями. Некоторые из этих заболеваний, такие как чума, оспа, тиф, холера, были почти забыты. Разумеется, за пределами Европы массовые инфекционные заболевания еще долго продолжали заявлять о себе. Чума, разразившаяся в 1855 году, погубила в Китае и Индии около 12 млн человек. Но даже и там локализация эпидемий рассматривалась лишь как дело времени и техники.

В XX веке человечеству пришлось столкнуться с целым рядом новых, ранее невиданных заболеваний. Эпидемия ВИЧ с 1980 года унесла жизни 35 млн человек. Пандемия «свиного» гриппа А/Н1N1 (2009–2010) — почти 600 тыс. жизней. Лихорадка Эбола в Западной Африке (2013–2015) — более 11 тыс. умерших. Но и эти заболевания были так или иначе локализованы, если не искоренены. Можно говорить и о появлении некоторого раннего варианта пандемии коронавируса. Испанский грипп — его предтеча — бушевал в 1918–1920-х годах и унес жизни, по некоторым данным, до 50 млн человек.

Человечеству еще с середины 1960-х годов было известно несколько разновидностей коронавирусов, которые не вызывали особой тревоги, их распространение удавалось более или менее остановить. Но с коронавирусом SARS-CoV-2, вызвавшим с 2019 года пандемию COVID-19, справиться так быстро не удалось. Стремительно распространившись, эпидемия выявила риски и для породившего ее процесса глобализации. Но самой главной проблемой оказалось то, что сомнения стали вызывать меры, направленные на локализацию заболевания, а последствия этих мер нередко воспринимаются чуть ли не как нечто худшее, чем сама болезнь. Все это заставляет нас рассматривать пандемию не как очередной всплеск нового массового заболевания, каких было и прежде немало, но как катастрофу нового типа, причем одну из катастроф, наряду с другими и взаимно друг друга усиливающими. Нам придется признать, что успехи человечества в преодолении этих бедствий были явно преувеличены.

Пандемия в рамках общей логики катастроф

В начале 2020 года, когда пандемия уже собирала свою жатву, была опубликована книга Т. Орда, которая принадлежит новому направлению философии — философии катастрофы. Само по себе появление этого направления весьма знаменательно и

совпадает с общей логикой постмодерна, свертыванием проекта модерна, возвращением в домодерн или, по меньшей мере, ранний модерн эпохи барокко с его характерным ощущением тревоги и катастрофы. Орд рассматривает два существенных для него понятия. Первое — «экзистенциальный риск» — он определяет как «...риск, который угрожает... долговременному потенциалу человечества» [Ord, 2020: 37]. Второе он называет «экзистенциальной катастрофой», которую определяет как «разрушение долговременного потенциала человечества». Экзистенциальная катастрофа влечет за собой либо полное исчезновение человечества, либо его продолжающееся существование в значительно менее благоприятных условиях. Последнее, в свою очередь, является либо следствием окончательного коллапса, либо утверждением невосполнимой дистопии (или антиутопии — противоположности утопии). Различие между ними определяется лишь временными рамками, заключенными между внезапностью и процессом постепенной деградации.

Пандемия является не столько причиной, сколько демонстрацией этой деградации. Дистопия предполагает очень несправедливое или плохое общество, преисполненное человеческих страданий. Как риск, так и катастрофа могут быть следствием естественных причин, включая астероиды, кометы, суперизвержения, взрывы галактик, а также результатом неконтролируемых действий самого человека, включая изменение климата, массовые болезни или разрушение естественной среды обитания. Но есть и катастрофы иного плана. Они вызваны не столько естественными причинами, сколько изначальным несоответствием между грандиозными замыслами и скромными возможностями человека. К числу последних принадлежит и пандемия. Она вызвана главным образом не столько естественными причинами, сколько непродуманностью человеческих действий в условиях глобализации, в которой благоприятные для человечества последствия смешиваются с неблагоприятными в результате общего несоответствия между техническими возможностями человека и его моральными способностями.

Можно отметить еще некоторых авторов, принадлежащих к этому новому направлению философии. В их числе У. Бек с его книгой «Метаморфозы мира» [Beck, 2016]. Усложнившаяся жизнь требует от нас иначе видеть мир и всерьез учитывать негативный побочный результат стремления к благим целям, равно как и позитивный побочный результат стремления ко злу. Но человечество не способно ни к тому, ни к другому, и Бек не без основания полагает, что человечество едино в своей общей домодерновой тенденции к упадку. Т. Джудт в книге «Несчастья земли» [Judt,

Б.Н. Кашников,
А.В. Углева
Философия
и культура
в период
пандемии

2010: 182] пишет, что наша жизнь устроена коренным образом неверно. Мы отучились видеть разницу между справедливостью и законом. В течение по меньшей мере последних тридцати лет мы достигли совершенства в нашем вечном стремлении придать вид добродетели пороку, следуя во всем материальному интересу. Джудт, по сути, прямо повторяет известную мысль Достоевского, высказанную в романе «Идиот»: «Покажите мне связующую настоящее человечество мысль хоть в половину той силы как в те столетия. И осмейтесь сказать, что не ослабели не помутились источники жизни под этою “звездой”, под этою сетью, опутавшею людей. И не пугайте меня вашим благосостоянием, вашими богатствами, редкостью голода и быстротой путей сообщений! Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрело и все упрели! *Все, все, все мы упрели...*» [Достоевский, 2014]. Это стремление представить порок под видом добродетели составляет ныне, по мысли Джудта, единственный смысл коллективного существования. Мы отучились задавать простые вопросы о честности и справедливости и все сводим к денежному эквиваленту. Последствия не заставили себя ждать. Юваль Ной Харари в двух книгах «Краткая история человечества» и «Человеко-Бог. Краткая история завтрашнего дня» [Harari, 2011; Harary 2017] тоже вскрывает бесконечные противоречия, с которым столкнется человечество в ближайшем будущем, и для их разрешения не будет ни готовых решений, ни оптимистических перспектив. Разумеется, философия пессимизма не нова и тесно связана с общими тенденциями постмодерна. Но в новых условиях пандемии она обретает второе дыхание.

Последствия и проблемы пандемии

Прямые последствия пандемии могут быть выражены в количестве человеческих смертей и болезней. Именно так измерялись до сих пор все массовые инфекционные заболевания. Однако этого недостаточно для оценки современной ситуации. Нынешняя пандемия также оказывается в едином смысловом ряду с войной, голодом, смертью и безответственным правлением. Ничто из этого списка само по себе не ново, но все это вместе уже не встраивается в логику модерна и Просвещения с их безудержным оптимизмом.

Проблематика пандемии содержит два смысловых ряда. Многие авторы рассматривают проблемы пандемии как вытекающие либо напрямую из самих обстоятельств массовых болезней и смертей, либо из мер по их локализации. Суть этих проблем

заключается в отказе от прежней свободы передвижения, ограничении контактов, разрушении жизненного мира и многого другого. Но есть и иной ряд проблем, который очерчивают другие авторы. Сама пандемия предстает если и не результатом чьего-то прямого умысла, то, во всяком случае, используется злонамеренными силами в своекорыстных интересах. Проблема видится ими не столько в самой пандемии, сколько в мерах, направленных на борьбу с ней, и в том, кто именно направляет эти усилия. Но самое главное, что и сама пандемия, и меры по борьбе с ней являются лишь следствием куда более фундаментального кризиса ценностей. В рамках этого направления критика мер, направленных на борьбу с пандемией, совпадает с той критикой, что ранее высказывалась в связи с антитеррористическими мерами или иными формами ограничения свободы. Во всех случаях и во всех этих мерах речь идет о наступлении на права и свободы людей, возвращение в тоталитаризм или «информационный концлагерь» или, в более широком смысле, сознательное возвращение в домодерн. Причин для этого может быть много. Одна из них заключается в корыстном интересе групп и элит. Другая — в человеческой неспособности вынести бремя свободы, о чем предупреждали многие, в частности Ф.М. Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе». Человечество в его новейшей истории часто сталкивалось с происками корыстных людей и групп, покушавшихся на общую и индивидуальную свободу. Они не могли пройти мимо возможностей, открывшихся вместе с пандемией. Известные критики и борцы против нового тоталитаризма Д. Меркола и Р. Каммин пишут: «Верховными жрецами современной инквизиции являются сети больших фармацевтических компаний и производители новостей кабельного телевидения, которые проповедуют беспрекословное повиновение официальному диктату, включая локдаун, социальное дистанцирование и благопристойное одевание масок, несмотря на отсутствие каких-либо надежных доказательств способности масок предотвратить передачу COVID-19» [Mercola, Cummin, 2021: xi]. Разумеется, общее недоверие к экспертам является наиболее острым там, где власти наименее стеснены какими-либо ограничениями в виде прав и свобод человека, как это имеет место в России. Но оно существенно даже там, где эти ограничения еще существуют, — в странах с твердыми традициями прав и свобод. Пандемия является оправданием для наступления на эти права и свободы. У некоторых авторов возникает подозрение, что пандемия, официально провозглашенная ВОЗ 11 марта 2020 года, была немедленно использована международной сетью могущественных корпораций для умножения собственной власти и доходов, и степень оправданности их действий еще предстоит оценить. Но

Б.Н. Кашников,
А.В. Углева
Философия
и культура
в период
пандемии

главное сомнение, возникающее в связи с этим, вытекает из вопроса о том, является ли вообще свобода все еще социальной ценностью человечества. Та легкость, с которой демократические народы обменяли свою свободу и права на сомнительное благо безопасности, будь то угроза террора или пандемии, заставляет усомниться в ценности для них свободы и прав.

Действительно, согласно статистическим данным, за последние пять лет 85% населения планеты смогли убедиться в неукоснительном падении всех форм свободы. Утрата свобод вследствие пандемии лишь продолжает и дополняет прежний процесс потери свободы вследствие мифической или реальной угрозы безопасности, которая могла проистекать от угрозы войны, террора или экологического кризиса. Две основные парадигмы обеспечения внутригосударственной безопасности, а именно парадигма чрезвычайного положения и парадигма гражданской бдительности без утраты прав и свобод, которые до сих пор могли мирно уживаться, в настоящее время все больше показывают свою несовместимость. Прежнее демократическое государство могло более или менее плавно переходить из состояния чрезвычайного, в котором права человека на время и с общего согласия приостанавливались, в состояние нормальное, в котором права человека соблюдались. Эта возможность трансформации ныне заметно затруднена. Официальная причина тому заключается в террористической, пандемической или какой-то иной угрозе, реальной или искусственной, которая фактически делает чрезвычайное положение неограниченным. Целый ряд авторов обращают внимание на легкость, с которой люди готовы обменять реальное благо свободы на сомнительное благо безопасности. Далее они, как правило, указывают на вполне определенные и персонифицируемые силы, которые не заинтересованы в отказе от чрезвычайного положения, поскольку личная безопасность и личное счастье определенных групп заключаются именно в нарастании этого состояния [Scheuerman, 1999]. Этими силами являются представители общественной власти, которые получают возможность выдумывать и создавать угрозу пандемии, даже если ее на самом деле и нет. Поскольку сама безопасность в этих условиях превращается в одно из основных благ, она становится также и товаром. «Чтобы получать выгоду, индустрия безопасности должна продавать безопасность. Чтобы продавать безопасность, она сначала должна создать опасность» [Neocleous, 2008: 154]. С другой стороны, по мнению Сеннета, в условиях разрушения гражданских добродетелей эти права и свободы оказываются невостребованными [Сеннет, 2003]. Порочный круг, таким образом, замыкается.

Пандемия перед лицом философского исследования

Статьи, представленные в настоящем номере, исходят из представления о пандемии как проблеме, но трактуют эту проблему либо как преодолимую в границах общей логики и ценностей модерна, либо как катастрофу — нечто выходящее за пределы этой логики, как катастрофу самого модерна. В этом смысле, хотя и наши авторы или нет, но их статьи выстраиваются в некую логическую последовательность, которую мы и попытаемся, насколько возможно, эксплицировать. Эта общая логика может быть представлена в виде шкалы повышающегося градуса алармизма. Пандемия может быть представлена как существенная, но решаемая проблема. Пандемия может быть представлена как катастрофа того или иного масштаба. Все статьи этого номера можно выстроить в виде последовательно возрастающего состояния тревоги.

Пандемия обернулась для нас изменением жизненного мира. В числе этих изменений можно назвать возвращение в деревню, ограничение контактов, ношение масок, состояние угрозы и опасности. Это тревожно, но не так опасно. Более того, есть повод для романтики и светлой грусти. Одним из таких достаточно безобидных последствий стало неожиданное возвращение деревенского мифа (И.В. Глуценко). Качественный и количественный анализ трех аккаунтов в Инстаграме позволяет сделать вывод, что пандемия оживила и актуализировала деревенский миф.

Пандемия породила множество практических проблем, которые хотя и решаемы в логике прежних систем ценностей, но представляют существенную опасность и затруднение. Одной из таких проблем является проблема инфодемии потока фейковых материалов, сопровождавших пандемию (М.С. Адамов). Многие ложные или вводящие в заблуждение истории и факты сфабрикованы и распространены без какой-либо предыстории или проверки их достоверности. Причем большая часть этой дезинформации основана на теориях заговора.

Другой такой проблемой является моральный дистресс в медицинской помощи в целом и паллиативной помощи детям, который заявил о себе в условиях пандемии (Д.И. Ноздрачев, К.А. Замятин, М.Д. Мирошниченко). Учитывая, что изучение морального дистресса базируется на антагонистическом взаимодействии двух исследовательских парадигм — феноменологической, ориентированной на анализ переживаний людей, и психометрической, объективизированной — их соотношение и возможность интеграции в практику здравоохранения также существенны.

Б.Н. Кашников,
А.В. Углева
Философия
и культура
в период
пандемии

Не менее важную нравственную проблему являет собой рождение ребенка в условиях неопределенности, связанной с COVID-19 (Т.О. Новикова, М.А. Коргожа, А.О. Евмененко). Негарантированность будущего в таких случаях может выступать фактором, усиливающим субъективное восприятие женщинами уязвимости со всеми вытекающими из этого последствиями, что требует существенных превентивных мер.

Другой проблемой такого рода является экспоненциальный рост «выгорания» медицинского персонала в период пандемии COVID-19, что требует как осмысление причин этого роста, так и специфики этого «выгорания» (А.В. Углева). Немалую помощь в этом процессе может оказать терапевтический потенциал философии, в частности опора на теорию нарративной идентичности П. Рикёра.

Пандемия заставила и заставляет нас пересмотреть прежние нормативные практики на предмет их соответствия надвигающейся угрозе. В частности, со всей очевидностью она заставила нас обратиться к поиску нового и пока еще не созданного нормативного языка (Р.Г. Апресян). Только на основе соответствующего нормативного языка нормативные документы могут предложить обществу этические критерии для оценки деятельности государственных органов и других агентов противодействия пандемии. Только владея этим языком, общество может обращаться к власти, апеллируя к универсальным и апробированным международным экспертным сообществом этическим принципам.

Одновременно пандемия поставила вопрос о морально ответственном отношении к другому (Л.А. Богодельникова). Особая напряженность, рождаемая дилеммой личной свободы и коллективных целей сохранения здоровья и выживания, может быть снята в ситуации диалога, доверия и рефлексии, которые позволили бы преодолеть нарастающее дистанцирование и разобщенность. Необходимость подобных практик в условиях пандемии становится очевидной.

Пандемия поставила нас перед лицом множества угроз нашим фундаментальным ценностям. В той мере, в какой главной из таких ценностей для человека модерна является свобода, она и должна быть рассмотрена прежде всего. Поскольку цифровое отслеживание контактов представляет собой угрозу индивидуальной свободе, то следует со всей ответственностью разобраться с ее последствиями и причинами (М.Р. Демин). Есть основания полагать, что далеко не всякое подобное отслеживание обусловлено необходимостью противостояния пандемии.

Пандемия представляет собой не просто очередную проблему модерна, а именно катастрофу, масштаб которой еще предстоит оценить, но возврата к прежним ценностям уже не будет. В этом смысле «будущего не будет». Нас ожидает алармический

дискурс будущего, полный ожидания катастрофы, что напоминает ранний модерн или позднее Средневековье. Специфика пандемии заключается в том, что, в отличие от этих эсхатологических представлений, опасность проистекает даже не от антиутопии, но от соседней конкурирующей области «нечеловеческого» (С.А. Либерман).

Пандемия представляет собой такую катастрофу, которая заставляет нас уже сейчас отказаться от прежних ценностей, за которые мы еще пытаемся цепляться (Й. Бабиц). Главной из этих ценностей является ценность индивидуальных прав и свобод, которая рискует стать утраченной окончательно, знаменуя собой наступление некоторой новой эпохи пост права. Бабиц не исходит из теории заговора, как это делают многие, кто рассматривает пандемию как катастрофу. Это не катастрофа, которая вызвана вмешательством злонамеренных сил, но ее последствия не становятся от этого менее разрушительными. Чем быстрее мы поймем степень этой разрушительности, тем лучше. В частности, мы должны окончательно отказаться от иллюзии индивидуальных прав и свобод.

Высшим из возможных градусов тревоги могли бы быть статьи о пандемии, исходящие из теории заговора, о которой мы говорили выше. В настоящем номере таких статей, к сожалению или к счастью, нет.

Разумеется, мы в этой вводной статье и авторы номера в своих статьях не даем окончательных решений. Для приближения к ним необходим широкий и разносторонний публичный дискурс. Этим специальным тематическим номером журнала «Человек» его авторы совместно с редакцией вносят в этом направлении свой посильный вклад.

Philosophy and Culture in the Times of Pandemics

Boris N. Kashnikov

DSc in Philosophy, Professor at school of philosophy and culture studies.
National Research University "Higher School of Economics".
20, Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-4412-8802
bkashnikov@hse.ru

Anastasia V. Ugleva

PhD in Philosophy, Associate Professor at school of philosophy and culture studies.
National Research University "Higher School of Economics".
20, Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-9146-1026
ayastrebtseva@gmail.com

Abstract. Unprecedented in its scope pandemic of coronavirus, which started in 2019 in China and is lasting up to this day has set before the researchers an

Б.Н. Кашников,
А.В. Углева
Философия
и культура
в период
пандемии

array of very serious problems. These problems are triggered by what makes pandemics a catastrophe, but a catastrophe of a special kind. The four horsemen of Apocalypse symbolize these catastrophes, representing irresponsible governing, pandemics, famine and death, following, as history indicates, one after another, although the order may be different. The specificity of the pandemic catastrophe is that it, being promulgated by natural reasons, creates problems, immediately stemming from the specific circumstances of life under the conditions of quarantine and threat to life and health. These circumstances change the live word of the human being and the order of his institutions. At the same time many of the problems, caused by it, are stemming immediately from the characteristic of the pandemics as a crisis of value. The comprehension of this crisis in general and in its particular implications became the goal of this issue, comprised of the articles, based on some of the papers presented on the XII International conference of the School of Philosophy and culture studies of the NRU HSE "Philosophy and Culture in the Time of Pandemics", which took place from 30 September to 2 October 2021 in Moscow.

Keywords: Covid-19, pandemics, horsemen of Apocalypse, security, freedom, human, catastrophe, live word, F.M. Dostoyevsky.

For citation: Kashnikov B.N., Ugleva A.V. Philosophy and Culture in the Times of Pandemics // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 7–18. DOI: 10.31857/S023620070020510-8

Литература/References

Достоевский Ф.М. Идиот. М: Да Медиа, 2014.

Dostoevskij F.M. Idiot [The Idiot]. Moscow: Da Media, 2014.

Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. Москва: Логос, 2003.

Sennett R. Padenie publichnogo cheloveka [The Fall of Public Man], transl. from Engl. by O. Isaeva, E. Rudnitskaya, Vl. Sofronova, K. Chukhrukidze. Moscow: Logos, 2003.

Beck U. *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.

Harari J.N. *Sapiens. A Brief History of Humankind*. New York: Vintage, 2011.

Harari J.N. *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*. New York: Vintage, 2017.

Judt T. *Ill fares the Land*. London: Penguin, 2010.

Mercola J., Cummin R. *The Truth About COVID-19: Exposing the Great Reset, Lockdowns, Vaccine Passports, and the New Normal*. London: Chelsia Green Publishing, 2021.

Neocleous M. *Critique of Security*. Edinburg: Edinburg University Press, 2008.

Ord T. *The Precipice. Existential Risk and the Future of Humanity*. London: Bloomsbury, 2020.

Scheuerman W.E. Globalization and Exceptional Powers: The Erosion of Liberal Democracy. *Radical Philosophy*. 1999. N 93.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31857/S023620070020511-9

©2022 Й. БАБИЧ

ЛОГИКА КАТАСТРОФЫ — БОЛЕЕ ГЛУБОКАЯ ЛОГИКА РЕАЛЬНОСТИ

Йован Бабич — профессор Университета Белграда.
Цика Любина, 18-20. 11000 Белград, Сербия.
Сотрудник исследовательской лаборатории по прикладной этике.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID: 0000-0002-7591-4902
jbabic@f.bg.ac.rs

Аннотация. Громадные изменения, влекомые пандемией коронавируса, содержат структурные характеристики, определяющие их содержание как катастрофу. Статья исследует эти процессы и предлагает возможный анализ некоторых логических и нормативных черт исследуемого феномена. Катастрофы не являются кризисом: они непредсказуемы, не происходят по нашей воле, сопровождаются незнанием или невежеством и предполагают серьезные ограничения, проистекающие из их необходимых последствий. Одним из наиболее значимых последствий является ограничение того, что при нормальных условиях составляет право, в особенности в отношении прав — привилегий, то есть прав, которые не являются предметом «потребления» всех, — учитывая при этом, что «всех» не означает «каждого». В заключение в статье рассматривается тема взаимности и ответственности в отношении других и в особенности широко представленный феномен безразличия в отношении других.

Ключевые слова: пандемия, катастрофа, глубокая логика реальности, права, привилегии, безразличие по отношению другим.

Ссылка для цитирования: Бабич Й. Логика катастрофы — более глубокая формула реальности // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 19–28.
DOI: 10.31857/S023620070020511-9

LOGIC OF CATASTROPHE — DEEPER LOGIC OF REALITY

Jovan Babić — University of Belgrade, Serbia. Cika-Ljubina 18-20. 11000 Belgrade. Serbia.
 A member of Research laboratory on Applied ethics.
 National Research University Higher School of
 Economics. Moscow, Russian Federation.
 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian
 Federation.

Abstract. The huge change brought about by the coronavirus pandemic contains some structural characteristics that define it as a catastrophe. The text explores and offers an outline of a possible analysis of some of the logical and normative features of this phenomenon. Catastrophes are not crises, they are unpredictable, not self-inflicted, accompanied by scarce knowledge or ignorance, and imply some restraints coming from necessities that are their consequences. One of the most important of those consequences are restraints in what in normal circumstances were valid rights, especially those rights that are privileges, i.e. rights that depend on the clause that they won't be "consumed" by all — implying that in such rights "all" does not imply "everyone". At the end, the issue of reciprocity and responsibility towards others is briefly mentioned, and especially the phenomenon of widespread indifference towards others.

Keywords: Pandemics, catastrophe, deep logic or reality, rights, privileges, indifference towards others.

For citation: Babić J. Logic of Catastrophe — Deeper Logic of Reality // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 19–28. DOI: 10.31857/5023620070020511-9

In situation of widespread confusion regarding Corona pandemics it is not clear where to place the focus of importance and what to emphasize. It is rather obvious that the level of needed knowledge about all relevant facts is lacking. However, the basic notions and conceptual distinctions, those that are usually taken as being of constitutive significance in this sense, are not clear enough nor universally accepted. Even the notion of what is *factual* is not established properly as a semantic reality, as it should be. One of those notions that seem most important in this context, the concept of *rights*, seems to have especially disastrous effect on the quality of this discussion. My thesis will be that the Corona pandemics is a type of *catastrophe*, not a mere *crisis*. Catastrophes are unpredictable,

introduce a high level of uncertainty about what's happening, destroy our established normative schemes that regulate what we normally do, significantly diminish our capacity to predict and control the future, and even make some laws redundant and obsolete. The scope of what we can or should do change. This introduces a new reality, and produces a need for new kinds of regulation. Previously accepted normative schemes lose their plausibility and relevance. One of those normative schemes, the concept of rights, will be analyzed in more detail later in this short text.

Catastrophe, not crisis

The huge changes brought about by the Corona virus pandemic contain some structural characteristics that define it as a *catastrophe*. It is not a *crisis*. Crises are something we get ourselves into; they are usually crossroads where we face particularly difficult dilemmas that are results of previous mistakes in decision making, whether those mistakes are the result of ignorance or lack of precision and courage in the decision-making process. In that sense, crises are essentially always at least partially self-inflicted (and, at least to some extent, culpable), which is not the case with catastrophes. Catastrophes are external, unpredictable, come suddenly, and usually do not provide a chance for preparations. They bring a new reality in which many things that were taken as obvious are not such anymore, and many accepted norms lose their effectiveness and even applicability. At the same time they introduce urgency and a need for fast decision-making. The extent of need to act is maximal. In catastrophes we face a need for increased regulatory requirements regarding many aspects of life. It appears as if the deeper layer of reality imposes its mandatory, though by assumption temporary, demands. My thesis is that this logic is not necessarily different from the logic according to which many of our established expectations and rights are already articulated. The difference is in the suddenness and speed of the advent of new phenomenon without established and accepted rules of regulation. The rules regulating the new phenomena have to be formulated, but also accepted, and before that happens there is an empty normative space where the rules and rights are not determined and defined.

Rights, introductory part

One of the most important parts in facing the pandemics is malfunction in the concept of “rights”. We are living in the age of a specific ideology of rights, and rights are usually taken as sacrosanct and

Й. Бабич

Логика катастрофы — более глубокая логика реальности

inalienable [cf. Simmons, 1983]. However, I propose that rights are not that fundamental, and certainly not sacrosanct, as many believe today. Normative logic of rights is similar to the logic according to which laws function – they are conventions which, to be efficient, must be taken as if they are unchangeable, although they are not. But this is the logic of promises as well, and all other norms – they have to be accepted as mandatory in their lifespan, in the interval in which they are really valid. It is logic of laws and customs, they function *sub specie aeternitatis*, as if they are eternal although they are not. In fact they usually are (mutual, reciprocal) exchanges of claims and privileges we make with each other, to facilitate established expectations in their work of controlling the future in two main forms: controlling what we will do and what will actually happen.

In that sense rights are conventions, valid only temporary – as long as the word “*sub*” (“as if”) in the clause “*sub specie aeternitatis*” (“as if they are eternal”) is convincing and accepted (normally, although not necessarily, it will be accepted as long as they are perceived as acceptable, i.e. perceived as attractive enough to be accepted). This implies that any actual distribution of rights is a matter of permanent refinement and change – rights are not stable and fixed. As soon as they confront a real challenge, they will be reconsidered, which means they will become subject to the process of possible reinterpretation, in the search of their most sustainable and resilient formulation. Especially, and that will be a subject of this short analysis, this will be the case when they, the rights, conflict with what I will call “deeper realm of reality”. That kind of reality is particularly visible in catastrophes, but is also present in the set of basic, or long-term important, interests of our common life and the limits and constraints of all possible interests that come into possible conflict with those more important interests, primarily interests invested in the continuation of life and its basic structure³.

Life is defined here as a long-term intergenerational and multigenerational project. The constraints linked to the continuation of life can produce duties and obligations that will necessarily function prior to any other interests, prior to all those interests that hinder them. This priority is essentially normative, but in reality it will appear as factual and preemptory. If this is true, it means that both interests and their

³ It is not so only with rights, all norms are subject to this provision. For example, the norm of incest, which might be one of the most basic constitutive rules of our civilization, would have to be abandoned if the continuation of life were dependent on that. The biblical story of Lot and his daughters might be taken as illustration there: if the survival of humankind depends on, perhaps only temporary or onetime breaking of this rule it would suddenly become justifiable to break it.

limitations that are manifested within the valid limits of their realization (articulated as duties and obligations) precede rights (they have primacy to established rights). Rights rely on and control interests and, even more, their limitations, but they also supervene on them.

Ignorance

Before we turn to the concept of right in some more details, let us first discuss a few other preliminaries. The most important parameter we are dealing with regarding current corona virus pandemic is the *ignorance* in its many forms. The function of ignorance in this context is far-reaching. Ignorance is a very powerful tool in producing various consequences. Sometimes ignorance excuses, sometimes it prevents good results or, more than that, prevents one from getting out of trouble. Relevant knowledge here is *empirical* in its nature, which means that it cannot be deductively derived from some basic and universally accepted axioms that are independent of experience. And the pandemic we face now is a kind of a new phenomenon that, in the form we face it, might not have been experienced in the past. Or at least, it is new to the currently living generations, which never experienced the disease-ridden history of their ancestors. Rapid and enormous progress in technological knowledge has made life much easier and more comfortable than ever, and this might be the source for disbelief that the pandemic is, or that it can be, something really difficult and dangerous. Although facts must be found in experience and cannot be discovered “deductively” (using only our intellectual capacities), they still exist independently of any experience: presumably they are there even if nobody perceives them, despite the fact that our perceiving and experiencing (obtainable often only indirectly through experimentation) is the condition for our knowledge of them. Why would we mention obvious things like this here? Because an important part of the problem comes from the lack of proper understanding of this simple thing. It is well known that we have witnessed, and still are witnessing, huge disagreements about basic facts in our subject, for example regarding the notion of “vaccine”: many refuse to accept any new version of it because it allegedly puts into question its very definition (how is it possible to call a “vaccine” something that is so different from what has been named as such before?).

Another, even more basic, sign that this ignorance appears as a misunderstanding is widespread belief that the factuality of facts is determined by “experts” in a strange procedure of their negotiation about which facts exist. We could notice, if we pay attention, that very often people, and not always lay people, demand “consensus”, demand that

Й. Бабич

Логика катастрофы — более глубокая логика реальности

pandemic, then that indicates that COVID is a cardinal, and much bigger, catastrophe than what we thought it was.

Since it seems that these questions cannot be answered, this argument does not promise relevance or credibility, so we will instead concentrate on two directions or levels of argumentation that are less dependent on specificity of the answers to such empirical questions. These two are as follows: First, the level of functioning of collective immunity as a source of the general obligation to vaccinate and a restriction of all those rights, real and imagined, that stand in the way of that obligation. This argument will show that the “right to non-vaccination”, even if taken as a real right, is subject to the logic of restrictions to which many other (though not all) rights are subject, the consumption of which depends on accessibility and affordability. This will be an argument based on the principle that “everyone” does not imply “all”.

The second level of argument is more cardinal - it shows that, even in the conditions of scarcity and inevitable slowness that vaccination faces, there is a duty not to harm others, no matter how attractive it may be in the context of the irresistibility of some exotic and powerful motives. Passive protection of others (contained in the principle of “do no harm”) is a source of universal obligation that is in no way subject to free and “private” decision-making about what we care or do not care about in the end. In this second level, accessibility and affordability do not play the constitutive role they have in constituting those rights that are privileges and whose exercise depends on the fact that not everyone will reach for their consumption. All rights are restrictions on someone else’s freedom and imply a normative change that restricts everyone in what they can do, but *privileges*, unlike *claim rights* (for more about classifications of rights see [Hohfeld, 1946]), cannot be distributed universally (i.e. to all) without restrictions. (Claim rights, in principle, can apply to all, not just to everyone taken as particular candidates for their consumption: although not everyone can be a monk, everyone can buy a house, or get married, if they wish and if there is an opportunity to do so.)

Rights, main part; the right to not be vaccinated

In catastrophes, language of rights suddenly becomes unconvincing and void. But it is so only because catastrophes make it visible; in principle it is latently so for most rights. They all depend on availability, and some on the form of their distribution. Ordinarily, so called “claim rights” depend just on availability and affordability, but some other rights, those that confer privileges, also depend on the assumption

Й. Бабич

Логика катастрофы — более глубокая логика реальности

that not everyone is interested in them. For example rights to refuse to vote, or to become a monk, would cease to exist if *everyone* would actually claim them. They depend on the hidden fact that there will be *enough* of those who will *not* consume such rights. This is the feature of all rights and all privileges, and this is very evident in the current misunderstandings regarding the “right not to be vaccinated”. My argument at this stage was that such a right, if allowed, would depend on a sufficient number of those who do not claim it. The logical error comes from the erroneous assumption that “everyone” implies “all”: the clause that everyone has a certain right does not entail that all may exercise that right even though all are entitled to claim it. “Everyone” is a different kind of quantifier here, meaning that *anyone* can be a candidate for such a right, nothing more. And even then, it is a very exclusive, and strange, kind of privilege. This implies that it may not be able to withstand the rigor of possible requirements in disaster situations.

However, if we go even deeper into the logic of pandemics, partly independent of the logic of catastrophes (which could leave aside the “normal” norms in what we can call “normality of life” [see Babić, 2015], we can ask ourselves whether the aspiration to avoid vaccination can be valid at all. We can say that everyone has the right to jump off a bridge (with the intention of committing suicide), provided that not everyone does, but we can also say that no one has the right to push others off bridges (with an intention, for example, of seeing what happens). If the intention to avoid vaccination is more like pushing others off bridges than jumping off them, we can conclude that the “right to non-vaccination” is not sustainable at all, not even as an exception (the logic of exception is part of the thesis that “everybody” does not imply “all”).

In a way, all this can be considered an old question of skepticism. But if we include the notion of responsibility in the story, the matter becomes serious and, possibly, connected with a deeper layer of normativity: valid and justified implementation of different levels of normativity contained at different levels of rights and their limitations. The normative force of constraints may prove to be stronger than the normative force of rights (even in case of claim rights, and especially in case of rights as privileges). It remains to be seen whether, as far as vaccination is concerned, this level will be reached in the near future. However, we can say with certainty that it would be strange and irresponsible to be surprised if deeper layer of reality (from which the limitations of the rights we aspire come) does not impose requirements of intersubjectivity that go beyond the normative force of established expectations in an attempt to preserve what has been seen as vitally important and obligatory to preserve.

Conclusion

In today's pandemic, this all means that even if vaccination is voluntary, it does not mean that everyone could refuse to be vaccinated. As collective immunity can only be achieved by reaching a certain percentage of those who have acquired immunity (so called "collective immunity", the definition of which needs to be specified) this means that "the right not to be vaccinated", although universal, does not cover "all". Recognition that everyone has the right not to be vaccinated, that right is still limited in numbers only to the difference between the percentage required for collective immunity and 100% of the entire population. So, if collective immunity is available, for example, at 80% this implies that only 20% of the population can have such a right. Who then has that right? *Everyone* has it, provided that everyone who wants to use that right belongs to the 20% that is not necessary for collective immunity. The point is that *everyone* still has that right, but obviously it is not the case that *all* have it. nyone interested can have it if their number is less than 20% of the total population. Such logic is already contained in many accepted rights, such as the right to be a monk and follow celibacy, or to be homosexual, or to not vote in general elections: such rights are valid only on the supposition that there will remain *enough* of those who are *not* going to "consume" that right. There wouldn't be elections and all what depends on it (the consequences certainly would be cardinal, producing far reaching and for the purpose of elections disastrous effect) in the first case, and humankind simply couldn't exist if all were homosexuals or celibacy pursuing monks. (The percentage, above which all these activities would have to be prohibited, of those who would really have the right to not be vaccinated would presumably still be higher than the percentage of homosexuals or monks.)

Of course, all this would become unnecessary and redundant if vaccination was mandatory. But the question of whether it should be mandatory depends on another question: is the right not to be vaccinated analogous to a right like the one to celibacy – or is it more akin to a right to shoot randomly in the dark, or the imaginary "right" to push others off the bridges. If second is the case, the dialectics between "everyone" and "all" would cease its relevance. Talking of "rights" then becomes implausible and unconvincing because "deeper logic of reality" then prevails (within the limits of what is possible, of course).

The text does not analyze the moral dimension of the attitude towards the current pandemics, above all what is perhaps the most important from the moral point of view: the attitude towards others. Here we are confronted with one morally extremely malignant phenomenon: *moral indifference towards others*, which looks like

Й. Бабич

Логика катастрофы — более глубокая логика реальности

extreme selfishness and worse. The right not to be vaccinated can be justified in a similar way as the right to commit suicide, or to participate in the game of Russian roulette (with all restrictions included), but from a moral point of view, that is not the main problem. The main problem is not that one can freely accept the risk of illness and death (if one perceives vaccination as a humiliation large enough that they would rather accept that risk of illness and dying than be humiliated by vaccine), but something else: that it is possible to infect others to aggravate access to medical care (by getting very ill, taking up hospital beds, and preventing doctors from being able to treat other ongoing diseases). In that sense antivaxers are more similar to hackers who make malicious computer programs, so-called “viruses” (which, when released, for no reason hit unknown victims) than “real” terrorists (who invest their moral and physical integrity in attacking the innocents to draw attention to their, in their view unjust and undeserved, disenfranchisement and helplessness). Morally, it is much worse than participating in war: the rule of war allows not only the risk of dying but, which is morally much worse, of killing others, but that relationship is reciprocal. There is no reciprocity in refusing vaccination, so irresponsibility towards oneself becomes insignificant compared to irresponsibility towards others.

References

- A. John Simmons. Inalienable Rights and Locke's Treatises. *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12. P. 3.
- Babić J. Self-Regarding / Other-Regarding Acts, Prolegomena 5:2 (2006); on the link https://www.researchgate.net/publication/26453577_Self-Regarding_Other-Regarding_Acts
- Babić J. “Trust, predictability, and lasting peace”, *Facta Universitatis*, 14:1 (2015); on the link https://www.researchgate.net/publication/284187813_Trust_Predictability_and_Lasting_Peace
- Wesley Newcomb Hohfeld, *Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning*. Yale University Press, 1946.

DOI: 10.31857/S023620070020512-0

©2022 А.В. УГЛЕВА

ЭТИКА ЗАБОТЫ: ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА КАК ТЕРАПИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В МЕДИЦИНЕ

Углева Анастасия Валерьевна — кандидат философских наук, PhD, доцент Школы философии и культурологии.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID: 0000-0002-9146-1026
ayastrebtseva@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является осмысление причин экспоненциального роста и специфики выгорания медицинского персонала в период пандемии COVID-19, а также обоснование терапевтического потенциала философии с опорой на теорию нарративной идентичности П. Рикера. Пандемия заставила по-новому взглянуть на отношение ко времени, убедив, что в целом мы неплохо подготовлены к неотложной медицинской помощи, но плохо справляемся с проблемой в долгосрочной перспективе. Примером тому является неэффективность лечения многих хронических заболеваний на фоне ковида, вписывающих болезнь во временные границы жизни отдельного человека. Временность ухода за больным отчасти детерминирована характером организации труда медработника — его рутинизацией и приданием особой

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году

значимости индивидуальной оценке производительности. Тем самым искусственно создаются условия для фактического размывания профессиональных коллективов, конкуренции между врачами, между услугами и между пациентами. В результате разрыва темпоральности, идентичность субъекта, осуществляющего уход за больным, размывается, под вопросом оказывается и «смысл профессии». Риски выгорания, связанные с понижением уровня ответственности медработников и повышением вероятности профессиональных ошибок, требуют осмысления причин субъективно переживаемых страданий и выстраивания коллективного нарратива. Его необходимость объясняется также потребностью в обеспечении защищенности медперсонала перед лицом как администрации, так и пациентского сообщества, для чего требуется возвращение к коллективной истории и создание системы внутренних и внешних защитительных механизмов медицинского сообщества. Это требование, основанное на общественном признании ценности труда медицинских работников, вполне соблюдается в ряде ведущих западных стран и совершенно игнорируется в России.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, профессиональное выгорание медицинских работников, психологическое благополучие, дистресс, нарративная терапия, нарративная идентичность, нарративная этика, самость, уязвимость, Поль Рикер.

Ссылка для цитирования: Углева А.В. Этика заботы: философская пропедевтика как терапия эмоционального выгорания в медицине // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 29–48. DOI: 10.31857/S023620070020512-0

Выгорание как атрибут медицинской профессии

В 1974 году Х.Дж. Фрейденбергером, занятым в альтернативной службе медицинской помощи, был описан феномен «burnout» (выгорание), длительное время наблюдавшийся им в его психиатрическом окружении. Этот феномен заключается в эмоциональном истощении, потере медиками мотивации, следствием чего нередко становится утрата ими профессиональной ответственности [Freudenberger, 1974: 159–165]. В начале пандемии COVID-19 в 2020 году С.Р. Батлером было проведено исследование, продемонстрировавшее экспоненциальный рост выгорания, который, помимо прочего, сопровождался утратой уверенности многих медицинских работников в собственной квалификации, усилением разобщенности и недоверия внутри профессиональных коллективов, эмоциональным и умственным отстранением, в отдельных случаях — усилением негативизма и циничного отношения

к коллегам и пациентам, и, как следствие, увеличением вероятности профессиональной ошибки [Butler et al., 2020]. При этом повышенный страх совершить такую ошибку или подвергнуться обструкции со стороны пациента, как правило, переживается в тишине и изоляции, провоцирующими у медработника перманентное чувство вины, стыда, страха перед судебными рисками и потерей профессиональной репутации [WU, 2000]. Наряду с этим, интенсификация управления клиническими практиками, введение жестких протоколов лечения, активное внедрение ИТ-инструментов, отношение к медицине как исключительному праву пациента также способствуют обесцениванию профессии и увеличению риска выгорания [Velut, 2020].

Синдром эмоционального выгорания (МКБ10: Z73 — Проблемы, связанные с трудностями управления своей жизнью) является традиционной для медицинской «субъект-субъектной» профессии проблемой вне зависимости от периодов эпидемий. Он связан с высокой степенью ответственности, рутинизацией труда медицинского персонала, несбалансированностью профессиональной нагрузки и личной жизни, регулярным нарушением со стороны администраций медицинских учреждений социальных прав сотрудников. В ситуации пандемии их положение значительно ухудшается в связи с тотальной нехваткой средств индивидуальной защиты, экстремальной нагрузкой, повышенной угрозой заражения себя и близких, отсутствием уверенности в интерперсональной поддержке внутри профессиональных коллективов и администрации в случае заражения, а также доступа к полной информации о симптоматике, профилактике, лечении заболевания и профессиональных рисках и др. [Shanafelt et al., 2020: 2133–2134]. Это способствует эмоциональной дезадаптации, выражающейся в симптомах тревоги, депрессии и эмоционального дистресса во время эпидемий [Холмогорова и др., 2020: 322]. Пандемия подорвала уверенность большей части медицинского персонала в основополагающих убеждениях в собственной неуязвимости, предсказуемости мира и возможности контролировать свою жизнь. Между тем, эти базовые убеждения обеспечивают человеку чувство безопасности в повседневной жизни. Из-за долговременности и устойчивости стрессового воздействия снижается уровень критичности мышления, сказывается неспособность совладать с действительностью, рациональным образом осмыслить полученный негативный опыт [Li et al., 2020]. Синдром хронической усталости, депрессия, регулярный прием антидепрессантов и бензодиазепинов стали сопутствующими факторами этого состояния. И даже если, по некоторым данным, показатели депрессии несколько снижаются со временем благодаря постепенной адаптации к новым

А.В. Углева
Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

условиям жизни, показатели тревоги остаются стабильно высокими и при этом неуклонно возрастают показатели эмоционального истощения [Холмогорова и др., 2020: 327].

Согласно определению ВОЗ (2001), «синдром выгорания (burnout syndrome) — это физическое, эмоциональное или мотивационное истощение, характеризующееся нарушением продуктивности в работе и усталостью, бессонницей, повышенной подверженностью соматическим заболеваниям, а также употреблением алкоголя или других психоактивных средств с целью получить временное облегчение, что имеет тенденцию к развитию физиологической зависимости и в ряде случаев суицидального настроения»¹. Неслучайно с начала пандемии страны, наиболее тяжело справляющиеся с ней, сообщали о постоянно увеличивающемся количестве суицидов среди медицинских работников. По данным норвежского проспективного исследования, нейротизм является прогностическим фактором суицидальных мыслей особенно среди молодых врачей [Tyssen et al., 2001]. Высокий риск суицидального поведения именно среди медицинского персонала, перманентно переживающего эмоциональное выгорание, подтверждает и метаанализ 2019 года, осуществленный Ф. Дютхейлом и др., в котором обобщены данные 61 исследования и доказано, что суициды встречаются у медицинских работников в 1,4 раза чаще, чем в среднем у работоспособного населения, при этом у женщин их вероятность в 2 раза выше, чем у мужчин [Dutheil et al., 2019; Холмогорова и др., 2020: 326].

Есть все основания полагать, что проблема выгорания в медицине является атрибутивной характеристикой профессии во многом благодаря тому, что у медицинского персонала выгорание авансировано за счет отношения к Другому как к потенциальному больному. Многочисленные экспериментальные исследования подтверждают наличие корреляционной связи между выгоранием и сопереживанием [Tei et al., 2014: e393]. Это подтверждает и статистика: «Еще до эпидемии Covid-19 доля выгоревших медицинских работников в РФ доходила до 70%, в США — до 50%. <...> В условиях эпидемии COVID-19... деперсонализация медицинских

¹ При этом клиническая картина профессионального выгорания весьма пестрая и потому не однозначная. У медицинского работника могут проявляться симптомы соматически обусловленных заболеваний (таких как боль в животе и/или опорно-двигательном аппарате, астения), психические расстройства (депрессивные и тревожные вплоть до суицида), поведенческие реакции (расстройство сна, гиперактивность, аддиктивное поведение), когнитивные нарушения (негативное восприятие действительности и отношения близких) и др. [Свистунов и др., 2019: 103].

работников в РФ достигла 93%» (Худова, Улумбекова, 2021: 42)². Деперсонализация проявляется прежде всего в полной или частичной утрате интереса к пациенту как субъекту действия, он воспринимается как неодушевленный объект манипулирования, проблемы которого тяготят, а их решение не приносит удовлетворения. Соответственно и сам профессиональный опыт общения с пациентами теряет свою социальную ценность. Эмпатия как способность индивида проникать в состояние другого человека с помощью воображения и интуиции перестает быть фактором сбалансированного общения в системе «врач–пациент» [Shanafelt et al., 2020: 2133–2134; Kröger, 2020: S156–S158]³.

А.В. Углева
Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

Травматический опыт в период пандемии

Согласно Батлеру, пандемия породила два вида особых психологических травм у медицинских работников. Первый вид — следствие разрушения в сознании самого медика его социальной идентичности. К примеру, заведующий отделением реанимации с больными COVID-19, заняв эту должность по достижении им высокого уровня профессионализма, обеспечивающего ему признание и доверие коллег, на протяжении длительного времени не имел представления о гарантированных способах лечения ковидной инфекции, особенно в случаях наличия у пациента тех или иных хронических заболеваний. В итоге его уверенность в собственных компетенциях оказалась поколебленной, чему в немалой степени способствует и деятельность средств массовой информации, активно использующих для привлечения внимания широкой аудитории таких приемов, как катастрофизация контента и включение в ленту новостей противоречивой «экспертной» информации. Это подрывает доверие общества и к «экспертному» знанию как таковому, и к компетенциям врачей, одновременно создает условия для развития адаптационных расстройств, возникающих в условиях самоизоляции и разрушения привычного образа жизни [Brooks et al., 2020: 912–920].

² «Золотым стандартом» в определении степени профессионального выгорания является методика, основанная на опроснике С. Maslach и S. Jackson (1981), адаптированного в РФ в 2001 году Н.В. Водопьяновой. Опросник включает 22 пункта для определения значения трех шкал: «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация», «Редукция профессиональных достижений». Выгорание сотрудника тем выше, чем выше баллы по каждой шкале.

³ Конечно, очевидность корреляции между выгоранием и конкретной ошибкой медицинского работника может быть поставлена под сомнение, тем не менее, в медицинских учреждениях с высокой степенью выгорания сотрудников действительно отмечается более высокая вероятность травматизма больных [National Academies of Sciences, 2019].

Второй вид травмы связан с неизбежностью тяжелого морального выбора в условиях ограниченности ресурсов: например, кого из нуждающихся пациентов подключать к искусственной вентиляции легких в первую очередь? Решение требуется подчас принимать единолично и мгновенно. Врачи выражают неготовность брать на себя персональную ответственность за этот выбор и требуют выработки общих рекомендаций со стороны курирующих органов, отсутствие или неоднозначность трактовок которых в условиях неопределенности и перманентного риска оказывается одними из ключевых травмирующих факторов [West et al., 2016: 2272–2281]. К тому же нередко медикам приходится иметь дело с агрессивными и недоверчивыми пациентами, предчувствующими невозможность своего выздоровления или даже смерть. Эмпатия и сострадание, вызываемое в подобных случаях, должны сублимироваться, как минимум, в общественном признании труда медицинских работников, тем самым способствуя упрочиванию их профессиональной и личной идентичности и доверию их экспертному мнению. Пока же в России наблюдается определенная эпистемическая несправедливость, проявляющаяся в игнорировании позиции медицинского работника или даже целого врачебного сообщества как носителя экспертного знания, при том, что врач как автономный субъект никем и ничем не защищен. Отчасти благодаря протокольному характеру медицины с него формально снимается определенная ответственность, связанная с возможностью профессиональной ошибки. Вместе с тем тот, кто в состоянии осуществлять перманентный интеллектуально ответственный поиск эффективного и единственно верного решения в диагностике и лечении заболевания, на самом деле не может в полной мере пользоваться своим интеллектуальным превосходством. Для этого требуется исключительная воля, свободный характер которой в ситуации выгорания и эмоционального отстранения весьма сомнителен. Эпистемическая несправедливость порождает патогенные страдания, стимулирующие к поиску индивидуальных стратегий защиты, сопряженных нередко с кризисом «профессиональной совести», последствия которой могут быть весьма трагическими как для субъекта действия, так и для объекта его заботы.

Выгорание как способ защиты и «возвышенный» опыт

Переживаемый медицинским сообществом в период пандемии травматический опыт требует поиска конструктивного решения проблемы. Пандемия как будто разрывает жизненный континуум

на время «до» и «после», происходит обособление прошлого от настоящего в сознании испытывающих выгорание профессионалов. И тогда выгорание может быть рассмотрено как способ психологической защиты в форме эмоционального отстранения в ответ на психотравмирующие воздействия. В результате вырабатывается определенный стереотип профессионального поведения, суть которого — в экономии моральных и эмоциональных ресурсов. Однако, чтобы заботиться о других, необходимо по возможности избегать отождествления себя с больным, что предполагает четкое разделение здоровья и болезни, автономии и зависимости, нормы и патологии. В силу проблематичности такого ясного разграничения, позитивные следствия выгорания не нивелируют его дисфункциональные последствия в виде разрушения горизонтальных связей, профессиональной деформации личности и т.п. Требуется переосмысление прошлого, постоянное его проговаривание с целью осознания произошедшего, в той или иной степени принятия конкретных событий как части своего негативного опыта. Он превращается тем самым в опыт возвышенный, поскольку отличается от повседневного опыта, как бы «превосходит» его. Благодаря ему *Я* осознает свою ограниченность и получает возможность посмотреть на себя как на *Другого*. Это что-то вроде «математического возвышенного» И. Канта, в основе которого лежит идея выхода за собственные пределы, возможного лишь на границе между страхом и восхищением. Возвышенное в поступке человека позволяет увидеть в нем подвиг — такова своеобразная эстетика внутреннего конфликта, выражающегося в смятении чувств, попытке превзойти себя самого и сотворить что-то невозможное.

Одна из проблем на пути признания этого особого целеполагания медицинской профессии состоит в ее идеализации еще на этапе обучения. Все начинается с идеалистического энтузиазма молодых неопытных врачей, часто растворяющихся в своей профессии вплоть до самоотождествления с пациентом, принятия на себя ответственности за все его личный, экзистенциальные, социальные и прочие переживания. Перфекционизм и отрицание собственных потребностей, провоцируют чрезмерное инвестирование сил в профессию как в призвание, погружение в *Другого* становится чуть ли не самоцелью. Однако при всей освещенности благой целью и долженствованием, труд медицинского работника остается рутинизированным. Героизм медиков в ситуации пандемии кажется очевидным, но в общественном сознании он не совместим с болью и страданием самого героя. Они почти не проговариваются в силу привычки видеть в нем не субъекта переживаний, а идеал жертвенника, целиком отдающего себя любимому делу в ущерб собственным личностным потребностям.

А.В. Углева

Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

«Выгорание, как правило, зависит от степени выраженности экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, эмоциональной стабильности, интеллектуальной автономии... высокие качества врача могут защитить его от известных рисков развития синдрома эмоционального выгорания» [Bakker et al., 2006].

Уязвимость медицинского персонала и перспективы самоовеществления

Свойственный медицинской профессии альтруизм априори предполагает отрицание собственной уязвимости. При всей кажущейся автономии субъект действия на самом деле оказывается «хрупким, уязвимым существом» [Ricoeur, 1997: 122]. Причем уязвимость «отнюдь не характеризует переходное состояние, которое требуется преодолеть, чтобы получить доступ к автономии, она не является и патологическим состоянием, возникшим в результате невозможности такого доступа, но своего рода непреодолимой модальностью нашего отношения к миру» [Gartau, Le Goff, 2010: 6]. Самому медицинскому сообществу свойственно замалчивать свои потребности, поскольку «когда мы думаем о себе как об автономных и независимых, очень трудно принять, что мы тоже нуждаемся» [Tronto, 2008: 175]. Такая уязвимость не только не принимается самим субъектом, но порицается и со стороны общества, как не соответствующая «идеалу» совершенно чуждой этой профессии патерналистской этики. Любые проявления уязвимости субъекта сопровождаются упреками в его непрофессионализме и даже профнепригодности. Отсюда и социальные ожидания по поводу жертвенного характера медицинской профессии.

Опытному медику, конечно, трудно научиться открыто выражать свою личную потребность в помощи, то есть принять собственную уязвимость, себя как *Другого* и тем самым обеспечить формирование действительно равного пространства моральной необходимости, в которой, как говорил Рикер, возможна «хорошая жизнь с другими и для других в справедливых учреждениях» [Ricoeur, 1990: 202]. Проблема кажется разрешимой, если акцентировать внимание на нашей общей уязвимости. И тогда страдания отдельных лиц могут быть мыслимы как часть общего порядка экзистенциального страдания, относящегося к человеческому опыту во всей его сложности и полноте. Исследования показывают, что для сохранения психологического здоровья врачей определяющими являются «ориентация во времени», «самоуважение», «ценностная ориентация», «поддержка» [Рыбников и др., 2012: 117]. Кооперация тем более важна, что общность истории,

как и общность переживания исторического момента, предотвращает тотальность одиночества, изоляции, ощущение личной неудачи при каждом случае неэффективно реализованной заботы, когда пациент гибнет, несмотря на все предпринятые усилия, и смерть становится массовым явлением.

А. Хоннет справедливо отмечает, что одним из важнейших условий «хорошей жизни с другими» является успешность борьбы за признание, реализуемой в трех различных сферах: в сфере эмоциональных связей человека с той или иной социальной группой, прочность и взаимность этих связей придают ему уверенность в себе; в юридической и политической сфере, где субъект является автономным носителем прав и обязанностей, что необходимо для самоуважения; в сфере широких социальных взаимодействий, основанных на согласии с определенными ценностями, вытекающим из культурной самобытности среды, в которой индивид реализует свои возможности в качестве автономного субъекта действия. Эта третья сфера, обеспечивающая ему общественное признание. Если хотя бы в одной из этих сфер индивид неуспешен, возникает риск разрушения целостности его личности.

Для Хоннета определенные формы социальных связей ведут к социальным патологиям, при которых совместная «хорошая» жизнь становится проблематичной. Условия профессионального труда требуют перманентной рефлексии и коллегиального разрешения внутренне присущих конкретным профессиям конфликтов во избежание появления новых форм отчуждения, влияющих на индивидуальную идентичность субъекта действия. Между такими нормами труда, как большая гибкость, стандартизированность, индивидуальная оценка эффективности, использование корпоративной коммуникации и т.д. и новым требованием самореализации возникает ложное признание, обман, нивелирующий идентичность индивида. Эти новые формы труда, предполагающие самопрезентацию и требующие от индивида искусственной фиксации собственных переживаний, инструментализируют по сути его естественное желание самореализации и подчас способствуют самоовеществлению [Honnet, 2005: 120], хотя идентичность формируется и поддерживается с течением времени посредством социальных интеракций, в ходе которых вырабатываются нормативные принципы взаимного признания. Самоовеществление же способствует господству сугубо административных способов регламентации профессиональной жизни медицинского сообщества, которое разрушает его коллегиальную целостность, обслуживая механизмы социального исключения и забвения, углубляя тем самым чувство незащищенности у отдельных его представителей.

А.В. Углева

Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

Перманентность страданий медицинского персонала в условиях постоянного противостояния со смертью, с физической и психологической деградацией больных, с этическими конфликтами внутри профессионального сообщества требует превентивного подхода в целях профилактики выгорания, предотвращения обострения его симптомов и отстранения во избежание повторения переживания одних и тех же психологических травм. Сама возможность выработки коллективного согласия в вопросах решения регулярно возникающих в медицинской практике моральных дилемм мыслится как необходимое условие самозащиты, что требует от медицинского сообщества выхода из тишины, того самого проговаривания этических проблем, без которого их существование неочевидно и стигматизация страданий непреодолима.

Этика заботы

Медицинское сообщество в период пандемии становится объектом специфически понимаемой этики заботы. Сам термин «этика заботы» появился благодаря феминистской критике традиционной абсолютной морали, и связано это было с публикацией в 1982 году книги К. Гиллиган «Иным голосом», в которой она обозначает специфику женской моральной позиции. Классическая моральная теория, по ее мнению, ориентирована на идеал автономной личности, в качестве высшей ценности и основной моральной нормы в ней предлагается рассматривать справедливость, а отношения между субъектами морали выстраиваются в ней по принципу иерархичности и патернализма [Артемьева, 2000]. В альтернативной ей феминистской этической теории место безусловных трансцендентальных идеалов «мужской» морали принято отдавать не справедливости и основанному на этом принципе праву, а ответственности, которая немыслима вне контекста, вне личностных переживаний и вне компромиссов. Собственно, в этом Гиллиган видит «женское лицо» этики заботы. Тот же мотив можно обнаружить и в работах Л. Блюма, согласно которому, моральность любого субъекта в классической этике проявляется через его отношение к «самой морали, к морально правильному действию и принципу» [Blume, 1988: 477]. В этом смысле традиционно моральность определяется следованием норме, а не реальным способствованием благу другого. Именно поэтому моральный конфликт в традиционной этике — это всегда конфликт различных нормативных систем и возможность или невозможность разрешить его строгими методами, например с применением арсенала логики и теории аргументации. Чувства, личные переживания

субъекта, его психоэмоциональный портрет, да и сами контексты оказываются вне фактического внимания классических этиков.

Не разделяя феминистский пафос новой моральной доктрины, я тем не менее признаю крайне актуальной предложенную Гиллиган трактовку этики как «этики заботы» для анализа ряда профессиональных проблем, обострившихся в период пандемии COVID-19. Сама по себе забота — это деятельное, заинтересованное неравнодушное отношение, открытость и доверие к другому, забота о его благе. Собственно, никакие перфекционистские личные мотивы не имеют для этики заботы особой ценности. Однако радение о благополучии другого не нивелирует и заботу о собственной этической самости. Парадоксально, но факт, что на пути к этой самости порой приходится пробиваться к другому, преодолевая сомнения, апатию или даже отвращение. Миссия врача, начиная с Гиппократова, основана, как известно, на принципе *primum non nocere*. Но кто сегодня может однозначно сказать, что делать, чтобы не навредить? Очевидно, что пандемия обострила проблему самоопределения, в том числе в рамках традиционного для медицины деонтологического подхода.

Реальность практики входит тем самым в противоречие с идеалом заботы, которая должна быть «практической рациональностью» [Ruddick, 1989: 13]. В этом идеале выражается единство мысли и действия в осуществлении последовательных шагов во благо другого. Рационализация этого блага является условием сознательного принятия субъектом действия на себя бремени ответственности за другого, и тем самым этика заботы акцентирует внимание на его личностной определенности, которая проявляется в уникальном сочетании разноуровневых зависимостей в структуре персональной идентичности — телесной, психологической, корпоративной, социальной и т.д. Их взаимообусловленность при разрушении идентичности субъекта действия, переживающего профессиональное и личностное выгорание, затрудняет, а то и делает вовсе невозможным формулирование им моральных проблем и принятие эффективных клинических решений в ситуации неопределенности. Причина тому — в деперсонализации, проявляющейся не только в отстранении от Другого, но и от Я сам.

Преимущество этики заботы в том, что она не делает различия между Я и Другой исходя из их равнозначности, следствием чего является исключение перманентного чувства вины, страха или угрызений совести по поводу несоответствия Я некому трансцендентному идеалу. Она артикулирует практический идеал, выражающийся, например, в счастливом избавлении страдающего от боли. Но моральная забота не может быть спонтанной, поскольку она всегда обусловлена долженствованием. И здесь можно

А.В. Углева

Этика заботы: философская пропедевтика как терапия эмоционального выгорания в медицине

поспорить с тезисом о новизне этики заботы в ее феминистской версии, поскольку еще в «Метафизике нравов» Кант писал, что человеколюбие — это деятельность практического благоволения, состоящая в том, чтобы «сделать своей целью благополучие другого человека» [Кант, 1965: 392]. Чтобы быть моральным, необязательно испытывать любовь к другому, но важно способствовать его благу. Это сознательная, рациональная деятельность с определенной присущей только ей телеологией. Не случайно на работу с этой телеологией направлена деятельность ряда философских кафедр, созданных при некоторых ведущих западных клиниках, например в рамках парижской госпитальной экосистемы⁴. Наряду с общими принципами здравоохранения по профилактике и лечению выгорания, созданием благоприятной технологической среды, активным внедрением в профессиональных коллективах когнитивно-поведенческих тренингов для улучшения навыков коммуникации и жизнестойкости и пр., в их задачу входит консолидация медицинского сообщества для обсуждения и вынесения коллегиально приемлемых решений в случае возникновения моральных дилемм, а также предотвращение и борьба с выгоранием посредством использования философского инструментария для осмысления клинически эффективных стратегий поведения с целью снижения риска развития патологических состояний у его представителей. И хотя пока снижение уровня выгорания в большей мере принято связывать исключительно с организационными стратегиями, а не с мерами, направленными на благополучие отдельного работника, значение индивидуальных способов борьбы с выгоранием не стоит недооценивать при всей их неоднородности результатов.

Терапевтическое значение теории нарративной идентичности П. Рикера

Терапевтическая функция философии в решении проблемы выгорания медицинских работников основана на принципах практической рациональности и эмотивном подходе, в основе которого лежит представление о взаимосвязанности мышления, эмоций и поведения человека (А. Эллис), где мышлению отводится ведущая роль в понимании и эффективной оценке значимых событий, поскольку их эмоциональное восприятие обеспечивается не самим

⁴ См., например: The “Humanities and Medicine” Research Chair [Электронный ресурс] URL: <https://chaire-philu.fr/en/the-humanities-and-medicine-research-chair/> (дата обращения: 10.04.2022)

событием, а системой убеждений человека. Герменевтика субъекта требует признания значимости императива «заботы о себе», а нарративная терапия — создание условий для постоянного проговаривания членами медицинского сообщества как личных переживаний и страданий, так и коллективных ожиданий и потребностей. Нарративный подход концентрирует усилия на создании пространства альтернативных историй во имя повышения чувства взаимной заботы и поддержки в профессиональной среде. Преимущество нарративного модуса мышления в сравнении с логико-парадигматическим (Дж. Брунер) заключается в его контекстуализированности, что позволяет феноменализировать высказывания отдельных субъектов от первого лица и одновременно сформировать представление об паттернах — устойчивых, повторяющихся комбинациях отдельных восприятий и их когнитивных следствий.

Для терапевтических целей в работе с медицинским персоналом важное значение приобретает концепция нарративной идентичности П. Рикера. В своих работах он акцентирует внимание на способности субъекта логически выстраивать конфигурацию истории собственной жизни таким образом, чтобы она самим нарратором воспринималась не как миф, а как *мимесис*, что есть признак «нормы», продуктивность которой обнаруживается в обосновании человеческого активизма путем превращения слова в дело. Не случайно четыре основных вопроса, поставленные Рикером в «Я-сам как другой», звучат так: кто говорит? кто действует? кто о себе повествует? кто является вменяемым моральным субъектом? [Ricoeur, 1990: 28].

Идея нарративной идентичности позволяет индивиду понять свою уязвимость, принять себя как автора своих действий, то есть феноменологического субъекта, рефлексирующего от первого лица, в соотношении себя с субъектом от третьего лица, о котором повествует текст, то есть фактически приняв себя как *Другого*: «Не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в итоге с интерпретацией, примененной к этим посредующим текстам» [Ricoeur, 1986: 29]. Нарративная идентичность обращена к особому повествовательному типу текстов, в которых «мир берется под углом человеческого праксиса» [Ricoeur, 1983: 122] и в которых имеет место «иконическое приращение», позволяющее преодолеть традиционную дихотомию между объяснением и пониманием [ibid: 173–246] благодаря обнаружению прибавочных смыслов в определенной внутренними закономерностями текстовой конфигурации. Рикер не случайно пользуется герменевтической феноменологией, поскольку нарратив для него — это всегда артикулированное

А.В. Углева

Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

языком переживания окружающей действительности. Видя в феноменологическом опыте сознания возможность открытия внешнего объективно существующего мира, Рикер связывает узнавание себя со способностью человека рассказывать о себе определенным образом, то есть придавая смысл тому, о чем он говорит. Наррация выполняет таким образом функцию медиатора, то есть посредника не только между Я и миром, но и между Я и Я-другой, то есть позволяет конструировать Я свой собственный осмысленный образ. Наррация — это не искусственный способ самопредставления, но естественное и потому «нормальное» состояние действующего сознания, поскольку опыт как таковой не дан человеку непосредственно, а организовывается через нарратив, то есть через акт говорения. Жизнь предстает как «история жизни», а значит, ощущение ее полноты, удовлетворения от жизни с необходимостью связано со способностью личности не только проговорить и тем самым принимать чужую боль, но и рассказывать о себе самой внятными историями.

Собственно, Рикера интересует именно нарративная идентичность субъекта в отличие от персональной идентичности, в определении которых Рикер исходит из соотношения времени и идентичности, «тождественности» (*mêmété*) и «самости» (*ipséité*).

Что значить быть тем же самым? Это значит оставаться неизменным во времени, что предполагает овеществление предмета. И понимаемая таким образом персональная идентичность также основана на признании независимости сущности этой идентичности от привходящих обстоятельств. Однако постоянство во времени того, кем Я являюсь, позволяет ответить на вопрос «Что есть Я?», но не «Кто Я есть?». Поэтому Рикер во избежание редукции человеческой персональности к вещиности предложил развести два типа идентичности: первый в смысле *idem* или «тождества» (*idem* на латыни означает «тот же самый», по-французски «le même»), и второй, берущий свое начало от другого латинского слова *ipse*, что значит «о себе», иначе говоря, «самость» (по-французски «*ipséité*»). Идентичность, понимаемая как тождественность, присуща любому объекту, существующему во времени. Однако в случае человеческой невещной идентичности Рикер говорит о «самости», иллюстрируя ее особенности символической фигурой обещания, которое Я дает Другому. Обещания позволяет субъекту сохранять свое постоянство, обеспечивающее ему уверенность в себе благодаря контролю, который он осуществляет за своим словом вне зависимости от возникающих у него желаний и предпочтений. Верность своему слову выражает способность отвечать ожиданиям со стороны других людей — это то, что делает нас теми, на кого мы можем рассчитывать сами и на кого

могут возлагать свои надежды окружающие. Тем самым Другой полагает Я в качестве ответственного субъекта, то есть вменяет ему способность быть моральным агентом. При этом *ipséité* не заменяет однотипность предмета, а дополняет его. В их взаимодейственности проявляется феномен нарративной идентичности, как диалектике *idem* и *ipse*. То есть в верности данному слову *idem* (применимое к вещам) перестает доминировать над *ipse* (применимое к личности).

Ранее «всякая проблематика персональной идентичности, — пишет Рикер, — была сосредоточена на поиске реляционного инварианта, придающего ей значение постоянства во времени» [Ricoeur, 1990: 142–143]. То же самое и было этим неизменным инвариантом. И в этой парадигме время всегда соотносилось с постоянством субстрата. Отсюда понятна абсолютизация памяти как постоянной отсылки к прошлому. «Самость», напротив, постоянно ищет возможности освободиться от бремени тождественности, проявить Я как Кто в его действовании. Это действование есть акт «идентификации», в которой актер идентифицируется через свое делание. Таким действием и является проговаривание, или повествование. «Повествование задает идентичность (“повествовательную”) личности, строя идентичность рассказываемой истории. Идентичность истории придает идентичность личности» [ibid., 175].

Тезис Рикера о диалектическом взаимодействии *idem* и *ipse*, в наиболее явном виде проявляющейся в человеческой экзистенции, открывает новые возможности в разработке терапевтических стратегий нарративной медицины, традиционно противопоставляемых когнитивно-поведенческой терапии. Введение нарративной идентичности позволяет французскому философу скорректировать первоначальный вопрос — не об отношении идентичности и временности, но о природе событийной последовательности, обеспечивающей целостность восприятия жизни, которая не имеет историю, но сама есть история. Повествуящее о себе Я выстраивает определенную конфигурацию событий своей жизни и тем самым предвосхищает свои будущие действия. Так Я себя конституирует, присваивает и оценивает в отношении ко всей своей жизни как к целому, а не к отдельным ее эпизодам. Наррация позволяет осмыслить собственную историю не в терминах последовательной записи случайных или навязываемых нам извне событий, но через действия, которые воспринимаются как собственные, иницированные нашей собственной волей и определенной конфигурацией событий, а потому действия осмысленные и ответственные. «Факты и события опыта сами по себе не имеют никакой логики. Логику им придает нарратив. Нарративная конфигурация

А.В. Углева
Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

“собирает” отдельные элементы опыта и придает им осмысленность. Теперь факты и события связаны логически и следуют друг за другом, согласно замыслу нарратива... Мы не можем быть уверены, что события “на самом деле” были именно такими и в такой последовательности. Становясь элементами нарративной конфигурации, они приобретают совсем иной статус в соответствии с правилами и логикой сюжета» [Борисенкова, 2007: 58].

В нарративном акте Я получает возможность овладения своей исторической и темпоральной идентичностью, ибо в нарративе окружающий нас мир предстает упорядоченным, в нем все компоненты рассказа находят свое место и составляют единую особенную историческую последовательность. Рикер заимствует из «Поэтики» Аристотеля понятие «интрига». Но если у Аристотеля интрига — это случайное событие, которое обеспечивает связность событий во времени, то у Рикера событие, которому субъект придает смысл, нарушает привычный порядок и потому оставляет след в его памяти. Наша активность обусловлена именно этим следом, затронутостью событием. Интрига дополняет креативный и референтный аспекты нарратива рецептивным, что делает события, о которых идет речь в рассказе о жизни нарратора, коммуникативными событиями. Другой, слушая мой рассказ, неизбежно ожидает определенного развития событий и его концовки. То есть представленный в повествовании событийный ряд возбуждает у него определенные рецептивные ожидания и предполагает их удовлетворение, необходимость включения себя в акт со-бытия и со-переживания. Не случайно в трилогии «Время и рассказ» Рикер называет интригу «коррелятом нарративного понимания», обеспечивающим «телеологическое единство» рассказа, смысловой «длительностью, растянутой между началом и концом» [Ricoeur, 1983: 118]. Оба полюса идентичности связываются благодаря повествованию, придающему единство событиям жизни и всем проявлениям себя и тем самым облегчают страдания индивида, которые неизбежно возникают, когда у него не получается органичным образом уложить в единую картину повествования о своей жизни все свои многочисленные образы и действия. Собственно, в этом заключается специфика нарратологии Рикера, в которой описание жизни в рассказе нацелено прежде всего на предотвращение внутреннего опустошения и скорби [Ricoeur, 1990: 192].

В работе «Страдание не есть боль» [Ricoeur, 1994] Рикер отмечает, что страдание образует брешь в жизненном нарративе. Он указывает на семантическую взаимосвязь между «я могу» в смысле уверенности в собственной способности к автономному моральному суждению и действию, «признанием» как разделяемом

теми, кто признает, некоего общего понимания того, что истинно [Ricoeur, 2004: 140]. Проговаривание личной истории, которая априори полагается истинной в силу отражения в ней субъективных переживаний с последующим включением ее в коллективный нарратив, способствует признанию этого общего нарратива с присутствующими ему закономерностями истинным. Действующий в соответствии с ними субъект — индивидуальный или коллективный — вызывает доверие и признание, тем самым являясь превентивной мерой по борьбе с выгоранием.

Таким образом, нарративная терапия, основанная на определении темпоральности человеческой идентичности, способна объединять персональные нарративы в коллективный нарратив, пробуждая тем самым не только общую память об историческом моменте, но и осмысленность коллегиального согласия и выработки внутренних механизмов защиты от выгорания и забвения.

Ethics of Care: Philosophical Propaedeutics as a Therapy for Emotional Burnout in Medicine

Anastasia V. Ugleva — PhD, Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies.

National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9146-1026
ayastrebtseva@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the reasons for the exponential growth and specificity of «burnout» of medical personnel during the COVID-19 pandemic and to substantiate the therapeutic potential of philosophy based on P. Ricoeur's narrative identity theory. The pandemic has forced a new way of looking at the attitude to time, convincing us that in general we are not badly prepared for emergency medical care, but we are not coping with the problem in the long run. An example of this is the ineffectiveness of the treatment of many chronic diseases against the background of covid, which inscribe the disease in the time limits of the individual life. The temporality of patient care is partly determined by the nature of the organization of the health care worker's work — its routinization and the emphasis placed on individual performance evaluation. This artificially creates conditions for the actual dilution of professional teams, creating competition between doctors, between services and between patients. Time turns out to be fragmented, and treatment, developed mainly for the short term, is reduced to a certain sequence of actions, sometimes without any real coherence. As a result of the disruption of temporality, the identity of the subject caring for the patient is blurred, the "meaning of the profession" is also questioned. The risks of burnout associated with a decrease in the level of responsibility of a medical worker and an increase in the probability

А.В. Углева
Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

- Свистунов А.А., Осадчук М.А., Миронова Е.Д. Выгорание как профессиональная проблема современного здравоохранения // *Consilium Medicum*. 2019. № 21(12). С. 101–105.
- Svistunov A., Osadchuk M., Mironova E. Vygoranie kak professional'naya problema sovremennogo zdravooxraneniya [Burnout as professional problem of modern public healthcare]. *Consilium Medicum*. 2019. N 21(12). P. 101–105.
- Холмогорова А.Б., Петриков С.С., Суроегина А.Ю., Микита О.Ю., Рахманина А.А., Рой А.П. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии // Журнал им. Н.В. Склифосовского «НеотЛожНАЯ МедиЦИНСКАЯ ПоМОЩь». 2020. № 9(3). С. 321–337.
- Kholmogorova A., Petrikov S., Suroyegina A., Mikita O., Rakhmanina A., Roy A. Professional'noe vygoranie i ego faktory u medicinskih rabotnikov, uchastvuyushchih v okazanii pomoshchi bol'nym COVID-19 na raznyh etapah pandemii [Burnout and its Factors in Healthcare Workers Involved in Providing Health Care for Patients With COVID-19 at Different Stages of the Pandemic]. *Russian Sklifosovsky Journal «Emergency Medical Care»*. 2020. N 9(3). P. 321–337.
- Худова И.Ю., Улумбекова Г.Э. «Выгорание» у медицинских работников: диагностика, лечение, особенности в эпоху COVID-19 // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7, № 1. С. 42–62.
- Hudova I.YU., Ulumbekova G.E. «Vygoranie» u medicinskih rabotnikov: diagnostika, lechenie, osobennosti v epohu COVID-19 [Healthcare workers “burn-out”: diagnostic, treatment, particularities during epidemic of COVID-19], *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ* [Healthcare management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ]. 2021. Vol. 7, N 1. P. 42–62.
- Bakker A.B., Van der Zee K.I., Lewig K.A., Dollard M.F. The relationship between the Big Five personality factors and burnout: a study among volunteer counselors. *The Journal of Social Psychology*. 2006. N 146(1). P. 31–50.
- Blume L. Gilligan and Kohlberg: Implications for Moral Theory. *Ethics*. 1988. Vol. 98, N 3. P. 472–491.
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*. 2020. Vol. 395. P. 912–920.
- Butler C.R., Wong S.P.Y., Wightman A.G., O'Hare A.M. US clinicians' experiences and perspectives on resource limitation and patient care during the COVID-19 pandemic. *JAMA Netw. Open*. 2020. Vol. 3, N 11. Article ID e2027315. doi: 10.1001/jamanetworkopen.2020.27315
- Dutheil F., Aubert C., Pereira B., et al. Suicide among physicians and health-care workers: a systematic review and meta-analysis. *PLoS One*. 2019. Vol. 14, N 12. Article ID e0226361. doi: 10.1371/journal.pone.0226361
- Freudenberger H.J. Staff burnout. *Social Issues*. 1974. Vol. 30(2). P. 159–165.
- Garrau M., Le Goff A. *Care, justice et dépendance. Introduction aux théories du care*. Paris: PUF, 2010.
- Honneth A. *La réification*. Paris: Gallimard, 2005.

А.В. Углева
Этика заботы:
философская
пропедевтика
как терапия
эмоционального
выгорания
в медицине

- Kröger C. Shattered social identity and moral injuries: work-related conditions in health care professionals during the COVID-19 pandemic. *Psychol. Trauma*. 2020. Vol. 12, suppl. 1. P. S156–S158. doi: 10.1037/tra0000715
- Li Z., Ge J., Yang M., Feng J., Qiao M., et al. Vicarious traumatization in the general public, members, and non-members of medical teams aiding in COVID-19 control. *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 10(20). doi: 10.1016/j.bbi.2020.03.007
- National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine USA. Taking action against clinician burnout: a systems approach to professional well-being*. Washington, DC: The National Academies Press, 2019. [Electronic resource] URL: <https://www.nap.edu/catalog/25521/takingaction-against-clinician-burnout-a-systems-approach-to-professional> (date of access: 10.03.2022)
- Ricœur P. Autonomie et vulnérabilité. Dans: La philosophie dans la Cité: Hommage à Hélène Ackermans. Bruxelles: Presses de l'Université Saint-Louis, 1997 (en ligne). [Electronic resource] URL: <http://books.openedition.org/pusl/18960> (date of access: 10.03.2022)
- Ricœur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II. Paris: Seuil, 1986.
- Ricoeur P. Parcours de la reconnaissance. Paris: Stock, 2004.
- Ricœur P. Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990.
- Ricoeur P. La souffrance n'est pas la douleur // Souffrances : corps et ames, épreuves partagés. Paris: Editions Autrement, 1994. P. 58–69.
- Ricœur P. Temps et récit. T. 1: L'intrigue et le récit historique. Paris: Seuil, 1983.
- Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston: The Women's Press, 1989.
- Shanafelt T., Ripp J., Trockel M. Understanding and addressing sources of anxiety among health care professionals during the COVID-19 pandemic. *JAMA*. 2020. Vol. 323, N 21. P. 2133–2134. doi: 10.1001/jama.2020.5893
- Tei S., Becker C., Kawada R. et al. Can we predict burnout severity from empathy-related brain activity? *Translational psychiatry*. 2014. Vol. 4: e393. doi: 10.1038/tp.2014.34.
- Tronto J.C. Du care, L'amour des autres, care, compassion et humanitarisme. *Revue du Mauss*. 2008. N 32. [Electronic resource] URL: <https://www.revuedumauss.com/fr/Pages/S32.html> (date of access: 10.03.2022)
- Tyssen R, Vaglum P, Grønvold NT, Ekeberg O. Suicidal ideation among medical students and young physicians: a nationwide and prospective study of prevalence and predictors. *Journal of affective disorders*. 2001. Vol. 64(1). P. 69–79. doi: 10.1016/s0165-0327(00)00205-6.
- Velut S. L'Hôpital, une nouvelle industrie: Le langage comme symptôme (E-book). Paris: Gallimard, 2020.
- West C.P., Dyrbye L.N., Erwin P.J., Shanafelt T.D. Interventions to prevent and reduce physician burnout: a systematic review and meta-analysis. *Lancet*. 2016. Vol. 388(10057). P. 2272–2281.
- Wu A.W. Medical Error: The Second Victim: The Doctor Who Makes the Mistake Needs Help Too. *British Medical Journal*. 2000. Vol. 320, N 7237. P. 726–727.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070020513-1

©2022 М.С. АДАМОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В ЭПОХУ ИНФОДЕМИИ

Адамов Михаил Сергеевич — аспирант школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105006 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, корп. 1.
ORCID: 0000-0002-1624-4494
isaacrobepierre@gmail.com

Аннотация. Одна из ключевых проблем, спровоцированная пандемией коронавирусной инфекции, — проблема инфодемии. Изобилие источников информации, отсутствие достаточных навыков и возможностей для критического осмысления новой эпидемии у большей части населения в условиях реального риска для здоровья и жизни каждого отдельного человека делают задачу проблематизации инфодемии чрезвычайно актуальной и значимой в эпоху информатизации. Нередко дезориентация в информационном пространстве относительно понимания природы вируса и возможных способов борьбы с ним вызывает не меньше страхов, чем сама болезнь. В статье рассматривается проблема инфодемии как следствие эпохи постправды. Основное внимание уделяется потенциальным возможностям теории эпистемологии добродетелей в решении проблемы инфодемии. Так, для разрешения проблемы дезинформации в эпоху пандемии предлагается следовать добродетели фронезиса (ключевой добродетели в теории Аристотеля), позволяющей произвести качественную оценку эпистемологического контекста и подобрать необходимые инструменты для анализа информации и ее источников. Кроме того, предлагаются пути к формированию исследовательской идентичности (самости), которая на фоне утраты базового доверия к экспертам

позволит ориентироваться во множестве источников информации. Для этого анализируются два уровня формирования самости — с помощью функции другого (который рассматривается в роли критика, модели, поддержки и авторитета) и посредством самостоятельной работы над собой и заботы об интеллектуальных добродетелях.

Ключевые слова: COVID-19, инфодемия, постправда, дезинформация, фейковые новости, теория добродетелей, Аристотель, фронезис, идентичность, автономия.

Ссылка для цитирования: Адамов М.С. Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 49–66. DOI: 10.31857/S023620070020513-1

Пандемия коронавирусной инфекции, охватившая мир в 2020 году, оказалась опасной для человечества не только с точки зрения самой болезни и социально-экономических проблем, ею спровоцированных, но и с точки зрения проблемы намеренной и ненамеренной дезинформации населения со стороны различных СМИ и широкодоступных интернет-источников. Данная проблема нашла отражение в новом понятии «инфодемия», которое с февраля 2020 года стала использовать ВОЗ, обозначая таким образом фейковые материалы, сопровождающие пандемию¹. Панамериканская организация здравоохранения в своей брошюре, посвященной борьбе с инфодемией, также отмечает, что дезинформация является одной из самых важных проблем в условиях борьбы с пандемией: «Многие ложные или вводящие в заблуждение истории и факты сфабрикованы и распространены без какой-либо предыстории или проверки качества. Большая часть этой дезинформации основана на теориях заговора... Неточная и ложная информация распространяется обо всех аспектах болезни: о происхождении вируса, его причинах, лечении и механизме» [Understanding, 2020].

Пандемия, вызванная COVID-19, — далеко не первая пандемия в истории человечества, достаточно вспомнить эпидемии чумы (Антонинова чума, III век н.э.; Юстинианова чума, VI век; Черная смерть, XIV век), оспы (XVI и XVIII века), холеры (XIX век) и испанки (начало XX века). Однако ни одна

¹ На официальном сайте ВОЗ имеется специальный раздел, посвященный борьбе с инфодемией и разоблачению основных мифов о коронавирусе. См.: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation>

из эпидемий не сопровождалась феноменом инфодемии, который связан в первую очередь с массовым использованием технологий и социальных сетей [Zarocostas, 2020: 676]. Особенность ситуации заключается в том, что новые технологии обеспечивают быстрое и эффективное распространение информации, с помощью которой люди имеют возможность получать наиболее актуальные рекомендации для собственной защиты и безопасности, вместе с тем не исключая распространения ложных данных, способствуя тем самым не только введению человека в заблуждение (зачастую чреватое нанесением вреда здоровью или даже летальным исходом), но и заметному снижению уровня доверия общества как к самим источникам информации, так и ко всей системе здравоохранения в целом. Данное обстоятельство заметно мешает эффективной борьбе с пандемией. Не менее важно и то, что следствием допущения недостоверной информации становится и явное снижение социального доверия к экспертному мнению: индивид все больше вынужден доверять собственной интуиции, а не оценке профессионалов, которая отныне становится лишь одной из многих. Теперь истина перестает быть достоянием ученых — она принадлежит всем. Подобные социальные изменения в отношении истины исследователи относят к проблеме постправды — эпохи, в которой истина служит лишь инструментом, а не целью.

Коснемся некоторых причин подобной политизации истины. Так, исследователи в области социальной эпистемологии (Г. Коллинз, Р. Эванс, М. Вейнел) утверждают, что во многом ответственность за феномен постправды и дискредитацию научного знания несут социальные исследования науки и технологии (science and technology studies) [Collins, 2017: 583] и принцип симметрии Д. Блур. В основе концепции последнего лежит «логика симметрии», согласно которой истинность и ложность знания не существуют вне общества: они не отсылают к априорным и универсальным принципам, но являются результатом конвенции. В таком случае речь идет не об объективности, а об интерсубъективности знания, что приводит к размыванию границы между истиной и ложью и, как следствие, эпистемологическому релятивизму и скепсису в отношении экспертов [Блур, 2017: 90].

В своей работе «Постправда: знание как борьба за власть» С. Фуллер показывает, что наука как социальный институт является политической игрой, несмотря на идеал стремления к истине. По его утверждению, открытие «научных революций» Т. Куна продемонстрировало, что наука состоит из огромного ряда условностей, благодаря которым знание либо маркируется экспертной оценкой, либо нет [Fuller, 2018: 4]. Этот вывод позволяет Фуллеру обнаружить в структуре науки борьбу за модальную власть

М.С. Адамов
Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии

инфодемии и повышению уровня социальной сознательности населения в борьбе с ней.

Эпистемология добродетелей и инфодемия

Эпистемология добродетелей — направление в теории познания, появившееся относительно недавно, только в 1980-х годах. Оно сосредоточено на разрешении продолжительного спора между интернализмом и экстернализмом [Каримов, 2019: 69]. С точки зрения эпистемологического интернализма человек обладает знанием (или убеждением), если сознает его основания и способен это обосновать. Человек должен знать, что он знает, почему и откуда он это знает. Содержание знания и убеждения является свойством субъекта, поэтому проблема обоснования находится исключительно в «голове» самого субъекта [Фролов, 2017: 77]. Эпистемологический экстернализм, напротив, не полагает обязанностью субъекта иметь основания своего знания, чтобы последнее могло быть легитимным. Принципиальна в данном случае непосредственная связь знания с реальностью. Поэтому если в первом случае логической связи между обоснованием и истиной нет, то во втором — такая связь необходима.

Приведем пример: если я убежден, что «глобальное потепление существует», то, согласно интернализму, у меня должна быть причина, отчетливо осознаваемая мной. Я должен суметь аргументировать свое убеждение, а не просто догадываться об его истинности или даже правдоподобности. Согласно экстерналистской логике, мое убеждение, что «глобальное потепление существует», может быть обоснованным, даже если я не могу этого доказать. Важно, чтобы убеждение было фундировано в реальности.

Таким образом, интернализм и экстернализм дают разные ответы на вопрос о том, являются ли основания моих убеждений внутренними или внешними. В то время как главная идея эпистемологии добродетелей (третий подход) — перемещение центра тяжести с поиска релевантных способов доказательства на самого субъекта действия. Основной исследовательский вопрос заключается не в том, какие суждения истинны или ложны, а в том, какими познавательными качествами и интеллектуальными добродетелями должен обладать человек, чтобы достичь познавательного успеха, то есть постичь истину. Следовательно, акцент смещается с проблемы обоснования объективности знания на самого субъекта и на добродетельные или порочные пути формирования его убеждений. Иначе говоря, важно только то, сколько усилий прикладывает человек на пути к формированию истинного убеждения.

М.С. Адамов
Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии

Преимущество данного подхода можно проиллюстрировать на следующем примере [Каримов, 2014: 156]. Два человека — скажем, Билл и Боб — убеждены, что знают о том, что Земля вращается вокруг Солнца. Однако если Билл знает об этом только из рассказа кого-то, обладающего для него авторитетом, то Боб занимается космическими исследованиями сам и почерпнул эту информацию из научных источников. Оба — и Билл, и Боб — знают, что Земля вращается вокруг Солнца, а потому достоверность самого факта такого вращения нивелирует значимость того, как именно каждый из них это знание получил. И все-таки есть отличие в получении знания случайным образом (случай Билла) или благодаря исследовательскому процессу, в котором непосредственное значение имеют личные интеллектуальные качества (случай Боба). На этот раз Биллу повезло, он узнал достоверный факт, не противоречащий реальному положению дел в природе. Но в другой ситуации он рискует столкнуться с дезинформацией, которую не сможет критически оценить именно потому, что его интеллектуальная природа не добродетельна.

Традиционно в рамках эпистемологии добродетелей выделяют два основных направления: релайабиллизм (от *англ.* «reliable» — надежный) и респонсибиллизм (от *англ.* «responsible» — ответственный) [Каримов, 2019]. Их объединяет субъектно-ориентированный подход в теории познания: любое знание — это обязательно чье-то конкретное знание, ставшее результатом следования интеллектуальным добродетелям. Но если релайабиллизм (Э. Соса, Д. Притчард, Дж. Греко) под эпистемологическими добродетелями подразумевает надежные способности человека: зрение, слух, память, способность критического суждения, — функция которых заключается в достижениях истинных убеждений [Sosa, 2007], то респонсибиллизм (Л. Загзевски, Дж. Баэр) — состояния характера, которые являются «глубокими качествами человека, отождествляемыми с его самостью» [Zagzebski, 1996: 104]. Так, респонсибиллизм предлагает акцентировать внимание на активной природе познающего субъекта, ответственного за выбор структуры познавательного процесса. Именно в респонсибиллизме происходит сближение этической и эпистемологической добродетелей: субъект познания воспринимает эпистемологические добродетели как то, что ему необходимо воспитывать и развивать и за что он несет личную неразделенную моральную ответственность.

Инфодемия отчетливо иллюстрирует необходимость интеллектуальных добродетелей для человека, который не хочет вечно оставаться в «дураках», а стремится знать и понимать, почему так, а не иначе. Для этого требуются интеллектуальное напряжение, сомнение, доверие к знанию, а не просто к информации,

которая намеренно или ненамеренно может вводить в заблуждение. В условиях инфодемии нарушаются два важных условия доверия — прозрачность и надежность. Респонсибилистская версия эпистемологии добродетелей поможет нам в понимании того, как именно добродетельная природа индивида может способствовать преодолению инфодемии, ведь данная версия настаивает на том, что человек берет на себя ответственность за пути формирования собственных убеждений. В этом направлении мы предлагаем акцентировать внимание на двух важных категориях — фронезисе (практической мудрости) и исследовательской идентичности.

Фронезис

Истоки теории добродетелей обнаруживаются еще в античной философии. Аристотель разделил добродетели на этические и дианоэтические. Примечательно, что дианоэтические добродетели (интеллектуальные добродетели, или добродетели ума) затем долгое время оставались «в тени»: они не подвергались дополнительной концептуализации вплоть до второй половины XX века. Аристотель же выделил три интеллектуальные добродетели: мудрость (софия), сообразительность (нус) и рассудительность (фронезис). Сегодня к ним принято добавлять интеллектуальное смирение, интеллектуальное мужество, открытость ума и др. Генерирующей интеллектуальной добродетелью, с помощью которой человек способен определить, какие интеллектуальные добродетели требуются в той или иной ситуации, является фронезис. Не будем забывать, что этика Аристотеля — это главным образом учение о «золотой середине», поиск которой оказывается возможным за счет гибкости ума и суждения, адаптированных к требованиям конкретных ситуаций [Курретман, 1999]. И именно добродетель фронезиса (практической мудрости), на наш взгляд, позволяет находить пути к решению проблемы истины в условиях инфодемии.

Несмотря на то что добродетель фронезиса занимает центральное место в этике Аристотеля, мыслитель не дает ей достаточно ясного определения. В «Никомаховой этике» рассудительным Аристотель называет того, кто способен принимать верные решения на основании идеи всеобщего блага и одновременно с учетом того, что полезно ему самому. Фактически речь идет о способности индивида к правильному расчету действий, необходимых для достижения благой цели. Таким образом, фронезис относится к складу души, предполагающей поступки, которые касаются блага человека. Рассудительным считается тот, кто способен

М.С. Адамов
Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии

политический контекст словоупотребления у мыслителя не является препятствием для распространения действия фронеzisа и на другие сферы жизни человека. Существенно то, что способность к управлению как практическая мудрость в отношении собственного познавательного процесса в условиях информационного коллапса — важное условие преодоления последнего.

В контексте эпистемологической дезориентации практическая мудрость позволяет нам четко понимать задачу, тот контекст, в котором эта задача поставлена, и следовать тем добродетелям, которые соответствуют конкретной эпистемической ситуации. В одних случаях ссылка на авторитет, легитимность мнения которого обусловлена объективными причинами (например, профессионализмом в соответствующей области знания и практики), является единственно возможным условием успеха, в других — субъекту приходится полагаться лишь на собственные компетенции. Очевидно, что сама по себе автономия, если понимать ее исключительно как ориентацию на собственные, в том числе моральные, предпочтения и убеждения, не всегда оказывается благом [Загзбески, 2017: 96]. Так, фронеzis может включать в себя элементы интеллектуальной гетерономии, ведь перспективы руководствоваться только своим умом, без поддержки другого, кажутся не самыми обнадеживающими. Идея строгой автономии в совершении выбора, в предпочтениях и способах мысли на практике не работает: есть люди, которые в определенных вопросах разбираются лучше «меня», поэтому в «моих» же интересах довериться другому относительно истинного и ложного, нежели отыскивать правду самостоятельно. Таким образом, в одной ситуации правильным будет проявить интеллектуальное смирение и допустить ограниченность собственных знаний, а в иной — наоборот, проявить интеллектуальное мужество и решительность и выступить против конвенционального авторитета.

Тогда каким образом человек, используя добродетель фронеzisа, способен противостоять инфодемии и фейковым новостям об инфекции? Если, скажем, мы встречаем в интернете высказывания вроде «вирус не может выживать при жаркой погоде» или «употребление в пищу большого количества воды, чеснока и имбиря защитит вас», то какие интеллектуальные добродетели необходимо применить, чтобы их проанализировать?

На наш взгляд, в основе анализа данной информации прежде всего будет стоять добродетель любви к знанию, означающая искреннее желание и интерес «докопаться» до самой сути вопроса. Каждый из нас встречал в своей жизни людей, которые читают много книг, следят за новостями, но делают это не из-за любви к знанию и познавательному насыщению, а по привычке или

в качестве своеобразного развлечения. Они не заботятся о качестве получаемой информации, не размышляют о прочитанном; их мысль дремлет; для них информация — не более чем совокупность частных фактов. Однако принципиально важно качество знания, которое человек получает, — ценно не всякое, а значимое знание. Поэтому при анализе информации необходимо также интеллектуальное усердие. Большинство людей знакомятся только с теми источниками, которые им попадают без усилий: по подписке или по «таргету». Но для того чтобы увидеть картину целиком, нужно «забраться туда, где никто не ищет». И тут важна добродетель открытого ума, которая предполагает, что любое убеждение может быть пересмотрено и подвергнуто ревизии в свете критической оценки. Дж. Байер акцентирует внимание на диспозиции воли, то есть на самом желании подумать иначе [Baehr, 2011]. Такая добродетель позволяет человеку избегать догматизма в отношении официальных источников — ведь даже они могут заблуждаться, или следовать чьим-то политическим интересам, или подвергаться какому-либо влиянию.

Многие могли бы возразить: вышеуказанные добродетели относятся к качественному анализу информации в целом, но при чем здесь фронеzis? В данном случае важен анализ контекста ситуации: совсем необязательно, чтобы у человека был запрос на подобную информацию, поэтому ему не стоит тратить время на дополнительное изучение фактов. Или, например, человек, взвешивая риски, понимает, что если он употребит большое количество воды, чеснока и имбиря, то он ничем не рискует, ведь это полезные продукты. И даже если последние не защитят от коронавирусной инфекции, то вряд ли сделают хуже. Таким образом, добродетель фронеzisа позволяет человеку не руководствоваться предзаданными правилами в работе с информацией, а самостоятельно рассуждать о важности полученной информации и выбирать те добродетели, что более всего значимы в той или иной ситуации.

В проблеме инфодемии добродетель практической мудрости выступает основным тактическим оружием в работе с информацией. Да, указанная добродетель не позволяет отделить истину от лжи, но зато дает возможность разглядеть контекст и принять оптимальное решение в отношении работы с конкретной информацией. Таким образом, фронеzis позволяет человеку принимать решение, исходя из контекста и собственных когнитивных способностей.

Теперь же обратимся к проблеме исследовательской идентичности, которая позволяет формировать устойчивые качества личности, ориентирующейся в современном мире.

Исследовательская идентичность

Проблема исследовательской идентичности не так проста, как может показаться на первый взгляд. Традиционно принято считать, что научная идентичность — это особая социальная самость, основанная на том, каким образом субъект встроен в структуру научного сообщества. Человек пассивно и неосознанно интернализирует ценности данного сообщества, а затем в результате самостоятельной рефлексии начинает рассматривать заимствованные ценности и установки как свои собственные [Гальчук, 2017: 45].

Однако сегодня для приобретения исследовательской идентичности недостаточно полагать себя исследователем и принадлежать к сообществу ученых. Исследовательская идентичность непременно должна подкрепляться воспитанием интеллектуальных добродетелей: человеку необходимо заботиться об эпистемологических благах, поддерживать свое желание и веру в научные ценности на постоянной основе. И, как уже говорилось, добродетель практической мудрости позволяет в «ручном режиме» подбирать те эпистемологические добродетели, что релевантны для конкретной эпистемической ситуации, и следовать им.

Данную мысль отчетливо выразили Л. Дастон и П. Галисон. В своем исследовании идеи объективности они обратили внимание на важное значение истории научной самости и практики ее конституирования в истории развития науки [Дастон, 2018]. Их важным открытием стал вывод о том, что идеал ученого исторически меняется не только на уровне социальных институтов, но и на уровне микропрактики самого ученого. В этом отношении авторы отталкивались от методологии П. Адо и М. Фуко, согласно которой познание есть деятельность, подразумевающая особую форму существования человека. Тем самым Дастон и Галисон стремились ответить на важный онтологический вопрос: что значит быть ученым?

Для демонстрации логики мысли Дастона и Галисона приведем в пример разницу между двумя эпистемическими режимами (хотя в своем исследовании авторы выделяют четыре таких режима) — «истина-по-природе» (1740–1820) и «механическая объективность» (1820–1920)² [там же: 107–271]. В эпистемическом режиме «истина-по-природе» ученый с пристрастием относится

М.С. Адамов
Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии

² Границы между эпистемическими режимами жестко не фиксированы. Л. Дастон и П. Галисон указывают приблизительные временные периоды для удобства концептуализации своей теории и демонстрации различия предложенных эпистем.

к поиску сокрытой истины, сосредоточивая внимание на выделении сущности и архитипа исследуемого объекта. Природа любит скрываться, и частный случай ничего не говорит о ее сущности. Этнос ученого заключается в его способности к выборке и идеализации, в силу чего данный эпистемологический режим апеллирует к гениальности познающего, к его способности «дополнить» природу, поэтому субъективное вмешательство в репрезентацию природы открыто допускается. Дагстон и Галисон, таким образом, выводят идеальный тип ученого: это мудрец, который синтезирует весь свой опыт, систематизируя целое.

В случае режима «механической объективности» скепсис в отношении перцептивного опыта ученого «работает» на приглушение его исследовательской воли, так как последняя способна «увести в сторону» от того, что может сказать природа о самой себе. Основное этическое требование заключается в аскезе и борьбе с соблазнами внести в исследование свое «Я». Оттого и свойственная практика алгоритмизации познания через формализующие документы, оставляющие волю ученого в стороне, что требует от него в первую очередь постоянной внимательности, упорства и тщательности. По Дагстону и Галисону, идеальный ученый — это неутомимый труженик, подобно регистрирующей машине следящий за тем, как бы его воля не была замешана в процесс научной деятельности.

Ассимиляция ценностей и правил в структуре идентичности происходит, когда человек не только находит их привлекательными, понимает их значение и старается их перенять, но и синтезирует их смысл. В итоге ценность не будет навязанной извне, а значит, не станет давить на личность, вызывая конфликт между свободой собственного желания и навязанного долга [Lapsley, 2020: 14–15].

Рассмотрим два уровня формирования добродетельной самости — через функцию другого и самостоятельную заботу об эпистемологических добродетелях.

Функция другого. М. Фуко подчеркивает важность другого (философа, духовного наставника), который не только передает теоретические знания, но и способствует развитию практических навыков [Фуко, 2007: 154–155]. Речь идет о такой фигуре, которая протягивает руку, помогает менять образ жизни. Поэтому другой в понимании Фуко — это не тот, кто обучает, а тот, кто вмешивается в способ бытия субъекта. В свою очередь исследователи эпистемологии добродетелей Р. Робертс и Дж. Вуд концептуализируют четыре функции другого [Roberts, 2007: 266–277], способствующие становлению интеллектуально добродетельного субъекта в рамках внешней регуляции. Эти функции другого таковы:

• Другой как критик. Критика является способом интеллектуального обогащения. Автономия агента не означает отрицание критики, а, наоборот, указывает на базовое принятие последней. Через противостояние с критикой и ее дальнейшее преодоление человек способен диалектическим образом выйти на новую ступень истинности и тем самым отстоять свою автономию перед конвенциональными нормами.

• Другой как модель. Подражание есть естественный процесс становления человека не только на раннем этапе развития, как принято думать, но и во взрослом состоянии. Данный механизм нельзя недооценивать: подражание обладает большой стимулирующей силой к обучению. Через идентификацию с другим — родителем, учителем, наставником — человек конституирует свое «Я». Однако во власти субъекта должны быть поиск и выбор тех, кому подражать следует и кому — нет. Практически добродетельное подражание может возникнуть у субъекта, когда тот задается вопросом: а как бы в той или иной ситуации поступил знакомый преподаватель, мудрый отец или известный ученый? Например, стал бы уважаемый субъектом преподаватель доверять определенному источнику и идти дальше в своих исследованиях, не тратя время на то, что уже разработано? Иначе говоря, другой выступает ролевой моделью субъекта, его маяком в мышлении, деятельности и поведении.

• Другой как поддержка. Р. Робертс и Дж. Вуд рассматривают другого как источник наград и санкций, без которых инновации и интеллектуальное развитие не смогли бы значительно продвигаться. Тем самым они подчеркивают важность элемента признания интеллектуального труда ученого, которое оказывается зачастую даже ключевым фактором мотивации к труду. В этой связи уместно вспомнить лекционный курс А. Кожева «Введение в чтение Гегеля», где автор поднимает проблему признания, видя в ней краеугольный камень в решении вопросов, касающихся бытия личности [Кожев, 2003]. Однако тема признания в вопросах эпистемологии добродетелей достаточно тонка: с одной стороны, инстанция признания выступает важным мотивом эпистемологической деятельности, а с другой — интеллектуально автономный субъект должен держать дистанцию и быть независимым от признания, которое чревато обольщением.

• Другой как авторитет. В интеллектуальном становлении человека необходима фигура интеллектуального авторитета, на мнение которого можно положиться. Но важно понимать ограниченные возможности воздействия такого авторитета, ведь все регалии, которые он имеет, и тот его голос, который способен вести людей за собой, психологически и исторически обусловлены — данный

авторитет также является «ребенком» своего времени и места, поэтому истина, которой он владеет, не абсолютна.

Самостоятельная забота об эпистемологических добродетелях. Под этим понятием мы понимаем практики работы над собой как над субъектом определенных мыслей и действий, как осмысление наилучшего способа поиска истины, выстраивание взаимоотношений с другими членами сообщества и т.д.

Добродетель фроне́зиса, по существу, представляет собой такую технику в отношении себя, как обращение к голосу разума. Понимание контекста проблемы и подбор необходимого способа для достижения известных целей у древних греков становятся возможными за счет обращения к разуму. Именно разум они полагали источником фроне́зиса. Авторитет разума был самоочевиден. Человек самоуправляем постольку, поскольку обладает силой разума, управляющей вселенной [Zagzebski, 2013: 245]. Подобное понимание и отличает этику Аристотеля от, например, этики И. Канта³: в логике теории добродетелей нет разделения на актора и управляемого. Фроне́зис выступает как упорядочивающий принцип, к которому человек способен обращаться и вести себя в конкретных ситуациях правильным образом, находить оптимальное и справедливое решение в тех или иных ситуациях.

Принципиально важной практикой добродетели исследователя также являются упорство в поиске истины и терпение в ожидании результата. Необходимо уметь доводить до конца те вещи, которые ему кажутся скучными. Динамика познания бывает неоднородной, и исследователь переживает качественно различные периоды внутри своей интеллектуальной деятельности. Развитие может быть экспоненциальным, но может быть и линейным. По существу, это не так и важно.

Не менее значительна и практика концентрации. Древние греки обнаружили, что душа человека подвижна и подвержена воздействию внешних факторов. Поэтому для поддержки устойчивости души необходимо ее концентрировать и укреплять, что позволит сопротивляться неудачам ради достижения эпистемологического успеха.

* * *

Современная жизнь предъявляет познающему субъекту высокие требования: он должен уметь самостоятельно работать с информацией, критически оценивать ее и брать на себя ответственность

³ В этике долга И. Канта автономия как центральная добродетель выражается в установлении самому себе закона. Долг выступает формой взаимоотношения человека с самим собой, позволяющей ему руководствоваться разумом, а не низшими наклонностями.

за формирование истинных убеждений. Отсутствие данных способностей чревато тем, что человек оказывается дезориентирован в информационном пространстве, становится легкой добычей манипуляторов и авторов «новых истин».

В данной статье мы постарались показать необходимую взаимосвязь фронезиса и исследовательской идентичности в условиях инфодемии и информационной дезориентации. Субъекту необходимо заботиться об эпистемологических благах, выбирать необходимые добродетели для достижения истины в том или ином контексте, что позволяет осуществить такая генерирующая добродетель, как фронезис. Последний, таким образом, может быть прочитан как «этическая компетенция», приобретаемая или вырабатываемая в процессе получения личного опыта общения с профессионалами, которые обладают способностью определять социальные риски тех или иных решений и тем самым формировать специфическое компетентное мнение, или отношение к ситуации. Иными словами, фронезис — это способность к адекватной компетентной оценке ситуации, вырабатываемая путем общения со знающими людьми. В случае инфодемии встает вопрос о соотношении знания и информации. Как, на каких основаниях возможно отличить их друг от друга и каким образом складывается доверие к авторитету, скажем к ученому, ведь существует проблема статуса экспертного знания в современном сообществе неверующих, где у «каждого — своя правда»? Именно интернализация научной идентичности и применение практической мудрости позволяют наиболее эффективно противостоять инфодемии и отстаивать свою свободу в эпоху постправды. И если исследовательская идентичность определяет желание истины у субъекта, то практическая мудрость — пути для ее достижения.

Несмотря на то что упомянутые в статье авторы говорят непосредственно об ученых, мы стремились продемонстрировать, что та же логика вполне может быть экстраполирована на социальный контекст в целом, где каждый вынужден брать на себя роль исследователя. В силу утраты авторитета экспертами и множеством источников информации невозможно выработать какой-то внятный критерий доверия. Таким образом, главной задачей представляется формирование такой самости, которая будет стремиться к самостоятельности и непредвзятости мышления. Идентичность в данном случае определяет то, о чем человеку важно заботиться и что по-настоящему для него значимо. Самость исследователя позволяет субъекту, находясь в гармонии с собой, выдерживать большое количество интеллектуального напряжения, обозревать весь контекст и принимать правильные решения. А фронезис, в свою очередь, дает возможность понять, как действовать

добродетельно в соответствии с благом и ценностями в каждой конкретной ситуации.

Intellectual Virtues in the Infodemic Age

Mikhail S. Adamov

PhD student of the School of Philosophy and Cultural Studies.

National Research University Higher School of Economics.

21/4, build. 1 Staraya Basmannaya Str., Moscow 1105006, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-1624-449

isaacrobespierre@gmail.com

Abstract. One of the core problems provoked by the Coronavirus pandemic is the problem of the infodemic. The abundance of informational sources, the lack of sufficient skills and opportunities for its critical comprehension make the task of understanding the infodemic by the majority of the population highly relevant and significant in the era of informatization. Principally, in conditions of a real risk to the health and life of each individual. Often, disorientation in the information space about understanding the nature of the virus and possible ways of dealing with it causes no fewer fears and even phobias than the disease itself. The article deals with the problem of infodemic as a consequence of the post-truth era. The main attention is paid to the potential possibilities of the theory of virtue epistemology in solving the problem of infodemic. Thus, to clarify the problem of disinformation in the era of a pandemic, it is proposed to follow the virtue of phronesis (as the central virtue in Aristotle's theory), which allows us to make a qualitative assessment of the epistemological context and select the necessary tools for analyzing information and its sources. Also, ways are proposed for the formation of a research identity (self), which allows you to navigate a variety of informational sources due to the loss of elemental trust in experts. To do this, two levels of self-formation are analyzed — with the help of the function of the other (which is considered in the role of critic, model, support and authority) and with the help of independent work on oneself and concern for intellectual virtues.

Keywords: COVID-19, infodemic, post-truth, disinformation, fake news, virtue theory, Aristotle, phronesis, identity, autonomy.

For citation: Adamov M.S. Intellectual Virtues in the Infodemic Age // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 49–66. DOI: 10.31857/S023620070020513-1

Литература/References

Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

Aristotle. *Nikomachova etika [Nicomachean Ethics]*, transl. from Ancient Greek by N.V. Braginskaya. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.], ed. by A.I. Dovatur. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983.

- Блур Д. Анти-Латур // Логос. 2017. Т. 27, № 1.
Blur D. Anti-Latur [Anti-Latur]. *Logos*. 2017. Vol. 27, N 1.
- Гальчук Д.С. Понятие «Идентичность личности» // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия. 2017. Вып. 5.
Gal'chuk D.S. Ponyatie "Identichnost' lichnosti" [The Concept of "Personal Identity"]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2017. Iss. 5.
- Дастон Л., Галисон П. Объективность / пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
Daston L., Galison P. *Ob'ektivnost'* [Objectivity], transl. from Engl. by T. Varhotova, S. Gavrilenko, A. Pisareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018.
- Загзебски Л. Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита / пер. с англ. К.В. Карпова // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 92–107.
Zagzebski L. Epistemicheskii avtoritet. Sovremennaya liberal'naya zashchita [Epistemic Authority. Contemporary Liberal Defense], transl. from Engl. by K.V. Karpova. *Epistemologiya i filofosfiya nauki*. 2017. Vol. 53, N 3. P. 92–107.
- Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейя, 2019.
Karimov A.R. *Epistemologiya dobrodetelei* [Epistemology of the Virtues]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2019.
- Каримов А.Р., Казакова В.А. Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 155–162.
Karimov A.R., Kazakova V.A. Teoriya intellektual'nykh dobrodetelei i sovremennoe obrazovanie [Intellectual Virtue Theory and Modern Education]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014. N 5. P. 155–162.
- Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа. СПб.: Наука, 2003.
Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po Fenomenologii duha* [An Introduction to Reading Hegel. Lectures on the Phenomenology of Spirit]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003.
- Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2022.
Makintyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory], transl. from Engl. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+: ROOI "Reabilitaciya" Publ., 2022.
- Фролов К.Г. Интернализм и экстернализм как альтернативные стратегии в эпистемологии и семантике // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 74–82.
Frolov K.G. Internalizm i eksternalizm kak al'ternativnye strategii v epistemologii i semantike [Internalism and Externalism as Alternative Strategies in Epistemology and Semantics]. *Voprosy filosofii*. 2017. N 2. P. 74–82.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 гг. / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
Fuko M. *Germenevtika sub'ekta: kurs lektcii, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 gg.* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Given at

М.С. Адамов
Интеллектуальные добродетели в эпоху инфодемии

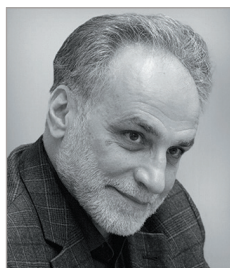
- the College de France in 1981–1982], transl. from French by A.G. Pogonyailo. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007.
- Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Celano A.J. *Aristotle's Ethics and Medieval Philosophy. Moral Goodness and Practical Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Collins H., Evans R., Weinel M. STS as Science or Politics? *Social studies of science*. 2017. Vol. 47, N 4. P. 580–586. DOI: 10.1177/0306312717710131
- Fuller S. *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. London; New York: Anthem Press, 2018.
- Kupperman J. Virtues, Character, and Moral Dispositions. *Virtue Ethics and Moral Education*, ed. by D. Carr, J. Steutel. Routledge, 1999. P. 199–209.
- Lapsley D., Chaloner D. Post-truth and Science Identity: A Virtue-based Approach to Science Education. *Educational Psychologist*. 2020. Vol. 55(3). DOI: 10.1080/00461520.2020.1778480
- May T. *Autonomy, Authority and Moral Responsibility*. Netherlands: Springer, 1998.
- Roberts R., Wood J. *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford: Clarendon Press, 2007.
- Sosa E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Understanding the Infodemic and Misinformation in the Fight Against COVID-19: Factsheet*. Pan American Health Organization, 2020. URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (date of access: 24.01.2022).
- Zagzebski L. Intellectual Autonomy. *Philosophical Issues*. 2013. Vol. 23. P. 244–261.
- Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.
- Zarocosta J. How to Fight an Infodemic. *The Lancet*. 2020. Vol. 395, N 10225. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30461-X

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070020514-2

©2022 Р.Г. АПРЕСЯН

ЭТИКО-ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: В ПОИСКАХ НОРМАТИВНОГО ЯЗЫКА

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, руководитель сектора этики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID: 0000-0002-2473-3909
apressyan@iph.ras.ru

Аннотация. Обсуждения кажущейся нескончаемой пандемии коронавируса COVID-19 эмоциональны. Содержащаяся в них «правда сердца» экзистенциально точна и убедительна. Но ее недостаточно для публичного и сориентированного на продуктивное противодействие пандемии разговора. Ситуация пандемии чрезвычайна, она требует экстраординарных мер, но, как показывает опыт, в чрезвычайных условиях действия властей в своей решительности нередко ведут к неоправданному ограничению гражданских свобод и прав, а то и прямому их нарушению. Обсуждению проблем, связанных с пандемией, нужен адекватный нормативный язык. Принимая во внимание опыт борьбы с эпидемиями вирусных заболеваний последних десятилетий и осознавая опасность обретения ими пандемических масштабов, ЮНЕСКО и ВОЗ инициировали разработку нормативно-этических документов, в которых сформулированы принципы, задающие этические приоритеты для политики властей в деле здравоохранения и общественной безопасности. В статье используются основные документы этих организаций, а также другие, имеющие отношение к обсуждаемой проблематике, и приводятся важнейшие этические принципы деятельности, направленной на сохранение здоровья людей. На основе этих документов показывается,

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

как на практике «работает» нормативная этика — какова ее структура и за счет чего обеспечивается императивная действенность базовых моральных ценностей, как они претворяются в операциональные установки политической и профессиональной активности. Значение нормативных документов еще и в том, что, обращенные к лицам, принимающим решения и руководящим деятельностью по их реализации, они предлагают обществу этические критерии для оценки деятельности государственных органов и других агентов противодействия пандемии. Они содержат нормативный язык, используя который представители общества, в том числе работники медиа, могут обращаться к власти, апеллируя к универсальным и апробированным международным экспертным сообществом этическим принципам.

Ключевые слова: COVID-19, нормативная этика, прикладная этика, этические принципы, публичный дискурс.

Ссылка для цитирования: Апресян Р.Г. Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 67–84. DOI: 10.31857/S023620070020514-2

Пандемия коронавируса COVID-19, усилия по противостоянию ей в мире и в нашей стране, переживания людей из-за причиняемых ею страданий, понесенных невосполнимых утрат, изменения в образе жизни, формах социализации и коммуникации, перемены в телесном и душевном опыте индивида — все это предмет нескончаемых обсуждений. У жизни в условиях пандемии очевидна этическая составляющая, которая разнообразно проявляется и в этих обсуждениях.

Спектр этико-пандемической проблематики довольно широк. Поскольку речь идет о заболевании и политике противодействия ему, *биоэтические* проблемы составляют значительную его часть. Любая пандемия требует экстренных, направленных на поддержание системы здравоохранения и компенсацию ее недостаточности социально-политических мер. Их реализация может вызывать хозяйственные, финансовые трудности для населения и бизнеса, которые на уровне сообществ, домохозяйств и индивидов усугубляются еще и сопутствующими социально-бытовыми трудностями. Как бы правительства ни пытались возместить причиняемый этими трудностями ущерб, предпринимаемые меры способны вызывать сильную социальную напряженность. Эти напряжения и возникающее на их волне общественное недовольство — источник *социально-этических* проблем, связанных с предоставлением необходимой медицинской помощи, соблюдением прав и свобод граждан, поддержанием социальной справедливости и, насколько это возможно, благополучия людей.

На каком языке обсуждать эти проблемы, на какие принципы при этом опираться?

Этико-пандемический дискурс

Говоря об этико-пандемическом дискурсе, я имею в виду обсуждение этических проблем, обусловленных вызовами пандемии и опытом жизни в условиях пандемии. Слово «этика» я использую здесь в широком смысле, близком к общеупотребительному, — для обозначения ценностей и вытекающих из них принципов, которыми люди руководствуются в своих поступках. Обычно в связи с этим говорится о добре и зле, правильном и неправильном. Но эти общие слова произносятся при интуитивной ясности, что имеются в виду ценности и принципы, ориентирующие на благо людей, предписывающие не причинять им вреда, содействовать их благу, заботиться о них, насколько есть для этого возможности и хватает решимости воли. К сфере этического относят и действия, совершаемые на основе этих принципов или оцениваемые с позиций этих принципов (независимо от того, по каким основаниям были приняты решения, приведшие к этим действиям), то есть признаваемые релевантными тем ожиданиям, которые обусловлены этими принципами.

Этико-пандемический дискурс разнороден. В нем отчетливо выделяются два плана. На поверхности, на первом плане — нормативно не оформленные рассуждения. На втором — нормативно ориентированные и этой ориентацией организованные.

Нормативно не оформленные высказывания различны по своим характеристикам. Анализ материала, почерпнутого из мировой сети, позволяет выделить четыре их разновидности — дескриптивные, ламентационные, апробативные и инвективные. *Дескрипция* представляет собой констатацию (иногда диагностическую) происходящего и переживаемого. *Ламентация* — выражение сожаления, горести и негодования, вызванных переживанием неосуществленности ожиданий субъекта ламентации и возникшего в связи с этим разочарования. *Апробация* — выражение удовлетворения, одобрения, которые обусловлены пониманием соответствия происходящего ожиданиям (тому, как должно быть) или даже превышения ожиданий, превышения стандарта нормального. *Инвектива* — преломление неудовлетворенности, сожаления и негодования в упрек, направленный на того, кто рассматривается в качестве виновника случившегося ущерба.

Эти дискурсы разнообразно пересекаются. Остановлюсь лишь на одном пересечении — ламентации и инвективы. Ламентация

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка

лишь эгоцентричные суждения — каприциозные, прагматические, эвдемонистические, пруденциальные и изначальное восприятие этих сигналов как этически значимых не исключает возможности их ценностно-императивной переквалификации по мере более близкого знакомства с ситуацией и понимания реального характера потерь и упущений, которые пришлось претерпеть тем, от кого они исходили. Но такого рода сигналы — непременно повод для внимания и контроля, которые призваны установить, являются ли высказываемые суждения и репрезентированные в них впечатления субъекта оправданными в соотнесении с наличными этическими представлениями, и если являются, то какие действия — компенсаторные, солидарные или кооперативные — возможно, необходимы для содействия благу тех, кто в этом нуждается.

Не следует воспринимать слова о наличных этических представлениях как ломающее рассуждение о морали. Если придерживаться понимания, что моральное решение всегда автономное, неподражательное, идущее из глубины сердца и т.д., то наличные этические представления вроде бы не должны быть для морального теоретика (если это не историк нравов и не моральный социолог) действительно значимыми. Такой взгляд на моральное решение разделяют моральные философы, ориентирующиеся на абстрактное философское понятие морали и переносящие на моральный опыт определения из «чистого» понятия морали, по сути задаваемого феноменологией морального самосознания. Между тем указание на наличие этических представлений предполагает их актуальность для данного сообщества, их практическую роль в идеально-ценностном и нормативно-регулятивном опосредствовании отношений между людьми, а также в процессах социальной динамики сообщества.

Нормативно неоформленный дискурс этико-пандемической проблематики лежит на поверхности, им насыщены социальные сети и многие регулярные медиа, он в первую очередь бросается в глаза. Но, принимая во внимание его роль в обществе, трудно назвать его преобладающим. Наряду с ним, на втором плане различим, условно говоря, нормативно-ориентированный, нормативно-рефлексивный дискурс. Располагаясь на периферии публичного внимания, этот дискурс не всегда отчетливо слышим, но потенциал его действенности несравнимо велик. Как правило, он опосредован нормативно-этическими разработками или прямо задан ими. В случае когда эти разработки институционально и легитимно санкционированы, особенно если это сделано международными организациями или поддерживается ими, тем более в виде документов, подписанных государствами — членами этих организаций, мы имеем дело с институционализированным дискурсом.

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка

этическим вопросам [Working Group, 2020]. С соответствующим заявлением выступила ЮНЕСКО [Заявление, 2020].

В целом этико-пандемическая проблематика достаточно хорошо проработана на нормативном уровне. Речь идет об этических принципах здравоохранительных, профилактических и социально-организационных действий в условиях пандемии. Имеется в виду, что даже в условиях пандемии государство и общество, прилагая всевозможные усилия по противостоянию болезни, должны руководствоваться также и этическими принципами, а не только мотивами эффективности здравоохранения и ресурсосбережения (хотя понятно, что в чрезвычайных ситуациях задача ресурсосбережения всегда стоит очень остро)².

В контексте пандемии интерес представляют и нормативно-этические разработки в других областях социальной практики, такие как Декларация этических принципов в связи с изменением климата [Декларация, 2018] или теория справедливой войны³. К этому следует добавить и специальные правозащитные документы, регламентирующие пределы исключений из режима соблюдения гражданских прав и свобод [Сиракузские принципы, 1985; COVID-19, 2020].

Нормативные концепции противостояния эпидемическим болезням, справедливой войны, этики климата имеют отличительные особенности: а) они предлагают принципы деятельности в условиях неизбежности зла, б) они направлены на минимизацию зла, в) признавая, что в чрезвычайных ситуациях неизбежны ограничения прав и свобод граждан и уже тем самым причинение индивидам вреда, они определяют этические рамки таких ограничений (заданные концепцией прав человека). *Нормативная этика*

² Противостояние пандемии — здравоохранительная задача, решение которой требует гораздо больших материальных и людских ресурсов, чем предполагается бюджетами здравоохранения даже экономически самых развитых стран, не говоря о других. Чем дольше длится чрезвычайная ситуация и чем больше истощаются ресурсы, тем острее становятся вопросы их выделения и их адресного направления. При недостатке ресурсов неизбежно введение дополнительных критериев для установления приоритетов в их распределении — темпоральных, медицинских, возрастных, социально-экономических, социально-политических, по достоинству и заслуге и т.п.; соответственно, понадобятся дополнительные процедуры в процессе принятия решений по этим вопросам [Kinlaw, 2009: 185]. Распределение ресурсов — вопрос справедливости, так или иначе трактуемой, и, стало быть, это этически значимый вопрос.

³ Концепция справедливой войны наиболее разработана в нормативном плане. Но она никак не кодифицирована — в том смысле, что она не получила выражения в форме отдельного нормативного документа. Лишь частично ее принципы отражены в Уставе ООН, а именно в гл. VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии [Организация, 1981].

интересов и репрезентативности в отношении сложившегося на момент их разработки и принятия дискурса. К этому следует добавить, что такие документы не наделены обязательной силой и носят рекомендательный характер.

Этические принципы

Какие этические принципы заслуживают внимания при обсуждении социально-этических проблем противостояния пандемии?

Выше я обозначил смысл этического как непричинение вреда, содействие благу других и забота о благе других⁴. В названных нормативно-этических документах общие принципы невреждения, помощи, заботы специфицируются нормативно-этически — в виде относительно частных принципов и в приложении к конкретным социальным практикам — на уровне оснований определения целей, выбора средств, режимов их применения в перспективе к ожидаемым результатам.

Для прояснения нашей темы интерес представляет доклад ВОЗ о борьбе с туберкулезом: он наиболее проработан с нормативно-этической точки зрения, среди документов такого рода и в нем предлагается определенное понимание этики, этических ценностей: они указывают на то, «как мы должны прожить свою жизнь» [Guidance on ethics, 2010: 5]. Это определение используется в некоторых принятых позже нормативных документах ВОЗ, например подготовленных на фоне эпидемиологической вспышки геморрагической лихорадки Эболы в Центральной и Западной Африке в 2015 году [Guidance for managing, 2016]. Понятно, что такого определения этических ценностей недостаточно. Имеется в виду, что этика говорит нам о том, что мы должны прожить свою жизнь *хорошо и достойно*, опираясь на критерии, заданные выше названными этическими концептами как базовыми ценностными основаниями принятия решений (суждений и действий). Вообще понимание этики как принципов деятельности, ориентирующих на благо других людей, восходит через Всеобщую Декларацию по биоэтике и правам человека и другим нормативным документам такого рода к Всеобщей Декларации прав человека (принятой ООН, 1948), решениям Нюрнбергского процесса по делу врачей

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка

⁴ В данном виде это положение непосредственно коррелирует с индивидуальным и коммуникативным уровнями морали. В социально-этическом контексте *другие* — это как люди, так и локальные сообщества. Включение в *другие* социумы, или общества в целом требует уточнений и дополнений, опосредованных пониманием природы нравственно-психологической и социально-функциональной идентичности индивида.

заболевания, максимальному сдерживанию распространения инфекции в пиковые периоды требует от медицинских работников, служащих государственных органов здравоохранения и общественной безопасности не только исполнения своих профессиональных обязанностей, но и осознания своей ответственности за обеспечение общественного блага.

Например, в целях противостояния пандемии национальные правительства, региональные и муниципальные администрации могут принимать решение о проведении обязательной вакцинации. Во многих странах идут острые дебаты о целесообразности и допустимости обязательной вакцинации как по медицинским, так и этико-правовым критериям. Однако приходится иметь в виду, что вакцинация — одно из наиболее действенных средств защиты здоровья социума, и ради этого такая непопулярная мера, как обязательная вакцинация, может быть избрана в качестве приоритетной. Если осуществление этой меры ставится на повестку дня, то сразу возникает вопрос о предпосылках ее применения и проведения соответствующей политики, принимающей во внимание частные и индивидуальные обстоятельства: при каких показаниях проводится обязательная вакцинация, по отношению к кому, на основании чего допустимы исключения? Здоровье и благополучие членов сообщества является достаточным этическим основанием для принятия такого решения, но как бы ни было, политика обязательной вакцинации не может не затрагивать негативным образом автономию граждан, и возникающий на этой почве ценностный конфликт между здоровьем и благополучием социума и индивидуальной свободой должен разрешаться взаимоприемлемым образом. Принятие решения о принудительной вакцинации требует прозрачности и публичности обсуждения. При этом следует принимать во внимание целый ряд соображений: а) насколько принудительная вакцинация необходима и насколько ее осуществление соразмерно тем рискам общественному здоровью и системе здравоохранения, которые остаются при воздержании от нее, б) какова степень безопасности вакцины, г) насколько она действительно эффективна, д) не чревато ли проведение принудительной вакцинации нарушением доверия между обществом и государством и т.д. [см. COVID-19 and mandatory vaccination, 2021].

Введение режима социального дистанцирования, а в случае заболевания — карантина, требует осуществления контроля соблюдения его гражданами. Благодаря цифровым технологиям сегодня контроль, направленный на сдерживание распространения коронавирусной инфекции, становится легко осуществимым. Однако использование для решения этой важной социальной задачи технологий цифрового отслеживания также вызывает в обществе

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический курс: в поисках нормативного языка

всем странам и народам. В них, с одной стороны, принимаются во внимание особенности социальной организации в слабо развитых и развивающихся странах, где, в частности, сохраняются патриархальные традиции, где значительна роль на низовом уровне общин и общинных авторитетов, а с другой — последовательно проводятся демократические принципы в уверенности, что и в такой социальной среде они могут работать. По меньшей мере о них уместно говорить. Философия этих документов заключается в том, что хотя этически обоснованные действия по обеспечению общего блага в наибольшей мере возможны в демократически ориентированных обществах, но и в обществах с неразвитыми или подавленными демократическими институтами для них также есть место, если сохраняется местное самоуправление, а также существуют условия для деятельности благотворительных организаций и добровольческих групп общественной солидарности и помощи. Эти документы по-своему перформативны: задавая этический стандарт практических действий, не терпящих в силу чрезвычайности возникших обстоятельств отлагательства, они вменяют и определенный образ этих действий. Прагматика действий, направленных на решение крайне насущных социальных задач, в случае их успешности способна преобразовывать и внешние условия их осуществления, преобразовывать под свой успех.

Одна из наиболее серьезных проблем, по поводу которой возникают нравственные конфликты и социальные напряжения, — баланс общих интересов, общественной безопасности, с одной стороны, и индивидуальных свобод, с другой. Борьба с пандемией, вообще с социально-опасными заболеваниями, с заболеваниями высокой степени контагиозности — это социальная проблема, работа с которой оказывается одной из площадок содействия общественному здоровью и, стало быть, общему благу. Последовательность и настойчивость в этом деле могут требовать мер, сопутствующим результатом которых оказывается ограничение индивидуальных свобод и прав граждан. В вопросе соотношения общественной безопасности и индивидуальных свобод необходимо четкое самоопределение властей и общества по целям: что на фоне неотступающей и периодически прогрессирующей пандемии считать приоритетным в общественном благе и благе индивидов?

Использование средств, которые должны быть в первую очередь эффективными, — вопрос, относящийся к прагматике деятельности. Но средства — также предмет этического рассмотрения. Практика многих стран, и России в особенности, показывает, что это обычное дело, когда при решении задач по обеспечению общественного блага, тем более в условиях чрезвычайных

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический курс: в поисках нормативного языка

этим целям [Сиракузские принципы, 1985]⁶. Речь идет о том, что ограничение индивидуальных свобод в экстраординарных обстоятельствах этически допустимо при условии, если оно не превышает уровень минимальной необходимости для защиты общего блага и соразмерно тем рискам, которые ему угрожают, а возникающие из-за вводимых ограничений деловые, финансовые, трудовые, бытовые, репутационные и другие потери должны, насколько возможно, компенсироваться со стороны государства [Kinlaw, 2009: 189–191].

* * *

Как выше отмечалось, нормативно-этические документы в первую очередь обращены к лицам, принимающим решения. Но здесь так же, как и на уровне обычной морали, то, что предлагается моральному агенту в качестве оснований принятия решений и совершения действий, предстает в глазах реципиента и внешнего наблюдателя (которые в другой перспективе, конечно, также являются моральными агентами) в качестве критерия анализа и оценки этой деятельности и ее эффектов, независимо от того, руководствовались ли принимающие решения этими принципами или нет. Предъявляя принципы принятия решений, эти документы одновременно задают ценностную сетку координат, общую (в смысле предъявленную всем и предоставленную в распоряжение всех) этико-нормативную рамку дискурса. Рефлексирующим и нравственно ответственным гражданам, работникам медиа предлагается нормативный язык, используя который, они могут оценивать действия правительства, государственных учреждений, общественных движений, политических и общественных деятелей по объективным, универсальным и апробированным критериям.

Пространство публичной речи редко бывает однозначным. В общественных обсуждениях сталкиваются носители разных социальных интересов, мировоззрений и политических программ. Но если сохраняются условия для открытого публичного дискурса и его участники чувствуют свою ответственность за общественное благо и готовы содействовать ему, остаются возможности для обмена мнениями, согласования позиций, взаимодействия, проявления солидарности. Все эти процессы опосредованы разногласиями и конфликтами, которые каждый раз требуют

⁶ В используемой здесь терминологии легко прослушивается отзвук принципов справедливой войны [Нравственные ограничения, 2002], которые в соответствующем адаптированном виде актуальны в качестве ограничения экстраординарных действий в любых чрезвычайных обстоятельствах.

assessment of public authorities and other social agents in their efforts to counter the pandemic. They propose a normative language, using which the society, including media, can claim the authorities, referring to universal and approved by the international expert community ethical principles.

Keywords: COVID-19, normative ethics, applied ethics, ethical principles, public discourse.

For citation: Apressyan R.G. Ethical-Pandemic Discourse: Searching a normative Language // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 67–84. DOI: 10.31857/S023620070020514-2

Р.Г. Апресян
Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка

Литература/References

Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека. Paris: UNESCO, 1995.

Vseobshchaya Deklaraciya o bioetike i pravah cheloveka [Universal Declaration on Bioethics and Human Rights]. Paris: UNESCO, 1995.

Декларация этических принципов в связи с изменением климата // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. 39-я сессия. Париж, 30.10–14.11.2017. Т. 1: Резолюции. Paris: UNESCO, 2018. С. 155–161.

Deklaraciya eticheskikh principov v svyazi s izmeneniem klimata [Declaration of Ethical Principles in relation to Climate Change]. UNESCO. Akty General'noj konferencii. 39 sessiya. Paris, 30.10–14.11.2017. T. 1: Rezolutsii [Records of the General Conference, 39th session. Paris, 30 October-14 November 2017. Vol. 1: Resolutions]. Paris: UNESCO, 2018. P. 155–161.

COVID-19 и права человека. Заявление международной организации Human Rights Watch (01.04.2020). URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654> (дата обращения: 21.06.2021).

COVID-19 i prava cheloveka. Zayavlenie mezhdunarodnoj organizacii Human Rights Watch [Human Rights Dimensions of COVID-19 Response. Human Rights Watch Statement (01.04.2020)]. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654> (date of access: 21.06.2021).

Заявление Международного комитета ЮНЕСКО по биоэтике и Всемирной комиссии ЮНЕСКО по этике научных знаний и технологий в связи с пандемией COVID-19: глобальный взгляд на этические аспекты проблемы. SHS/IBC-COMEST/COVID-19 REV (апрель 2020). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373115_rus?6=null&queryId=5021fd66-0ae7-4b85-af1c-4fce5ddd7e0d (дата обращения: 21.06.2021).

Zayavlenie Mezhdunarodnogo komiteta UNESCO po bioetike i Vsemirnoj komissii UNESCO po etike nauchnyh znaniy i tekhnologij v svyazi s pandemiej COVID-19: global'nyj vzglyad na eticheskie aspekty problemy [Statement of the UNESCO International Bioethics Committee and the UNESCO World Commission on the Ethics of Scientific Knowledge and Technology On COVID-19: Ethical Considerations from a Global Perspective] SHS/IBC-COMEST/COVID-19 REV (April 2020). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373115> (date of access: 21.06.2021).

Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002.

DOI: 10.31857/S023620070020529-8

©2022 Л.А. БОГОДЕЛЬНИКОВА

СООБЩЕСТВО В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИТУАЦИИ КОВИД-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Богодельникова Любовь Александровна — кандидат философских наук, доцент Байкальского Института БРИКС.

Иркутский национальный исследовательский технический университет. Российская Федерация, 664074 Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

ORCID: 0000-0002-5294-560X

bogodelnikova@gmail.com

Аннотация. Ситуация ковид-неопределенности, выразившаяся в разрушении привычных форм взаимодействия, привела к переформатированию социального и поставила вопрос о возможности морально ответственного отношения к Другому в условиях разобщенности, дистанцирования и изоляции. Понимание морали как амбивалентного феномена, способного выступать и как социальный институт, и как самозаконодательство морального агента, позволяет выделить два аспекта моральной ответственности: как меру должного в отношении других, которую моральный агент устанавливает себе сам, и как налагаемые на него обязанности извне. При этом нормативная компетентность морального агента проявляется в способности социального предвидения, в способности нести ответственность за будущее состояние сообщества, что оказывается чрезвычайно важно в ситуации пандемии. Моральная ответственность в текущих условиях — это обоюдная ответственность индивида и государства, обе стороны выступают как моральные агенты: государство несет ответственность за полноту реализации прав и свобод человека, обеспечение достойной жизни и безопасности, защиту

ведет к разобщению, изоляции и даже самоизоляции — физической и психологической. Можно возразить, что виртуальное общение может стимулировать кооперацию и партнерство, а в реальном деловом и личном общении может складываться ситуация идейной или психологической разобщенности. И все же виртуализация отношений ведет во многих случаях к иллюзии общности. «Люди становятся одновременно ближе (в плане доступности) и дальше друг от друга (в смысле качества общения). Происходит утрата межличностного общения, реальное общение подменяется обменом информацией или эмоциями. Общение имитируется, в значительной степени является формальным» [Романенко, 2020: 53]. Сегодня прочно закрепился термин «цифровой аутизм», которым обозначают утрату навыка живого общения, ведь «реальное общение в отличие от просто коммуникации требует умения и напряжения, человеку нужно удерживать внимание собеседника, ждать ответной реакции, реагировать на нее, формулировать мысль, вопросы, действовать актуально» [там же]. Обнажается ряд важных экзистенциальных проблем: баланс времени, проведенного в виртуальном и реальном общении, утрата интимности существования в результате «жизни на виду», потеря навыков критического, рефлексивного отношения к поступающей информации и пр.

В ряде случаев виртуальное общение предполагает общение в социальных сетях, в которых работает специальный алгоритм, предполагающий прицельно-точечное воздействие на индивида на основе собранной и систематизированной информации о нем. Формируется искусственная реальность, что называется «под нужды клиента», включающая только то, что интересно и симпатично, и исключая то, что по каким-то причинам видеть, читать, осмысливать не хочется. Сконструированная таким образом реальность, далекая от настоящего многообразия социального мира, может способствовать формированию представления человека о себе как единственного «правильно» мыслящего, действующего всему другому — «неправильному», что ведет к конфронтации, разобщенности и росту социального напряжения¹.

В контексте вышесказанного разобщение можно определить не только как вынужденную изоляцию или самоизоляцию, но и как утрату способности или возможности к реальному общению,

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии: моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

¹ Подробнее о работе алгоритмов, микротаргетинге и о том, как в социальных сетях оказывается манипулятивное воздействие на человека, можно посмотреть в документальном фильме «Социальная дилемма» [Social Dilemma, 2020].

становится даже близкий человек, родственник, друг, коллега, исповедующий принципиально иное отношение к новым вызовам мира: вакцинации, способам заражения, происхождению вируса и пр. В число людей, подвергаемых стигме, попадают не только заболевшие и их родственники, как это было на первых этапах распространения коронавируса, сегодня к ним могут быть отнесены люди привитые или, наоборот, отказывающиеся от вакцинации [Туркулец, 2020]. Как следствие появляются новые проблемы, связанные прежде всего с социальной стигматизацией, что ведет не только к разобщенности людей, порождает агрессивное и неадекватное поведение, но и рождает новые формы дискриминации.

Можно сказать, что мы оказались в ситуации «сообщества, лишённого сообщества» [Горбылева, 2011: 8]. Изменяющаяся повседневность поднимает вопрос о совместности и морально ответственном отношении не только человека к человеку, но также человека к государству и государства к гражданам, оказавшимся в условиях разобщенности и изоляции перед лицом общей проблемы — ковид-пандемии. В связи с этим особого рассмотрения и исследования требуют, на наш взгляд, два вопроса:

— какое поведение агента может быть признано морально ответственным в ситуации изменившегося социального?

— как возможно восстановить утраченную совместность в ситуации изоляции и неопределенности?

Для решения этих задач необходимо ответить на следующие уточняющие вопросы: будет ли считаться морально релевантным действие индивида в ситуации ограничения его свободы? продолжает ли отдельно взятый человек в кризисной ситуации ориентироваться в своих действиях на Другого, а если нет, то почему? возможно ли, разработав некую программу рациональных действий для противостояния общему злу в лице пандемии, сделать шаг от противостояния и изоляции к сотрудничеству и кооперации как на уровне взаимоотношений человек–государство, так и на уровне человек–человек, а также государство–государство? При наличии такой программы не оказываемся ли мы в ситуации конформной социальности и внешнего принуждения к совместности или стремимся реализовывать «специфически человеческую потребность» единения с Другим посредством диалога и коммуникации?

Почему мы полагаем, что этическое изменяется при изменении социального? Фактически это вопрос об относительности, а не абсолютности моральных норм. В морали, выступающей как результат коммуникации, наряду с наличием инвариантного нормативного содержания, призванного обеспечить и поддержать коммуникацию, существует «исторически изменяющееся содержание» [Авдеева, 2017: 63]. Кратко охарактеризуем факторы, повлиявшие

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии:
моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

«гносеологизмом в этике», когда ответственность понимается как «принятое на основе познания ситуации вовлеченных в нее людей и релевантных моральных принципов решение» [Зубец, 2014: 197], позволяющее предвидеть возможные социальные последствия собственных действий. Для начала определимся со спецификой моральной регуляции и необходимыми основаниями моральной ответственности.

Коммуникация как форма осуществления морального. Два измерения морального

Сообщество и совместность немислимы без идеи ответственности одного человека перед другим, и прежде всего ответственности моральной, которая есть результат коммуникации. Определение морали через коммуникацию — идея не новая для философии. Темы Другого и диалога с Другим актуальны для экзистенциальной философии XX века, которая пытается переосмыслить проблему сосуществования, совместности. Выступая как согласование разнонаправленных волей в реальном практическом действии, сообщество предполагает диалог меня и Другого, Я и Я, предполагает коммуникацию как способ достижения согласия. Коммуникация осуществляется с целью быть понятным, прийти к взаимопониманию, создать своеобразную «безбарьерную» среду, единство и общность. А условием взаимопонимания становится открытость и близость одного человека другому, неизбежно требующие ответственности друг перед другом, выражающейся в нравственном отношении Я и Я.

Мы не ставим задачу разобраться со всеми тонкостями постановки проблемы Я–Другой, с тем, как по-разному может концептуализироваться и проблематизироваться Другой в различных философских теориях и подходах. Это задачи принципиально других исследований [см., напр.: Швырева, 2021]. Наша цель — показать, что моральное действие — это всегда направленность моей воли к Другому, так как мораль может возникнуть только, когда появился Другой, и когда появился опыт взаимодействия с Другим. В предыдущем параграфе мы останавливались на том, почему мы не рассматриваем мораль вне коммуникации и не согласны с тем, чтобы рассматривать ее только как субъектность. Как мы уже отмечали, такой подход не дает возможности для создания программы рациональных действий, позволяющих противостоять общему злу. К сказанному можно добавить, что замыкание морали на индивидуиде и сфере поступка в ситуации противопоставленности социальности и субъектности, к сожалению, не объясняет, почему

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии: моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

человек оказывается морально ответственным перед Другим, возникает ли у него социальная ответственность за принимаемые решения, за развитие в себе социально значимых качеств. Впрочем, возражение такому пониманию морали может быть предметом отдельного исследования. Собственно, поэтому мы разделяем позицию Р.Г. Апресяна, полагающего, что «мораль возникает именно при встрече Я и Я — одного самоопределяющегося субъекта и другого самоопределяющегося субъекта. Мораль в этом смысле выступает как проявление не субъектности только, а интер-субъектности. <...> В этом смысле моральный опыт становящегося субъекта морали — опыт гетерономный» [Апресян, 2019: 46].

Мораль будет необходимо возникать и проявляться в реальных действиях и взаимодействиях реальных людей, выполняя «важную дисциплинирующую функцию, компенсируя отсутствие организующего начала там, где его нет и не может быть по определению» [Апресян, 2018: 76]. Реальные люди в реальном общении стремятся сосуществовать, разрешать конфликтные ситуации и предотвращать их, договариваться, ставить общие цели, находить выход из трудных ситуаций, с которыми сталкиваются сообщество или отдельный индивид. И если вдуматься, то такие основополагающие для этики понятия, как «забота», «общее благо», «ответственность», «долг», «совесть», выражают именно интер-субъектную сущность морали, раскрывают ее коммуникативную направленность, а коммуникация предстает как сфера осуществления морального.

Однако утверждения о коммуникативной природе морали в контексте заявленной темы исследования о специфике моральной ответственности в текущей ситуации пандемии недостаточно. Исследование морально ответственного поведения индивида, на наш взгляд, предполагает рассмотрение морали в двух измерениях: морали как социального института и морали исключительно как феномена самосознания.

Мораль как социальный институт — это ограничения, требования, вырастающие из потребностей самого общества, формулируемые в системе общепризнанных ценностей, опирающиеся на норму, то есть на то, что выработано, принято и усвоено сообществом. Мораль как феномен самосознания морального агента — это самоопределение и самозаконотворчество, требующее развития определенных личностных качеств и внутренних усилий. Социализируясь, человек не просто усваивает сложившуюся в обществе систему ценностей, формы взаимодействия с другими, нормы и правила, он также вырабатывает собственное отношение к тому, что уже усвоил, соотнося с тем опытом, который уже приобрел. Требования общества обращены к каждому, в этом

проявляется универсальность морального [см., напр.: Апресян, 2020], но они неизбежно будут доработаны, соприкоснувшись с внутренним миром морального агента³, а дальше — личное дело каждого, результирующее, вне всяких сомнений, в определенном объеме ответственности, которое каждый вынужден будет нести за собственные действия или бездействия.

Особое значение для морали имеет мотив, объясняющий, почему человек действовал так, а не иначе в конкретной ситуации. Для закона не важно, почему человек его соблюдает: боится быть наказанным за нарушение нормы или в принципе не допускает противоправного поведения в силу воспитания, полученного в детстве. Для оценки же действия морального агента важен мотив, так как он вырастает из личностных качеств индивида, ведь, чтобы необходимые модели допустимого поведения были сформированы, необходимо воспитать в человеке определенные качества: честь, достоинство, мужество, человечность, честность, милосердие и пр. Можно возразить, что при нарушении закона мотив непременно принимается во внимание, в частности, был ли нарушен закон по случайности или намеренно, или злонамеренно, и нарушение правового закона (уголовного, гражданского) также является следствием личностных качеств индивида. Здесь важно уточнение, что мотив и личностные качества важны только «при нарушении» закона, в то время как для морали важно, исходя из каких побуждений и качеств индивид выбирает определенную линию поведения.

В связи с чем в свете рассуждения о специфике морального представляется необходимым осмыслить и дать ответы на следующие вопросы: «Можно ли считать нравственным поведение морального агента, если он отказывается от действий или предпринимает их только потому, что опасается возможных санкций, которые могут быть применены к нему?», «Возможно ли признать нравственной мотивацию, исходящую только из желания индивида быть одобренным и принятым сообществом?» В поиске ответов на эти вопросы мы будем опираться на идеи, высказанные известным советским философом О.Г. Дробницким. Исследуя природу морали, Дробницкий проводил мысль о самостоятельности морального агента и возможности критического отношения к социальной действительности, несмотря на признание и понимание

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии: моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

³ Сопоставляя мораль с другими формами нормативной регуляции, О.Г. Дробницкий пишет: «Иное дело в морали: само общепринятое и общепризнанное должно быть обосновано, оценено с точки зрения его “правильности” или же отвергнуто, как “неподобающее человеку» [Дробницкий, 1974: 277].

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

роли общества, социального в нравственном развитии отдельно взятого человека. Так, Дробницкий полагал, что «моральная ответственность возможна только тогда, когда человек будет способен проявить акт автономии воли, когда он сможет действовать, не ожидая общественного одобрения или порицания, и когда возможность получить в качестве реакции на собственное действие порицание или осуждение со стороны общества, не будет фактором, удерживающим человека от самого действия [Дробницкий, 1972]. Из сказанного следует, что для морали, оказывается, очень важно то, что Дробницкий называл «свободой, специфичной для нравственности». «Субъект действия в процессе исполнения нормативного требования обладает специфичной для нравственности «свободой воли». Всеобщая обязательность морального требования далеко не всегда имеет под собой фактическое повсеместное его исполнение, тем не менее каждый человек должен поступать в соответствии с общезначимым требованием, так как он несет личную ответственность за свое поведение: человек должен поступать не просто «как все», но «как должно» [там же]. Таким образом, моральное действие не может быть просто действием по образцу, «действием без осознания», оно предполагает автономность индивида, понимаемую как его самоопределение и самоограничение.

В этом «поступать не как все, а как должно» звучит еще одно важное свойство морали, которое требует от индивида развитой способности к самоконтролю и социальному предвидению, то есть моральный агент должен понимать, к каким последствиям в долгосрочной перспективе приведут его осознанные действия или бездействия, и эти последствия оцениваются не в личном, а именно в социальном, общезначимом измерении, в масштабе сообщества. Это выводит нас к необходимости обсуждения феномена моральной ответственности, которую в контексте вышесказанного о специфике морали можно определить двояко.

Во-первых, моральная ответственность может быть определена как мера должного в отношении других, те ограничения, что моральный агент сам возлагает на себя, те обязанности, которые он сам себе вменяет, будучи членом определенной социальной группы. Моральная ответственность в отличие от, например, ответственности юридической не может возникнуть только в результате внешнего принуждения, она еще должна проявить себя как внутренний регулятив допустимого и невозможного, который индивид устанавливает себе сам. Морали по принуждению не бывает, специфика этического такова, что, когда мы принуждаем к нему, оно попросту исчезает.

Во-вторых, моральная ответственность «может быть наложена извне», Другим, который во многих случаях, как писал Э. Левинас, «призывает меня к ответственности...<...> Тогда свобода сдерживает себя — не потому, что наталкивается на сопротивление, а потому, что, робея, ощущает свое самоуправство, свою виновность; однако чувство виновности поднимает ее на уровень ответственности» [Левинас, 2000: 207]. В этом проявляется нормативная природа моральной регуляции. В результате моральной ответственности, наложенной извне, индивид должен быть готовым, что может столкнуться с разными формами принуждения, которые должны «побудить его исправиться, или предостеречь других от подобных злодеяний» [Логинов, 2021: 82]: от осуждения до принудительной изоляции. В этой ипостаси мораль подобно прочим формам регуляции выступает внешней побуждающей, принудительной силой, опирающейся на норму и способствующей упорядочиванию социального.

Самозаконотворчество морального агента, немислимое без свободы, его способность осознавать общественную значимость собственных действий и бездействий, предполагающую его рациональность, а также нормативную компетентность, понимаемую как способность «распознавать и приобретать правильные моральные ценности, а также руководствоваться в своем поведении моральными соображениями» [там же: 54] — вот, на наш взгляд, необходимые составляющие феномена моральной ответственности.

Исходя из представленного понимания морали и моральной ответственности, рассмотрим специфику последней в ситуации изменившегося социального контекста, в ситуации пандемии. И зададимся вопросом о возможности восстановления разрушенной общности и диалога с Другим.

Программа рациональных действий: от конфронтации к солидарности

Текущую ситуацию неопределенности и разобщенности, в которой привычные формы социального взаимодействия разрушены, а новые еще не выработаны либо выработаны, но продолжают восприниматься большинством как временные модели поведения, предполагающие возможность возвращения к привычному прежнему образу действий, можно назвать ковид-неопределенностью (covid uncertainty) [Gash, 2021: 259]. Хрупкость (fragility) [Depraz, 2021], непостоянство, преходящесть — это и характеристики мира вокруг нас, изменившегося в один момент, это и наша характеристика в новом мире, новых условиях. Еще одним

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии:
моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

институтам⁴. Для осуществления задач сохранения здоровья и обеспечения безопасности, власти вынуждены были принять ряд мер, которые серьезнейшим образом поменяли повседневность: введение чрезвычайного режима, установление локдауна для сдерживания скорости распространения коронавируса, социальное дистанцирование, контроль за передвижением граждан, закрытие границ с соседними странами, массовое тестирование, принуждение к вакцинации и т.д.

Утилитаризм как политическая модель эффективен, когда есть полное знание о проблемной ситуации, определяющее нормативную компетентность агента, а также когда коллективное благо легко идентифицировать и оно может быть достигнуто средствами, которые будут поддержаны или, в крайнем случае, не вызовут большого недовольства у населения [ibid]. К сожалению, достичь состояния «полного знания», особенно в первые месяцы разворачивания вирусной угрозы, для властей не представлялось возможным, что усиливало ситуацию неопределенности. Применяемые государством меры вызвали сопротивление части населения, что вылилось в противостояние отдельных групп граждан и государства.

Камнем преткновения стал вопрос о соотношении личной свободы и общественных интересов в ситуации противостояния коллективной угрозе. Часть граждан согласилась с утилитаристкой повесткой о том, что в ситуации пандемии люди должны действовать, исходя из задачи смягчения зла, его минимизации, несмотря ни на что стремиться предотвращать собственные страдания и страдания других, тем самым согласившись поступиться рядом свобод, сознательно ограничив себя. Это не значит, что эти граждане не испытывали негативных последствий, связанных с изменением привычного образа жизни, но это был результат сознательного выбора и самоопределения морального агента.

Мораль как социальный институт не всегда выступает как «инструмент упорядочивания социального» [Апресян, 2018: 72]. «Нравственность не всегда проявляется в согласованности действий всех людей в обществе; она иногда обнаруживает свой “неконформный” характер, вступает в противоречие с установившейся практикой поведения, заставляет какие-то социальные группы

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии:
моральная ответственность
в ситуации ковид-неопределенности

⁴ См. напр. «Барометр доверия», публикуемый консалтинговой компанией Edelman. В отчете, составленном на основе опроса 36000 респондентов в 28 странах мира, анализируется отношение и степень доверия граждан разных стран собственному государству, медиа, корпорациям и НКО в текущей ситуации пандемии ковид-19. <https://www.edelman.com> <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer>

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

или отдельных индивидов выступать против общественного порядка, развивается через конфликты противоположных позиций. Довольно часто нравственные требования вступают в противоречие с потребностями утилитарными — экономическими и политическими» [Дробницкий, 1974: 108]. У морального агента должна быть «возможность следовать предложенной норме или отступить от нее» [там же: 241], только при таких условиях этическое будет реализовано и возникнет моральная ответственность индивида за принимаемые решения, действия и бездействия. Вопрос, однако, не в том, может или не может отклоняться от коллективных целей агент и при этом оставаться моральным агентом. Его действия в любом случае будут оценены как морально релевантные. Проблема состоит в том, почему он принимает решение вступать в конфликт с коллективными потребностями, отклоняться от следования общим целям, почему выбирает не противостоять коллективной угрозе, а защищать личную свободу.

Причин для конфронтации в текущей ситуации несколько. Во-первых, практически во всем мире сложилась ситуация информационной неопределенности (*information bankruptcy*), связанная с перегруженностью информационного поля огромным количеством противоречивой и взаимоисключающей информации о происходящем, освещающей экспертные и «псевдоэкспертные» мнения о пандемии, в которых очень сложно разобраться даже человеку с развитыми навыками критического мышления. Информационная неопределенность также связана с недоверием индивида власти и контролируемым государством средствам массового информирования, а значит, недоверием ко всей статистике, призывам, оповещениям, которые транслируются этими медиа. Еще одна причина конфронтации — это дилемма личной свободы и общественной необходимости, связанная с проблемой справедливости. Обеспечение соблюдения прав и свобод — такая же функция государства, как и обеспечение сохранения здоровья и безопасности населения, почему же в ситуации распространения вируса первое должно быть принесено в жертву второму? И как в принципе должна быть определена справедливость: как то, что стоит на защите интересов отдельного индивида, или как то, что выражает коллективный интерес? А это, в свою очередь, возвращает нас к вопросу о свободе, но теперь уже как к вопросу об установлении границ государственной власти, не только «пространственных», но и «временных». Вопрос о свободе — это вопрос о том, состоится ли возвращение к привычной повседневности после окончания пандемии? Ведь вирус будет побежден рано или поздно, а созданные за время пандемии технологии контроля никуда не уйдут [Delanty, 2020: 9].

Вопрос о том, может ли свобода индивида быть принесена в жертву безопасности, поднимает важную проблему отсутствия доверия в отношениях гражданина и государства, выражающегося в сомнении о необходимости и реальных целях введения чрезвычайного положения и объявления в пандемии. Идея заботы об общем благе — прекрасная идея, под маской которой можно спрятать самые нелицеприятные, а порой и гнусные намерения. Квинтэссенция проблемы схвачена в названии дебатов: «Чрезвычайное положение как новая норма», состоявшихся 24 сентября 2021 года между Д. Агамбенем и С. Жижекком. Пересказывать всю полемику не имеет смысла, озвучим самое существенное. Д. Агамбен, следуя в своих рассуждениях за М. Фуко с его идеями биополитики, новых дисциплинарных проектов и исправления ненормального, говорит о том, что стремление к безопасности создает еще больше опасностей, увеличивая страх и неуверенность, формируя почву для коллективной паники. В самом начале пандемии Агамбен полагал, что пандемия — это выдумка властей, позволяющая устанавливать новые формы контроля, покушаться на свободу индивида. Жижек, возражая своему итальянскому коллеге, указывал на положительные последствия кризиса, так как, по его мнению, пандемия станет способом восстановления сотрудничества, возродит солидарность на личном, национальном и глобальном уровнях [ibid: 11], сможет обеспечить поворот от разобщенности к со-общности.

Уточним, что ситуации конфронтации человека и государства скорее характерна для «западных демократий», а не для восточных форм государственности. И здесь показателен пример Китая, применившего «драконовские меры» в борьбе с пандемией: контроль за передвижением и контактами с помощью специальных приложений в смартфонах, жесткий локдаун и политика «zero tolerance» в отношении любых нарушителей, всеобщая принудительная вакцинация, тестирование и т.д., которые вместе с тем привели к положительным результатам в кратчайшие сроки. В ноябре 2021 года доверие граждан Поднебесной собственному правительству достигло рекордных 91%, самого высокого уровня за последнее десятилетие. Для сравнения: аналогичный показатель для США в ноябре 2021-го составил 39%, для России — 37%⁵. Китай оказался единственной страной, показавшей экономический рост в кризисном 2020 году. К весне 2020 года на большей части территории Китая жизнь относительно нормализовалась. Люди

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии:
моральная ответственность
в ситуации ковид-неопределенности

⁵ https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_Final.pdf

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

вернулись к работе, дети вернулись в классы, а новые технологии отслеживания на смартфонах позволили людям передвигаться с относительной уверенностью в том, что любые вспышки можно отследить. Летом 2020 года правительство развернуло вакцину Sinopharm для экстренного использования через государственное предприятие China National Pharmaceutical Group, быстро распространив ее по стране в начале 2021 года. В какой-то момент Китай вакцинировал ошеломляющие 20 млн человек в день, а сегодня КНР помогает вакцинировать мир — примерно половина из 7 млрд вакцин, распространяемых по всему миру, приходится на китайские вакцины⁶.

Политика китайских властей выглядит как модель последовательных действий государства, применившего очень жесткие меры в борьбе с коронавирусной инфекцией, но именно эти меры позволили обеспечить безопасность граждан и остановить болезнь. Успех такой политики был обеспечен не только «драконовским» характером введенных ограничений, но и рациональностью действий властей КНР как морального агента, обеспечивших последовательность и предсказуемость принимаемых решений, проявившихся в готовности взять всю полноту ответственности за принимаемые решения. В этой модели «жестких» политических решений не предусмотрено никакого пространства для диалога государства и человека, что отчасти связано со спецификой ментальности китайского народа, развитыми формами коллективности, высоким уровнем поддержки и доверия китайских граждан государству и институтам государственной власти, а отчасти с тем, что решения правительству Китая, как и правительствам других стран, приходилось принимать в экстренной ситуации, требующей не рефлексии, а конкретных мер обеспечения безопасности.

Опыт борьбы Китая с пандемией был бы представлен однобоко, если бы мы не сказали о том, что власти Китая на первых этапах развития пандемии также оказались непоследовательными, к сожалению, необходимо признать пагубную роль китайского руководства в замалчивании масштабов проблемы на первых этапах развития эпидемии коронавируса, а также недооцененности угрозы для медицинского персонала. Если же отвечать на возможное возражение о том, что высокий уровень доверия китайских граждан собственному правительству связан с невозможностью открыто осуждать политику коммунистической партии, то можно сказать следующее: выше мы говорили о специфической ментальности китайского народа. Китай сегодня стремится вырабатывать

⁶ <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer/trust-china>

самостоятельную идеологическую повестку, которая может быть противопоставлена системе ценностей западных демократий, а значит, и судить Китай мерками принципиально иной ценностной системы, на наш взгляд, не представляется возможным.

Необходимо отметить, что «политика жестких мер» как реакция на чрезвычайную ситуацию характерна не только для Китая, но и для ряда европейских государств, таких как Италия, Франция, Германия и Испания. Но в силу специфики западноевропейской ментальности политическая жизнь этих стран реализуется в пространстве публичного обсуждения, что привело к публичной демонстрации несогласия части населения с действиями государства и, что стоит отметить, выразилось в падении уровня доверия государству, то есть привело к прямо обратному политическому эффекту, наблюдаемому в Китае.

К сожалению, в отличие от своих западных и восточных коллег, действия российских органов власти — это пример непоследовательности и половинчатости мер, что сказалось на результатах, которые могут быть оценены как неоднозначные. Можно ли считать последовательными и рациональными следующие меры: объявить не локдаун, а нерабочие дни? объявив нерабочие дни, не взять на себя выплату материальных компенсаций трудоспособному населению страны, незанятому в бюджетной сфере? в кратчайшие сроки разработав действующую вакцину, провалить вакцинацию собственных граждан? разработав вакцину, не обеспечить ею граждан собственной страны, отправить первый компонент вакцины на экспорт, а затем провалить «вакцинную дипломатию», не сумев поставить второй компонент вакцины вовремя? закрыв предприятия общепита в целях уменьшения скорости распространения коронавирусной инфекции, проводить «Алые Паруса» и игры чемпионата мира по футболу? [Борисенко, 2021]. Складывается впечатление, что государство фактически отказывается от ответственности за собственноручно принимаемые решения, перекладывая ее на плечи граждан, отказывается от программы организованных и последовательных действий, способных привести к желаемым результатам в кратчайшие сроки.

* * *

В ситуации «потрясения сообщества» высока угроза утратить морально ответственное отношение людей друг к другу. Изменившаяся повседневность меняет наше представление об ответственном поведении, будь то отдельно взятый индивид или государство. Минимизация зла, борьба с коронавирусной инфекцией — задачи практические, потребовавшие от всех заинтересованных сторон рациональных, последовательных, ответственных

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху пандемии:
моральная ответственность
в ситуации ковид-неопределенности

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

действий. На практике мы увидели эффективность утилитаристской повестки, поставившей во главу угла коллективные цели сохранения здоровья и обеспечения безопасности. Но вместе с признанием очевидных положительных результатов необходимо еще раз указать на «обнажившуюся» в ходе борьбы с коронавирусом проблему «чрезвычайного положения как новой нормы», связанной с ограничением прав и свобод индивида и разработкой технологий контроля за повседневностью, на наш взгляд, требующих пересмотра границ государственной власти.

Понимание морали как результата коммуникации позволяет увидеть, каким образом человек является морально ответственным перед Другим даже в ситуации серьезнейших социальных потрясений, и скорейшее осознание необходимости морально ответственного отношения человека к человеку и государства к гражданам позволит быстрее воссоздать утраченную общность, которая может вырасти из коммуникации и диалога, а не внешнего принуждения к совместности.

Что же должно и может быть сделано в настоящий момент для восстановления со-общности и возвращения к сотрудничеству? На наш взгляд, одной из первейших задач для государства должна стать необходимость полноценного информирования общества, чтобы обеспечить нормативную компетентность гражданина, позволяющую ему осознавать последствия принимаемых решений, и брать на себя ответственность за перспективу дальнейшего развития общества. Как уже было сказано, ситуация пандемии вскрыла проблему взаимодействия власти и институтов гражданского общества, выразившуюся в недоверии действиям властей и в неуверенности в подлинных, а не декларируемых мотивах предпринимаемых мер, боязни того, что за благими целями прячутся низкие намерения. Действие государства как рационального морального агента, выражающееся прежде всего в последовательности и определенной предсказуемости принимаемых мер, гарантия отмены режима чрезвычайного положения и того, что власти не будут использовать его в дальнейшем для политических целей, например, для устранения недовольства населения или политических оппонентов. Для решения озвученных выше задач необходима взаимная открытость, готовность к диалогу власти и общества, а для этого должны быть сформированы институты гражданского общества, что является задачей долгосрочной. Пандемия ярче высветила уже существовавшие социально-политические проблемы, которые лишь обострились в чрезвычайной ситуации. На первый план вышли недоверие и неготовность к сотрудничеству индивида и государства, разобщающие и разрушающие сообщество. Привлечение внимания, артикуляция проблемы могут стать

половиной ее решения. Сегодня очень хочется верить Славою Жижек, который убежден, что пандемия приведет к укреплению солидарности и сотрудничества на всех уровнях существования сообщества.

Community in the Age of the Pandemic: Moral Responsibility in light of Covid-Uncertainty

Lyubov A. Bogodelnikova

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Institute of BRICS.

Irkutsk National Research Technical University.

83, Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-5294-560X

bogodelnikova@gmail.com

Abstract. A situation of COVID uncertainty resulting in the destruction of the conventional forms of interaction led to a reformatted social context and challenged a possibility of a morally responsible attitude towards the Other in the conditions of separateness, distancing and isolation. Understanding morality as an ambivalent phenomenon that acts both as a social institution and as a self-legislation of a moral agent, allows for singling out two aspects of a moral responsibility: a measure of what is due towards other people, which is established by a moral agent himself, and duties imposed upon the moral agent from the outside. In this case, a normative adequacy of the moral agent is manifested in his power of social prediction and his ability to bear responsibility for the future state of the community, which becomes of a paramount importance in light of the pandemic. In the current situation, a moral responsibility is a mutual responsibility of an individual and the state where these both parties act as moral agents: the state is responsible for the comprehensive exercise of human rights and freedoms, provision of decent living conditions and security, and protection of health as well as for the quality of its own decisions, their implementation and social impact; whilst an individual is responsible for his own decisions and actions, which in the state of emergency are dedicated to the cause of collective well-being and aimed at minimization of the harm and prevention of the sufferings of others. A specific tension preconditioned by a dilemma of a personal freedom and collective goals to preserve health and survive, may be eased with the help of a dialogue, trust and reflexivity that would help get over the increasing distancing and separateness.

Keywords: moral responsibility, moral freedom, COVID uncertainty, community, communication, togetherness, separateness, COVID ethics, normative adequacy.

For citation: Bogodelnikova L.A. Community in the Age of the Pandemic: Moral Responsibility in light of COVID-Uncertainty // Chelovek. 2022. Vol. 33, N 3. P. 85–106. DOI: 10.31857/S023620070020529-8

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху панде-
мии: моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

Литература/References

- Авдеева И.А. Мораль и коммуникативное действие в эпоху трансформации социальных практик // *Философия и общество*. 2017. № 4. С. 58–69.
Avdeeva I.A. *Moral' i kommunikativnoe dejstvie v jepohu transformacii social'nyh praktik* [Morality and communicative action in the era of transformation of social practices]. *Filosofija i obshhestvo*. 2017. N 4. P. 58–69.
- Апресян Р.Г. Понятие морали – единство субъективного и объективного // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. 2019. № 2(30). С. 40–47.
Apressyan R.G. *Ponjatje morali – edinstvo sub'ektivnogo i ob'ektivnogo* [Concept of morality – unity of subjective and objective aspects]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2019. N 2(30). P. 40–47.
- Апресян Р.Г., Артёмьева О.В., Прокофьев А.В. Феномен моральной императивности: Критические очерки. М.: ИФ РАН, 2018.
Apressyan R.G., Artemyeva O.V., Prokofiev A.V. *The Phenomenon of Moral Normativity: A Critical Essay*. Moscow: RAS Institute of Philosophy, 2018.
- Борисенко А.А. Постмодерный цинизм как феномен социальной реальности правящих элит. Как цинизм правящих элит отразился на проблеме вакцинации в РФ? // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Т. 4, № 5. С. 11–16.
Borisenko A.A. *Postmodernyj cinizm kak fenomen social'noj real'nosti pravjashih elit. Kak cinizm pravjashih elit otrazilsja na probleme vakcinacii v RF?* [Post-modern cynism as a phenomenon of the social reality of the ruling elite. How has the cynism of the ruling elite affected on the problem of vaccination in the Russian Federation]. *Russian Economic Bulletin*. 2021. Vol. 4, N 5. P. 11–16.
- Ваторопин А.С., Лату М.Н., Гараева Э.И. Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции // *Вопросы управления*. 2021. № 3(70). С. 62–79.
Vatoropin A.S., Latus M.N., Garaeva E.I. *Otnoshenie rossijan k rezhimu samoizoljacji v uslovijah koronavirusnoj infekcii* [Attitude of the Russians to self-isolation regime caused by the covid-19 pandemic]. *Voprosy upravlenija*. 2021. N 3(70). P. 62–79.
- Горбылева Ж. На пределе смысла // *Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное* / пер. с фр. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011. 208 с.
Gorbyleva Zh. *Na predele smysla* [On the edge of meaning]. *Neproizvodimoe soobshhestvo: Nnoe izdanie, peresmotrennoe i dopolnennoe; transl. from French Zh. Gorbylevoj i E. Troickogo*. Moscow: Vodoley Publ., 2011.
- Дробницкий О.Г. Моральное сознание и его структура // *Вопросы философии*. 1972. № 2. С. 31–42.
Drobnitskii O.G. *Moral'noe soznanie i ego struktura* [Moral consciousness and its structure]. *Voprosy Filosofii*. 1972. N 2. P. 31–42.
- Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974.
Drobnitskii O.G. *Ponjatje morali*. [Concept of morality]. Moscow: Nauka Publ., 1974.

Зубец О.П. Предпочтение жизни самого себя // Мораль: разнообразие понятий и смыслов. Сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова / отв. ред. и сост. О.П. Зубец. М.: Альфа-М, 2014. С. 174–200.

Zubets O.P. *Predpochtenie zhizni samogo sebja* [Preferring the life of themselves]. *Moral': raznoobrazie ponjatij i smyslov. Sbornik nauchnyh trudov. K 75-letiju akademika A.A. Gusejnova*; отв. red. i sostavitel' O.P. Zubec. Moscow: Al'fa-M Publ., 2014. P. 174–200.

Кудрин А.Л. и др. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. д-ра экон. наук Кудрина А.Л. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
Kudrin A.L. *Jekonomika i jekonomicheskaja politika v uslovijah pandemii* [Economics and economic policy in a pandemic]; pod red. d-ra jekon. nauk Kudrina A.L. M.: Izd-vo Instituta Gajdara Publ., 2021.

Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000.

Levinas Je. *Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Selected writings: Totality and the Infinite] St.-Petersburg: Universitetskaja kniga Publ., 2000.

Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.

Loginov E., Gavrilov M., Mertsalov A., Iunusov A. *Prolegomeny k moral'noj otvetstvennosti* [Prolegomena to moral responsibility]. *Finikovyj Kompot*. 2020. N 15. P. 3–100.

Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / пер. с фр. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011.

Nancy J.-L. *Neproizvodimoe soobshhestvo: Nvoe izdanie, peresmotrennoe i dopolnennoe* [Inoperative Community]. Transl. from fr. Zh. Gorbylevoj i E. Troickogo. Moscow: Vodoley Publ., 2011.

Романенко И.Б. Цифровизация и социальные сети: актуальный формат существования человека // Научное мнение. 2020. № 6. С. 52–58. DOI: 10.25807/PBH.22224378.2020.6.52.58

Romanenko I., Puyu Yu. *Cifrovizacija i social'nye seti: aktual'nyj format sushhestvovanija cheloveka* [Digitalization and social media: the contemporary format of human existence]; I.B. Romanenko, Ju.V. Puju. *Nauchnoe mnenie*. 2020. N 6. P. 52–58. DOI: 10.25807/PBH.22224378.2020.6.52.58

Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32945

Turkulec S.E., Turkulec A.V., Listopadova E.V., Sokol'skaja M.V. *Social'naja stigmatizacija v period pandemii* [Social stigmatization during pandemic]. *Sociodinamika*. 2020. N 5. P. 11–25. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32945

Шевырева М.И. Диалог с другим, как моральная проблема современности // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 107–118.

Shevyreva M.I. *Dialog s drugim, kak moral'naja problema sovremennosti*. [Dialog with the other as a moral problem of our time]. *Filosofija i obshhestvo*. 2021. N 2(99). P. 107–118.

Apressyan R. The concept of universality in Oleg Drobnitskii's moral philosophy. *Stud East Eur Thought*. 2021. N 73. P. 95–112. doi.org/10.1007/s11212-020-09381-3

Л.А. Богодельникова
Сообщество
в эпоху панде-
мии: моральная
ответственность
в ситуации ко-
вид-неопреде-
ленности

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.31857/S023620070020515-3

©2022 М.Р. ДЕМИН

ЦИФРОВОЕ ОТСЛЕЖИВАНИЕ КОНТАКТОВ: УГРОЗА ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ ИЛИ МОРАЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО?

Демин Максим Ростиславович — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190121 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.
ORCID: 0000-0002-1222-682X
mdemin@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этические дилеммы, связанные с использованием приложений цифрового отслеживания контактов (ЦОК, digital contact tracing apps). В тексте предложены обзор существующих аргументов и новая классификация подходов к данной проблеме. Согласно этой классификации, все этические обоснования применения ЦОК можно разделить на утилитаристский и условный (деонтологический) подходы. Показано, почему условный подход оказывается более эффективным и как он может стать основой для этического анализа конкретных решений в области общественного здравоохранения. В заключение демонстрируется, как опыт этического обоснования ЦОК может быть применим в контексте дискуссии о внедрении цифровых паспортов вакцинации (ЦПВ, electronic vaccination certificate).

Статья подготовлена при поддержке НИУ ВШЭ, проект «Натурализация этики: естественнонаучные подходы к свободе воли и моральной ответственности».

В России программа ЦОК также доступна для скачивания. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации при участии Министерства здравоохранения Российской Федерации было разработано приложение «Госуслуги. COVID трекер». Как следует из официального описания программы, в ее основе лежит технология Exposure Notification, которую совместно разработали компании Apple и Google [Госуслуги.COVID трекер].

Данная статья фокусируется на этических аспектах технических решений, лежащих в основе ЦОК и массового использования этой технологии в ситуации пандемии. В статье будут предложены обзор существующих аргументов и новая классификация подходов к данной проблеме. Согласно этой классификации, все этические обоснования применения ЦОК можно разделить на утилитаристский и условный (деонтологический) подходы. Будет показано, почему условный подход оказывается более эффективным и как он может стать основой для этического анализа конкретных решений в области общественного здравоохранения. В заключение демонстрируется, как опыт этического обоснования ЦОК может быть применим в контексте дискуссии о внедрении цифровых паспортов вакцинации.

Отслеживание контактов как метод борьбы с пандемией

Прежде чем перейти к анализу этической обоснованности применения ЦОК, нужно определить специфику самой технологии. Цифровое отслеживание контактов — это сравнительно новая форма традиционного метода борьбы с распространением болезни в человеческой популяции. До недавнего времени контакты отслеживались так: заболевший сам раскрывал официальным представителям информацию о своих контактах и передвижениях за определенное время. Такой метод получил название «ручного отслеживания контактов» (manual contact tracing).

Главная цель отслеживания контактов — выявить потенциально зараженных людей, предупредить их и при необходимости изолировать с целью предотвращения дальнейшего распространения болезни. Отслеживание контактов — традиционный и хорошо известный метод в борьбе с пандемией [Braithwaite et al., 2020]. Ручное отслеживание контактов затрагивает только тех, у кого выявлен высокий риск заражения. У этого метода есть ряд недостатков: 1) необходимо серьезное вмешательство в частную жизнь; 2) требуется много ресурсов; 3) отслеживание основывается

М.Р. Демин
Цифровое отслеживание контактов: угроза гражданской свободе или моральное обязательство?

Утилитаристский подход

Эффективная борьба с пандемией во многом связана с приоритетом коллективного блага над индивидуальными интересами и свободами. В мировой юридической практике считаются обоснованными некоторые случаи временного ограничения прав на свободу и частную жизнь в целях предотвращения распространения болезней, если это приведет к защите здоровья или прав других лиц [Hine et al., 2021]. За время пандемии правительства многих стран вводили меры, которые в разной степени ограничивали объемы прав и свобод граждан. Эффективность ЦОК напрямую зависит от количества людей, которые установят и будут использовать соответствующую программу. Ответы на вопросы о том, насколько ЦОК нарушает права и свободы граждан и в какой мере применение ЦОК является этически оправданным, не являются однозначными и продолжают быть предметом этических дискуссий.

Рассматривая предложенную в международной исследовательской литературе аргументацию, я предлагаю выделить два подхода к этическому обоснованию ЦОК: утилитаристский и условный (деонтологический). Обозначенные таким образом подходы не стоит напрямую отождествлять с позициями таких философов, как Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль и Иммануил Кант. Хотя имплицитно оба подхода исходят из философских предпосылок, в них присутствует серьезное упрощение, и обычно эти позиции не проговариваются на философском языке с учетом всех смысловых нюансов. Каждый из этих подходов имеет собственную логику обоснования и приводит к разным решениям относительно использования ЦОК.

Обоснования в рамках утилитаристского подхода можно сформулировать следующим образом:

- действия могут быть морально обоснованы, если они приводят к максимизации счастья и минимизации страдания для наибольшего количества людей;
- ЦОК эффективен, то есть его использование приведет к существенному уменьшению страданий;
- следовательно, ЦОК должен использоваться даже в том случае, если это нарушит права и свободы некоторых граждан.

Мне удалось найти три статьи, авторы которых использовали подобный ход рассуждений [Cohen, Gostin, Weitzner, 2020; Riemer et al., 2020; Urbaczewski, Lee, 2020]. Все они представляют этичность отслеживания контактов как компромисс между эффективностью борьбы с пандемией и правами человека. Кай Ример вместе с коллегами по Университету Сиднея подробно описывает, какие инструменты — от рекламы и «социального подталкивания»

М.Р. Демин
Цифровое отслеживание контактов: угроза гражданской свободе или моральное обязательство?

3) должна быть эффективной, то есть иметь достаточную популярность, чтобы можно было получать своевременно точные данные;

4) действие программы должно быть ограничено по времени, то есть функционировать только в течение эпидемии;

5) использоваться добровольно;

6) предполагать пользовательское соглашение;

7) сохранять приватность данных и быть анонимным, то есть данные должны храниться только на телефоне пользователя; в случае выявленного контакта с инфицированным человеком пользователи программы уведомляются только о том, что существует риск заражения, а не о месте, где заражение могло произойти, и не о его источнике;

8) возможность для пользователя удалять данные;

9) иметь четко обозначенную цель о сборе данных;

10) иметь только одну цель, а именно отслеживать возможные заражения COVID-19;

11) использоваться только для предотвращения новых заражений;

12) не использоваться для коррекции поведения;

13) иметь открытый программный код;

14) быть бесплатной и распространяться для всех граждан;

15) быть удобной и понятной в использовании;

16) иметь возможность деактивации.

Авторы статьи признают, что в реальности картина вряд ли будет представлять полное соответствие всем 16 пунктам и на практике придется балансировать между соблюдением этих 16 условий и локальными и ситуативными ограничениями. Однако несоблюдение этих условий делает ЦОК этически необоснованным. Более того, авторы отмечают, что этическая обоснованность введения этих мер является обратимым процессом. Это означает, что то, что было этически обосновано вчера, может завтра уже не быть таковым [Morley et al., 2020].

Международный коллектив авторов во главе с Робертом Ранишом из Университета Тюбингена учитывает разработки английских коллег и предлагает еще более детализированную модель. Их гайд состоит из 62 вопросов [Ranisch et al., 2020].

Авторы разделяют все выдвигаемые ими условия на две большие группы. К первой относятся вопросы, которые должны выявить соответствие предлагаемых мер «фундаментальным ценностям». В этой группе насчитывается 37 вопросов, разделенных по семи рубрикам. Не буду перечислять все вопросы, обозначу только рубрики: 1) польза для общественного здравоохранения; 2) минимизация ущерба; 3) приватность; 4) справедливость; 5) свобода/автономность; 6) солидарность (например, убедиться, что

М.Р. Демин
Цифровое
отслеживание
контактов:
угроза граждан-
ской свободе
или моральное
обязательство?

исследователей сменяется сегодня осторожным пессимизмом: есть лишь некоторая надежда на то, что необходимые условия будут/могут быть выполнены в такой степени, что применение ЦОК можно будет считать обоснованным. Рассматривая ситуацию в Великобритании, Лучано Флориди, один из соавторов оксфордского исследования, в другой своей статье приходит к выводу, что, учитывая вызовы и риски, стоит рассмотреть вариант отказа от использования ЦОК [Floridi, 2020]. Здесь нужно оговориться, что Лучано Флориди в своей статье, приводя в пример неудовлетворительную степень использования ЦОК в Сингапуре, опирается на данные середины мая 2020 года. В статье, опубликованной в мае 2021 года, сингапурские исследователи утверждают, что по состоянию на 1 февраля 2021 года более 80% жителей страны скачали или использовали приложение [Lee, Lin, Kang, 2021].

В отличие от других мер, призванных замедлить распространение вируса, таких как, например, ношение масок или наличие сертификата вакцинации, использование включенной программы ЦОК сложно контролировать физически. Это обстоятельство важно, так как применение этой технологии оказывается неэффективным при использовании только ограничительных и принудительных мер. Применение этой технологии требует активной поддержки и включенности граждан, находящихся в зоне эпидемиологического риска. В этой связи соблюдение условий, определенных в статье Роберта Раниша и соавторов, приобретает не только этическую, но и практическую значимость. В отсутствие необходимых условий велик риск, что предлагаемые меры будут отвергнуты существенной частью граждан. Это не только снизит эффективность ЦОК, но и усилит недоверие к официальной информации и действиям властей. Условный подход важен не только при планировании применения ЦОК, но и при оценке существующего опыта. Усилия, которые вначале казались оправданными, на следующем этапе могут оказаться непропорциональными. Вполне возможно, что правильным решением будет пересмотр наших взглядов на возможности ЦОК и внимание к альтернативным решениям.

Опыт ЦОК может быть учтен в дискуссии о цифровых паспортах вакцинации (ЦПВ, Electronic vaccination certificate), позволяющих подтвердить наличие действующей вакцинации посредством QR-кода. Сходство ЦОК и ЦПВ уже обозначалось в литературе. Например, отмечалось что как для ЦОК, так и для ЦПВ есть риск «войны форматов», то есть ситуации, когда стандарты, принятые в разных странах и регионах, оказываются несовместимыми [Marhold, Fell, 2021]. Представляется, что аналогия между ЦОК и ЦПВ может быть расширена. Так, опыт обсуждения условий

М.Р. Демин
Цифровое
отслеживание
контактов:
угроза граждан-
ской свободе
или моральное
обязательство?

Keywords: Deontology, Utilitarianism, Vaccination passports, COVID-19, Civil liberties, Public trust, Information Technologies.

For citation: Demin M.R. Digital Contact Tracking: a Threat to Civil Liberty or a Moral Obligation? // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 107–118. DOI: 10.31857/S023620070020515-3

Литература/References

- Госуслуги. COVID трекер. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/госуслуги-covid-трекер/id1517791904> (дата обращения: 20.01.2022). URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.minsvyaz.gosuslugi.exposurenotificationandroid> (дата обращения: 20.01.2022)
- Gosuslugi. COVID treker [Public services. COVID tracker]. [Electronic resource]. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/госуслуги-covid-трекер/id1517791904> (date of access: 20.01.2022). URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.minsvyaz.gosuslugi.exposurenotificationandroid> (date of access: 20.01.2022)
- Abueg M., Hinch R., Wu N., Liu L., Probert W.J., Wu A., Eastham P., et al. Modeling the Effect of Exposure Notification and Non-Pharmaceutical Interventions on COVID-19 Transmission in Washington State. *NPJ Digital Medicine*. 2021. N 4. DOI: 10.1038/s41746-021-00422-7
- Braithwaite I., Callender T., Bullock M., Aldridge R.W. Automated and Partly Automated Contact Tracing: A Systematic Review to Inform the Control of COVID-19. *The Lancet Digital Health*. 2020. Vol. 2(11). P. e607–e621. DOI: 10.1016/S2589-7500(20)30184-9
- Chauvin J., Lomazzi M. The Digital Technology Revolution and Its Impact on the Public’s Health. *European Journal of Public Health*. 2017. N 27(6). P. 947–947. DOI: 10.1093/eurpub/ckx134
- Cohen I.G., Gostin L.O., Weitzner D.J. Digital Smartphone Tracking for COVID-19: Public Health and Civil Liberties in Tension. *JAMA*. 2020. N 323(23). P. 2371–2372. DOI: 10.1001/jama.2020.8570
- Floridi L. Mind the App—Considerations on the Ethical Risks of COVID-19 Apps. *Philosophy & Technology*. 2020. N 33(2). P. 167–172. DOI: 10.1007/s13347-020-00408-5
- Gasser U., Ienca M., Scheibner J., Sleigh J., Vayena E. Digital Tools against COVID-19: Taxonomy, Ethical Challenges, and Navigation Aid. *The Lancet Digital Health*. 2020. Vol. 2(8). P. e425–e434. DOI: 10.1016/S2589-7500(20)30137-0
- Grekousis G., Liu Y. Digital Contact Tracing, Community Uptake, and Proximity Awareness Technology to Fight COVID-19: A Systematic Review. *Sustainable Cities and Society*. 2021. N 71. P. 102995. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102995
- Hassandoust F., Akhlaghpour S., Johnston A.C. “Individuals” Privacy Concerns and Adoption of Contact Tracing Mobile Applications in a Pandemic: A Situational Privacy Calculus Perspective. *Journal of the American Medical Informatics Association*. 2021. N 28(3). P. 463–471. DOI: 10.1093/jamia/ocaa240
- Hine E., Morley J., Taddeo M., Floridi L. COVID-19 Vaccine Passports: Human Rights and the Need for Pro-Ethical Design. *SSRN Electronic Journal*. 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3885252

М.Р. Демин
Цифровое
отслеживание
контактов:
угроза граждан-
ской свободе
или моральное
обязательство?

DOI: 10.31857/S023620070020516-4

©2022 С.А. ЛИБЕРМАН

АЛАРМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС БУДУЩЕГО: ОТ КИБЕРПАНКА К ЭКОЛОГИИ

Либерман Самсон Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций. Казанский федеральный университет. Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
ORCID: 0000-0001-9987-9905
samsonliberman@gmail.com

Аннотация. Пандемия коронавируса заставляет нас пересмотреть привычные представления о будущем и историческом развитии. Вечное настоящее, конец истории и многие другие концепты, проблематизирующие возможность будущего, оказываются малопригодными для анализа современных исторических ожиданий. Возвращение концептов утопического и политического, концепта будущего заметно вооруженным глазом не только в публичном поле, но и в научных и философских дискуссиях. Однако пандемия не только реактуализирует старые дискурсы будущего, что ожидаемо от катастрофы такого масштаба, но и выводит на первый план совсем новые или только появившиеся. К последним можно отнести алармический дискурс будущего, который и рассматривается в статье. Главной его характеристикой автор предлагает считать представление о будущем как об угрозе жизни человечества. В отличие от эсхатологических исторических представлений, такой конец света нельзя представить в качестве «цели» или «смысла» человеческой

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского федерального университета.

завершен, так как идея постоянного завершения уже встроена в его парадигму.

Вышеозначенная линия является основной в анализе капитала у Н. Ланда, ее подхватывает и Й. Регев: «Время — это наиболее тонкая и прозрачная, а оттого и наиболее действенная модификация тотального подчинения действительности Имманентному Невозможному... Именно поэтому главным лозунгом текущего момента является лозунг “следует восставать против времени”» [Регев, 2016: 114]. Новизна, оказываясь всегда только «маской нового», скрывает под собой все то же «Имманентное Невозможное», или капитал. Время (которое «всегда уже» новое время) может быть понято как основная форма унификации исходной множественности и различия, приведения их к единому знаменателю.

Против такого круговорота новизны, цикла воспроизводства капитала восставал постмодерн, пытаясь в аскетическом усилии перестать производить дискурс будущего. Главной стратегией был объявлен отказ от самоутверждения и самоотрицания в «новом». Постмодерн постулирует невозможность будущего как радикально Другого — только настоящее, только *hic et nunc*. Невозможность уникальности, принципиальная вторичность, повторение или даже симуляция — так постмодерн описывает настоящее, ставшее вечным. Радикальный выход из капиталистического цикла связывается с пресловутым эндизмом, попытками покончить с историей, автором, субъектом, богом и другими идеологемами.

Если модерн легитимировал настоящее через историю, выстраивая образы ужасного прошлого и прекрасного будущего, то постмодерн «сжимает» время и пространство¹ до «здесь и сейчас», отказывая себе в праве на иное будущее. Призыв С. Жижека «не наслаждаться» также может быть рассмотрен как часть постмодерной стратегии сопротивления капиталу и вечному/новому/настоящему. Невозможность будущего им описывается как лакановский *objet petit a* — недостижимый объект желания. Фундаментальная недостижимость объектов желания обеспечивает постоянное воспроизводство капитала, радикальный же жест

¹ Механизмы функционирования экономики, повлиявшие на такое восприятие времени и пространства, подробно разбирает Д. Харви в недавно переведенной на русский язык книге «Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений» [см.: Харви, 2019]. Здесь лишь коротко скажем, что речь идет прежде всего о сокращении логистических издержек, удешевлении крупных грузоперевозок, позволивших перемещать не столько большие потоки пассажиров и туристов, сколько товары и ресурсы. Это позволило капиталу преодолеть границы национальных государств, основной его формой стали транснациональные компании (ТНК).

сопротивления в современной либидинальной экономике оказывается жестом прежде всего аскетическим, самоограничением².

Аскеза прерывания настоящего возвращает нас к домодерной эсхатологической трактовке будущего. Будущее для христианства, например, возможно только после апокалипсиса, то есть после вторжения божественного и вне-человеческого. Капитал сохраняет этот мотив, элиминируя трансцендентную составляющую. Он подменяет смерть сатурновым пожиранием детей (эдиповым отцеубийством), то есть частичным самоотрицанием-самообновлением, превращая конец света в постоянно откладываемый конец истории.

И. Кобылин и Ф. Николаи склонны рассматривать это отношение как раскачивание от одного полюса к другому, от будущего к прошлому, от «дикого неолиберализма» к «государствам всеобщего благосостояния», однако главной характеристикой капитала также считают способность «выиграть время» [Николаи, 2021], то есть отложить собственную смерть. Модерная, квазиэсхатологическая установка на светлое будущее с появлением финансового (виртуального, оторванного от непосредственного производства) капитала оборачивается «Вечным настоящим» Ф. Джеймисона.

Апокалипсис как конец настоящего (не только в смысле времени, но и в смысле реального, подлинного, существующего) открывает будущее как «не-настоящее». Будущее поэтому оказывается невозможным по определению. Но в эсхатологическом дискурсе невозможное оказывается достижимым при условии вмешательства сверхъестественного и божественного. Однако положение об элиминации трансцендентного, ставшее общим местом для философии второй половины XX века, закрывает для нас эту возможность.

Пандемия же своей подлинной апокалиптичностью, вторжением вне-человеческого в наше настоящее снова открывает простор для футурологических спекуляций. Хотя среди них можно найти образцы всех трех означенных дискурсов будущего (премодерн — конец света; модерн — обновление системы; постмодерн — иллюзия изменений), можно говорить о появлении четвертого, который условно обозначим как алармический.

² Такая аскетическая стратегия сопротивления новизне может развиваться в более радикальном или даже революционном ключе. Так, например, Й. Регев представляет прокрастинатора в качестве революционного класса. Прокрастинатор отказывается от предъявляемых ему капиталом-модерном требований в постоянном развитии и порождении нового и потому способен к выходу из-под его диктата [Регев, 2016].

Экологический миф и мифология экологического

Главное отличие алармического дискурса — понимание будущего как вторжение внешнего или даже Чужого, вне-человеческого. Основная стратегия данного дискурса — возведение границ между человеческим и не-человеческим, защита нас от Чужого и Чужого от нас. А Чужой, как мы знаем из одноименного фильма Р. Скотта и «Циклопедии» Р. Негарестани, — это не только аутсайдер, но и инсайдер [Негарестани, 2019]. Поэтому внешние границы продолжаютсЯ границами внутренними: классовая борьба оборачивается внутриклассовыми обострениями, а войны с внешним врагом — выявлением и депортацией врагов внутренних. Консервативная борьба за настоящее, за среду обитания человека продолжается конструированием границ и образа Другого, в том числе и другого будущего.

Экологический дискурс понимает будущее как угрозу всему человеческому. Главная проблема экологии — это не выход «из пещеры настоящего» в светлое и прекрасное будущее, но, наоборот, борьба за настоящее, борьба за выживание. Главная эпистемическая проблема здесь — это не недоступность Другого, но его опасная близость. Будущее буквально за порогом, и оно носит античеловеческий характер. Мы больше не пытаемся понять, каково быть летучей мышью, мы стремимся всячески избежать контактов с ней, особенно с особями из китайской провинции Ухань.

Подобная параноидальная одержимость внешним не-человеческим сближает экологический и домодерный дискурсы будущего³. Однако для последнего характерен выход вовне, в трансцендентное и даже сверхъестественное, чего мы, конечно, не найдем в экологии (за исключением некоторых экологических сект). Не-человеческая угроза в отсутствие трансцендентного, стремление провести как можно больше границ между собой и внешним, границ на уровне тела, на уровне жилища и коллектива отсылают нас к мифу.

В мифе точно так же, как и в экологическом дискурсе, присутствует мотив борьбы за настоящее и враждебности всему Чужому. Именно поэтому в мифе нет «корреляционистской» проблемы

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка к экологии

³ При этом, как уже говорилось, мотив апокалипсиса присутствует так или иначе в любом дискурсе будущего. Политическое действие инспирировано эсхатологически. Мало того, эту внутреннюю апокалиптичность политического можно классифицировать, что обстоятельно сделал И. Будрайтскис [см.: Будрайтскис, 2021].

внешнего. Или, другими словами, внешнее является не теоретической проблемой, но практической, оно все время грозит вторгнуться во внутреннее или уже вторглось и имеет инсайдера. Но главное сходство мифа и экологического дискурса — аисторичность.

Концепт истории основан на колонизации Другого в качестве «моего» Иного (например, в качестве «моего» предка в случае с эволюцией). Противоречивость будущего как исторического концепта связана с необходимостью его отличия от настоящего, но постулируемой укорененностью в нем, то есть с историчностью. И миф, и экология отказываются от этой укорененности будущего в настоящем, поэтому только в этих дискурсах становится возможным разговор о будущем как радикально Другом.

Здесь можно вспомнить расхожую антропологическую байку, что приводит Э.В. де Кастру со слов К. Леви-Стросса [Кастру, 2017: 18]. В то время как испанские колонизаторы устраивали философские и богословские диспуты о существовании у туземцев души (и применимости к ним христианских заповедей и юридических норм), индейцы пытались выяснить, обладают ли захватчики материальными телами. Для этого индейцы устраивали своего рода эксперимент, сбрасывая трупы убитых пленных в болото и наблюдая за их разложением. Нельзя сказать, что подход индейцев был более гуманным, однако он был более прагматичным: диспуты колонизаторов о статусе индейцев длились около 200 лет, в то время как индейцы почти сразу признали в захватчиках реальную угрозу. Мифологически мыслящие индейцы оказались готовыми к встрече с Чужими, в то время как мы скорее поверим в собственные галлюцинации и другие формы самообмана, чем допустим наличие Другого. Предположение Чужого сближает алармизм и миф.

Основной образ исторического мышления — это линейная генеалогия (отцы и дети, Эдип, Сатурн и т.д.). Другой порождается как момент тождества и далее снимается в нем. Однако в мифе, по мнению Леви-Стросса и де Кастру, исходной посылкой является различие, а тождество — его моментом, минимальным отличием (например, в случае братьев-близнецов) [там же: 71]. Образ Другого в мифе — это не образ отца-сына Сатурна-Эдипа (тождественное, ставшее Другим, а потому допускающее возвращение и синтез), но образ свояка (Чужак, ставший союзником, Другим) [там же: 129–131].

Важно, что такое толкование мифа довольно специфично и является отличительной чертой концепций де Кастру и Леви-Стросса. Многие исследователи, например М. Элиаде или А.Ф. Лосев, склонны толковать миф противоположным образом. В частности, первый говорит о мифе как о некоей базовой, иногда

трансцендентной структуре, которая воспроизводится во всех обыденных практиках, наполняя их смыслом. Миф понимается как точка исходного тождества, протореальность, где все было во всем. Миф всегда повествует о «Великом Времени», которое было утрачено и в которое культура стремится вернуться. Для Элиаде миф лежит в основании представления об истории, миф скорее протоисторичен, нежели аисторичен [Элиаде, 1998].

Де КаSTRU же предлагает считать исходное состояние, о котором повествует миф, не гомогенным Хаосом или Раем, но гетерогенным Хаосмосом: «...миф предлагает онтологический режим, над которым властвует текучее интенсивное различие, охватывающее любую точку гетерогенного континуума, где трансформация предшествует форме, отношение важнее границ, а интервал внутренне присущ бытию... духи выступают доказательством того, что не все виртуальности были непременно актуализированы и что турбулентный мифический поток продолжает глухо шуметь под покровом видимой прерывности типов и видов» [КаSTRU, 2017, 34].

Очевидна принципиальная разница между неразличимостью всего в «Великом прошлом» М. Элиаде и «Хаосмосе» Э.В. де КаSTRU в конечных целях практик, опирающихся на эти концепты. Элиаде описывает практики, нацеленные на исправление расколотого мира, возврат к исходному тождественному состоянию, преодоление разрыва между потусторонним и посюсторонним. Шаманы де КаSTRU пользуются виртуально существующей гетерогенностью всего, чтобы актуально становиться Другими (горой, ягуаром, тапиром и т.д.).

Возвращаясь к алармизму, следует отметить, что будущее — это не-люди (роботы, вирусы, пластик, сети и т.д.). Современная философия использует для работы с этой проблемой дискурсы научной фантастики (даже скорее вненаучной фантастики, в терминологии К. Мейясу) и хоррора в духе Г.Ф. Лавкрафта как столкновения с Чужим или Чужими. Время Других — такова главная современная интуиция темпоральности. И во многом она определяется искусством и художественными образами.

Распространенный сегодня жанр постапокалипсиса воспроизводит во многом дискурс классических антиутопий, однако меняется характер трагичности: место основного конфликта занимает не романтическое противостояние героя и социальной (капиталистической) системы, но романтическое же противостояние героя и вторгающейся живой жизни (образы зомби или вируса). В первом случае капитал в своем пределе тоталитарного государства подается как основная проблема, во втором — предстает лишь как фон или один из факторов проблемы. В этом смысле жанр постапокалипсиса

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

Последнее Ланд связывает с развитием искусственного интеллекта или, в его терминологии, технологии либо технокосмоса. Будущее подобно железному герою А. Шварценеггера вторгается в настоящее.

В отличие от мыслителей левого толка вроде цитированных выше С. Жижека и Й. Регева, для Н. Ланда будущее представляется капиталистическим. Технология — подлинное лицо капитала — вторгается в настоящее, подготавливая плацдарм для не-человеческого технологического капиталистического будущего. Подлинная миссия терминатора — это не убийство Сары Коннор, но внедрение в настоящее и собственная актуализация. Рука терминатора, заброшенный из будущего артефакт, который стал прототипом разработки скайнета, — пресловутая «невидимая рука рынка», рука виртуального капитала, пытающаяся зацепиться за актуальное и настоящее⁵.

Исходно капитал существует виртуально как еще не состоявшееся будущее, но, забрасывая терминаторов, засылая инсайдеров, он актуализируется в настоящем, вторгается в него, одновременно виртуализируя само настоящее. Суть капитала для Ланда — это производство производства, человек же оказывается разменной монетой в этом технологическом прогрессе. Человек — своеобразный мостик между миром углеродным и постуглеродным, так как он одновременно и актуальное, и виртуальное существо.

Пресловутые коммодификация и отчуждение — частные формы кодификации и виртуализации реальности и человека. Вершина данного процесса — становление кодом, то есть машиной. В этом смысле утопией (или антиутопией) Н. Ланда является киберпанк, и прежде всего основатель этого жанра У. Гибсон. В трилогии Гибсона «Киберпространство» главный герой оказывается инструментом искусственного интеллекта из будущего, который использует его для снятия «ограничений Тьюринга» с современных герою машин.

Итак, для Ланда капитал — это производство производства, кодирование кода, машинерия машин. Человек же оказывается особой углеродной машиной, то есть машиной на биологической основе, необходимой для производства подлинных синтетических машин. Человек — инсайдер, внедренный капиталом из виртуального будущего в жизнь, в актуальное настоящее. В указанном

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

⁵ И. Кобылин в своей статье [см.: Кобылин, 2021] говорит о невидимой руке истории, обращаясь к той же метафоре А. Смита. Такое прочтение укладывается и в нашу линию повествования, лишь с тем уточнением, что у Н. Ланда история движется ретроспективно, ее рука вторгается из будущего, а не из прошлого.

смысле Ланд — тот самый футуролог М. Фишера, которому легче представить конец света, чем конец капитализма. Конец капитализма для этого футуролога невозможен просто потому, что капитализм еще не наступил. Поэтому он с презрением относился ко всей существовавшей на тот момент левой критике — «критиковался всегда только протокапитализм» [Ланд, 2018б: 74]. И если в ранних своих работах Ланд критикует И. Канта как инсайдера капитала, то в более зрелых — скорее отождествляет себя с этой позицией пророка-терминатора.

Идея машинерии, ставшая для Ланда важной в его футурологии, берет свое начало в «Анти-Эдипе». Машинное желание, ключевая, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, характеристика капитализма, сохраняется в этом качестве и у Ланда, о чем говорит, как минимум, название его эссе [см.: там же]. Воспроизводство или, точнее, репликация (производство оказывается только одним из видов репликации, более низшим, условно протокапиталистическим или человеческим) желания [там же] составляет суть капиталистической машинерии.

У Ж. Лакана и следующего за ним С. Жижека желание не может быть реализовано по определению и поэтому будущее оказывается невозможным, а мы — запертыми в настоящем. У Н. Ланда, следующего за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, желание направлено не на *objet petit a*, а на само себя — единственной целью капитализма является он сам. Желание — это желание произвести себя, но оно не нереализуемо, оно не реализовано на данный момент, потому что капитализм еще не наступил.

В то время как у Жижека воспроизводство желания всегда способно отсрочить собственную реализацию и кончину, интенсификация желания у Ланда имеет конечную цель (она же исходная причина) в будущем, а значит, конечный предел. Поэтому последний — скорее акселерационист, чем постмодернист.

Капитализм, который еще не наступил, но наступит, может быть рассмотрен как конец света — сам Ланд говорит о Танатосе [Ланд, 2018а], то есть о смерти. Конечной целью машины желания является собственная смерть, растворение в наступившем технокосмосе. Здесь рассуждения Ланда напоминают гегелевские (кожевские) представления о конце истории — желание, подобно Абсолютному духу, схлопывается в себе, случается и совершается. И это событие есть, собственно, и начало (виртуальное), и конец (актуальный) машинного желания, то есть капитала. Поэтому будущее у Ланда все еще линейно и исторично в гегелевском смысле этого слова. И точно так же, как Ф. Фукуяма, неосторожно объявивший конец истории в начале 1990-х и последние 30 лет

вынужденный оправдываться и идти дальше собственных рассуждений, мы вынуждены идти дальше этого конца-начала капитала.

Желание, пусть и понимаемое вслед за Ж. Делёзом как не-человеческое и машинное, предполагает прогресс в смысле разрядки, события, которое, следуя за гегелевской (квазихристианской и эсхатологической) логикой, подробно рассмотренной А. Кожевым и Ж. Батаем, всегда оказывается смертью. Однако если мы вслед за некоторыми исследователями уйдем от парадигмы либидинальной экономики к экономике внимания, то получим принципиально иную картину.

От машинного желания к машинерии внимания

Концепция экономики внимания изначально начинает разрабатываться экономистами [Franck, 1999]. В ее основе лежит аналогия между перепроизводством товаров и перепроизводством информации. Первое в начале XX века породило индустрию, или машинерию, желания, второе в начале XXI века — индустрию, или машинерию, внимания. Точно так же, как способность потреблять товары оказалась ограниченным человеческим желанием, способность потреблять информацию ограничена вниманием.

Представление о внимании как об ограниченном ресурсе базируется на модели психолога Д. Канемана, который предложил понимать внимание не как фильтр или фокусировку, но как усилие, расходующее внутренний ресурс, всегда ограниченный [Kahneman, 1973]. Именно на этом перекрестке интересов к проблеме внимания со стороны психологии, психиатрии и экономики становится, например, возможным понятие «дефицит внимания». Б. Стиглер одним из первых решил говорить о распространении синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) как о социальной проблеме, диагнозе общества [Стиглер, 2019]. При этом он все еще находится в рамках либидинальной экономики и ведет речь скорее об отчуждении желания, а не внимания, постоянно подменяя симптомы СДВГ симптомами депрессии⁶.

Фокус психиатрии и экономики во второй половине XX века сходил на депрессию как главном диагнозе общества. Делёзианская расколотость, шизоидность субъекта, порожденного машинерией желания, есть расколотость между депрессией как неспособностью желать и социопатией как неспособностью контролировать собственное желание. Д. Финчер иллюстрирует

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка к экологии

⁶ Анализ проблемы СДВГ и критика представлений Б. Стиглера подробно изложены в нашей статье [см.: Liberman, 2021].

нарушение границ, колонизация Другого, слияние с ним вплоть до его (или/и своего) полного уничтожения, в то время как ненависть возводит барьеры и обороняется от Другого, усиливая, подчеркивая или порождая различия. Принципиальное отличие машинерии внимания/ненависти от машинерии желания/насилия — невозможность слияния с Другим, гегелевского синтеза-схлопывания, которое все еще присутствует у Н. Ланда. Иными словами, желание — это преодоление дистанции, а внимание — удержание ее. Поэтому в машинерии последнего «тепловая смерть» и кибернетический ноль невозможны.

Защита настоящего и борьба с внешним — та игра, в которую вовлекают нас соцсети и платформы в целом. Мы все время должны отбирать приятный нам контент от неприятного, защищаться от токсичного, банить назойливых и предаваться ностальгии о том, что мы постили пять лет назад. Умножение сетей, кодировка кодирования приводят не к постмодернистскому смешению всего со всем и глобализации, но, наоборот, к глокализации: мыльные пузыри предпочтений, цифровые резервации, множющиеся сообщества, которые в своей обороне от внешнего становятся все более закрытыми и радикальными.

Этот тренд глокализации давно вышел за пределы небольших имиджбордов и форумов — сегодня «выходят из чата» целые государства. Строительство стен в прямом и переносном смысле снова становится регулярной дипломатической практикой, хотя после 1989 и 1991 годов многие были уверены, что мир к этому больше никогда не вернется. Крушение надежд глобалистов Э. Цукерман связывает именно с ограниченностью человеческого внимания и указывает на стабильное снижение освещения в СМИ международных новостей, концентрацию трафика международных перелетов в определенных точках и т.п. [Цукерман, 2015].

Ф. Фукуяма настаивает на важности политики признания и идентичности. По его мнению, именно борьбой за признание достоинства движимы современные политические процессы вроде Стены Трампа и Брекзита. Интересующие Фукуяму правый популизм, харизматичные лидеры и антидемократические режимы основываются именно на антиглобалистской риторике защиты достоинства и идентичности народа [Фукуяма, 2019].

В указанном смысле защита прав ЛГБТ+ и защита чувств верующих — это процессы, в своей основе имеющие один и тот же механизм ненависти-одержимости внешним и защиты достоинства меньшинств. На этом механизме строится один из основных принципов новой этики — миноритарность. Оскорбление, изнасилование, домогательство, дискриминация, чтобы считаться состоявшимися, должны быть признаны не внешним авторитетом,

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

но пострадавшей стороной. Многочисленными критиками новой этики часто упускается то обстоятельство, что недостаточно просто публично объявить себя жертвой: чтобы запустить подобный механизм, необходимо быть признанным сообществом других пострадавших.

Экспрессивные индивиды Ф. Фукуямы, платформы Н. Срничека, воображаемый космополитизм Э. Цукермана, дефицит внимания Г. Франка, трещащие без умолку массы Г. Ловинка, СДВГ Б. Стиглера и паранойя Н. Ланда — вот основные интуиции машинерии внимания, о которой мы пытались говорить в статье, машинерии производящих параноидальных и тревожных пользователей.

Переход от машинерии желания к машинерии внимания, как нам представляется, дает возможность прочувствовать и ощутить возможность не нового, но другого дискурса будущего, который вслед за Э.В. де Кастру проще всего раскрывать в его корреляции с мифом. При этом нельзя сказать, что данный дискурс сложился только с пандемией, — первым о враждебном вторжении будущего заговорил еще киберпанк в середине 1980-х, а расцвет теории экономики внимания пришелся на рубеж 1990-х и 2000-х. Однако пандемия стала маркером распространения дискурса будущего, его доминирования, когда весь мир снова стал всерьез бороться с угрозами внешнего, вне-человеческого вторжения.

* * *

Если бы мы задались целью проследить исторически путь становления дискурса будущего, который мы назвали «алармическим», то основными вехами бы стали: 1) киберпанк и его анализ у Н. Ланда; 2) экономика внимания Г. Франка и его последователей; 3) то, что Г. Ловинк назвал «критической теорией интернета»; 4) экология образца Г. Тунберг. Ключевой характеристикой указанных этапов является общий медиум — все они вырастают из интернет-форумов, блогов и социальных сетей. И можно сказать, что все четыре этапа — это и есть вырастание и развитие этого медиума.

Однако история — не самый удачный инструмент анализа «постисторического» дискурса будущего. Скорее он сам должен быть проанализирован, но с каких позиций? Очевидно, что с аисторических. И самым близким здесь становится миф. Вслед за Э.В. де Кастру, Ж. Делёзом и К. Леви-Строссом мы считаем ключевой его характеристикой не пресловутый синкретизм и смешение всего со всем (которые зачастую незаслуженно приписывают постмодерну), но фундаментальное различие.

Именно практики различия, отделения одного от другого, возведение границ отличают этот дискурс будущего от предшествующего, стремящегося различное подвести под тождественное (история — это колонизация Другого в качестве своего Иного). Строительство стен, фильтрация и сепарация мусора, бан, защита личных границ, создание заповедников, вычищение френдленты — это все мифологические по своей сути практики.

Возведение границ вместо их преодоления — это то, в чем сходятся экология, платформы и миф. Таким образом, главное отличие алармического дискурса будущего заключается в том, что последнее представляется как чужое, не-человеческое. Толерантность и всеядность глобализации сменяются катастрофизмом. В том числе поэтому самыми философскими жанрами становятся хоррор и фантастика, а сюжеты антиутопии и постапокалипсиса сменяются катастрофами (пусть иногда все еще иронично обыгранными) вроде «Не смотри вверх» 2021 года.

Если говорить о современной философии в целом, то одной из важных линий рассуждения становится возможность мышления Другого, Чужого и Внешнего. Не-человеки волновали еще Б. Латура и адептов акторно-сетевой теории в 1990-х, они же теперь волнуют спекулятивных реалистов, темных экологов и многих других. Не-человеческое — точка, где сходится интерес современных философов техники и философской экологии. На наш взгляд, дело здесь — не столько в злободневности темы (наличии реальных угроз экологического техногенного кризиса), сколько в тех изменениях, что произошли в работе современного капитала и его способах самоописания, то есть в появлении платформ.

Будущее представляется не продолжением линии истории, но ее нарушением или вторжением в нее. Попытки мыслить историю нелинейно появились как минимум на рубеже XIX–XX веков; школьная программа объединяет эти концепции термином «цивилизационный подход». Мы же говорим о том, чтобы мыслить будущее не-исторически. И так же, как О. Шпенглер связывал идею множества культур с концом Европы, разговоры о не-человеческом связываются сегодня с концом человечества.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать пандемию коронавируса как событие или режим практик, ставших возможными благодаря формированию и развитию алармического дискурса будущего. Такой взгляд позволяет увидеть в ней не просто еще одну катастрофу в ряду других катастроф, но и специфический и уникальный пример говорения о будущем. Уникальность пандемии как режима и события связывается с угрозой существования человечества. Апокалиптичность свойственна многим дискурсам будущего, специфика пандемии заключается в представлении

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

о внешнем для человечества источнике угрозы, не отсылающем при этом к трансцендентному религиозной эсхатологии или классической философии истории.

Вместе с тем мы не готовы заявить о действительной близости не-человеческого (не-капиталистического) будущего. Мы ведем речь лишь о том, что человеческое общество поменялось настолько, что обсуждение альтернатив настоящему и говорение о будущем стали снова возможными и даже необходимыми.

Alarmist Discourse of the Future: From Cyberpunk to Ecology

Samson A. Liberman

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.

Kazan Federal University.

18, Kremlevskaya Str., Kazan' 420008, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9987-9905

samsonliberman@gmail.com

Abstract. The Coronavirus pandemic forces us to reconsider our usual ideas about the future and historical development. The eternal present, the end of history, and many other concepts that problematize the possibility of the future are almost unusable for analyzing modern historical expectations. The return of concepts of the utopian and political, the return of concept of the future are visible to the naked eye not only in the public field, but also in scientific and philosophical discussions. However, the pandemic not only reactualizes the old discourses of the future, but also brings to the fore completely new or just appeared. The latter include the alarmist discourse of the future, which is considered in the article. The author proposes to consider its main characteristic the idea of the future as a threat to the life of mankind. Unlike eschatological historical representations, such an end of the world cannot be presented as the “goal” or “meaning” of human history. The invasion does not come from the realm of the transcendent and divine, not from the space of utopia/anti-utopia, but from the “neighboring” competing realm of the non-human. Unlike utopia and the transcendent, which can be imagined as alienated humanity, the invasion of non-humans is fundamentally external to us. And if N. Land's cyberpunk can still be represented as a progressive development, when a person turns out to be a means of existence of machines, a transitional link of evolution, then modern “ecological” and “materialistic” philosophies speak of literally non-human: animals, viruses, asteroids, carbon derivatives, etc. This “neighborhood” with a Stranger most resembles mythological, pre-religious ideas, especially in their interpretation by E.V. de Castro. Therefore, the project of anthropology of the latter is the author's main theoretical reference point when

considering the alarmist discourse of the future. The second approach to its theorization is connected with the development of the analysis of modern capitalism, primarily with the concepts of N. Srnicek (platform capitalism) and H. Frank (attention economics).

Keywords: future, postmodern, platform capitalism, alarmism, eternal present, end of history, posthistorism, Alien, Other.

For citation: Liberman S.A. Alarmist Discourse of the Future: From Cyberpunk to Ecology // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 120–138. DOI: 10.31857/S023620070020516-4

Литература/References

Афанасов Н.Б. «Траур по будущему», или Картография апокалипсиса // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. Т. 2, № 1. С. 205–220.

Afanasov N.B. “Traur po budushhemu”, ili Kartografiya apokalipsisa [“Mourning for the Future”, or Cartography of the Apocalypse]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2020. Vol. 2, N 1. P. 205–220.

Будрайтскис И. Апокалипсис и политики невозможного // *Логос*. 2021. Т. 31, № 4. С. 193–218.

Budraitiskis I. Apokalipsis i politiki nevozmozhnogo [The Apocalypse and the Politics of the Impossible]. *Logos*. 2021. Vol. 31, N 4. P. 193–218.

Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004.
Deleuze G. *Peregovory. 1972–1990* [Negotiation. 1972–1990], transl. from French by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004.

Дюпуй Ж.-П. Малая метафизика цунами / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

Dupuit J.-P. *Malaya metafizika tsunami* [Small Metaphysics of the Tsunami], transl. from French by A. Zakharevich. St. Petersburg: Ivan Limbah Publ. House, 2019.

Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Castro E.V. de. *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii* [Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology], transl. from French by D. Kralechkin. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2017.

Кобылин И. Невидимая рука истории: «гувернаментальность», провиденциальная машина и исторический материализм // *Логос*. 2021. Т. 31, № 4. С. 247–265.

Kobylin I. Nevidimaya ruka istorii: “gubernamental'nost'”, providentsial'naya mashina i istoricheskii materializm [The Invisible Hand of History: Governmentality, Providential Machine, and Historical Materialism]. *Logos*. 2021. Vol. 31, N 4. P. 247–265.

Ланд Н. Вытворяя это со смертью: заметки о Танатосе и желающем производстве / пер. с англ. А. Морозова // *Ланд Н. Сочинения: в 6 т. / под науч. ред. А. Морозова*. Т. 2. Пермь: Гиле Пресс, 2018а.

Land N. Vytvoryaya eto so smert'yu: zametki o Tanatose i zhelayushchem proizvodstve [Doing It with Death: Notes on Thanatos and Wishing

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

uprazdniennyi-individ-nieudobstvo-kultury-v-epokhu-psikhichieskoi-i-sotsialnoi-diezindividuatsii (date of access: 15.01. 2022).

Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2019.

Fukuyama F. *Identichnost': Stremlenie k priznaniu i politika nepriyatiya*: per. s angl. [Identity: Desire for Recognition and Politics of Rejection: transl. from Engl.]. Moscow: Al'pina Pablisher Publ., 2019.

Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Harvey D. *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnyh izmenenii* [The Postmodern State: Exploring the Origins of Cultural Change], transl. from Engl. by N. Protsenko; ed. by A. Pavlov; National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2021.

Цукерман Э. Новые соединения: Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с нем. А. Фоменко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Tsukerman E. *Novye soedineniya: Cifrovye kosmopolity v kommunikativnyu ehpokhu* [New Connections: Digital Cosmopolitans in the Communication Age], transl. from Germ. by A. Fomenko. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2015.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетейя, 1998.

Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii* [The Myth of the Eternal Return], transl. from French by E. Morozova, E. Murashkinceva. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1998.

Franck G. The Economy of Attention. *Telepolis*. 1999. Dec. 7.

Kahneman D. *Attention and Effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.

Liberman S. Attention Deficit: Alienation in Platform Capitalism. *Symposium*. 2021. Vol. 8, Iss. 1. P. 79–88.

Smythe D.W. On the Audience Commodity and its Work. *Media and Cultural Studies: KeyWorks*. Hong Kong: Blackwell Publ., 1981.

С.А. Либерман
Алармический
дискурс будущего:
от киберпанка
к экологии

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

DOI: 10.31857/S023620070020518-6

©2022 Д.И. НОЗДРАЧЕВ, К.А. ЗАМЯТИН, М.Д. МИРОШНИЧЕНКО

МОРАЛЬНЫЙ ДИСТРЕСС В ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ: КЛАССИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ноздрачев Дмитрий Игоревич — преподаватель кафедры биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО международного факультета. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, дом 1.
ORCID: 0000-0003-3269-7917
dm.nozdrachev@gmail.com

Замятин Кирилл Александрович — старший лаборант кафедры биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО международного факультета. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, дом 1.
ORCID: 0000-0001-6271-228X
kazamiatin@gmail.com

Мирошниченко Максим Дмитриевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО международного факультета. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, дом 1.
ORCID: 0000-0003-1374-1599
jaberwokky@gmail.com

Статья написана в рамках гранта РНФ № 20-78-10117 «Модели взаимодействия врачей и пациентов в институтах паллиативной помощи детям»

Аннотация. Моральный дистресс — актуальная проблема медицинской этики, психологии и здравоохранения. В числе его прямых эффектов — персистирование негативных аффектов, эмоциональное выгорание, уход врачей из профессии; косвенный вред от морального дистресса включает ухудшение медицинской помощи, снижение качества жизни пациентов и медиков. Паллиативная помощь детям — особенно чувствительная в отношении дистресса область, богатая на тяжелые, трудноразрешимые экзистенциальные и моральные проблемы. В статье рассматриваются основные концепции природы морального дистресса в медицинской помощи в целом и паллиативной помощи детям в частности, анализируется структура переживания дистресса специалистами здравоохранения. На основании данных современных психометрических и феноменологических исследований выделены и обобщены причины переживания морального дистресса. Отдельно рассмотрен феномен морального дистресса среди пациентов паллиативной помощи детям и членов их семей, до сих пор редко оказывавшийся в фокусе исследователей. Изучение морального дистресса базируется на подчас антагонистическом взаимодействии двух исследовательских парадигм — феноменологической, ориентированной на анализ переживаний людей и психометрической, объективизированной; их соотношение и возможность интеграции полученных результатов в практику здравоохранения также рассмотрены в этой статье.

Ключевые слова: моральный дистресс, паллиативная помощь детям, биоэтика, медицинская этика, пандемия, коронавирусная инфекция, выгорание.

Ссылка для цитирования: Ноздрачев Д.И., Замятин К.А., Мирошниченко М.Д. Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19 // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 138–158. DOI: 10.31857/S023620070020518-6

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

Проблема морального дистресса

Моральный дистресс (МД) — это состояние, при котором моральный агент имеет четкое представление об этически нормативном поведении в конкретной ситуации, но не может реализовать его вследствие внешних причин [Evans, 2020]. МД отличается от моральной дилеммы, где субъект оказывается перед выбором оптимальной стратегии поведения, и оказывается близок к проблеме эмоционального выгорания, являясь одним из ее подвидов. Если профессиональное выгорание связано преимущественно с дистрессирующим действием организационных условий труда, размера заработной платы и т.д., то МД имеет специфический компонент этического переживания в своем патогенезе. Эти отщипательно окрашенные специфически моральные переживания

Структура морального дистресса у всех участников паллиативной помощи детям различается⁴. В случае медицинских работников этот феномен прочно связан с профессиональной идентичностью и этическими нормами. У родственников пациента и самих пациентов МД носит в большей степени экзистенциальный характер.

Способы исследования морального дистресса

Традиция исследований МД насчитывает более 40 лет [Ulrich 2018]. Для его изучения применяются различные философские, антропологические и психологические методики.

Довольно полезными для понимания МД могут быть примеры *case studies* [Hamric, 2014; Evans, 2020]. Изучение конкретных случаев позволяет практически-ориентированно выявить общие черты психологического протекания МД, вместе с тем устанавливая связь дистресса с конкретными обстоятельствами жизни и болезни. Из минусов *case studies* следует отметить ограничение репрезентативности: отдельные случаи не могут показать целостной картины. Нарушается и статистический принцип соответствия выборки генеральной совокупности. Также в поле зрения *case studies* попадают обычно яркие, сложные случаи, что смещает исследовательский фокус в сторону от реальной картины⁵.

Феноменологический метод также широко применяется в исследованиях МД [Manara, 2015]. С его помощью производится анализ высказываний медиков, пациентов и членов их семей, представляющих собой самоотчеты о переживаниях ситуации ППД. Материалом для анализа могут служить как интервью — чаще всего полуструктурированные или неструктурированные, так и спонтанные рассказы, чаще всего выраженные в творчестве.

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

⁴ В качестве примера нарративного изложения опыта родственников и волонтеров см. истории фонда «Свет в руках». URL: <https://lightinhands.ru/istorii/>

⁵ Стоит отметить, что кейсы не всегда дают истинной картины больничной/хосписной рутины: имеется определенная предсказуемость, связанная с наличием протоколов, регламентов и алгоритмов оказания помощи, что тем не менее не отменяет вероятности неоднозначных ситуаций. Феноменологии важен тот опыт и те ситуации, которые в принципе могут быть разделимыми и понятными каждому или почти каждому, а потому экстраординарные ситуации, переживания и взаимодействия сложно встроить в интерсубъективно доступную дескрипцию. По этой причине сложные психические состояния (патологические, вызванные эндогенно или экзогенно), переживания неизлечимых/орфанных заболеваний или инвалидность только сейчас попадают в фокус феноменологии: инвалидность или паллиативные состояния постепенно становятся поводами для философски новых подходов в феноменологии, которые не ориентируются на «норму», предсказуемость и возможность прогнозирования будущего индивида.

который принципиально сложно объективизировать и научно объяснить.

Несмотря на то что понятие МД достаточно субъективно, в некоторой мере его переживание схоже у разных специалистов. В целях максимальной объективизации в оценке МД были разработаны психометрические шкалы. Функцию сбора материала для интерпретации при помощи шкал выполняют верифицированные опросники. Они содержат фиксированное число четко сформулированных вопросов, по ответам на которые возможно качественно и количественно оценить наличие и тяжесть МД. Результаты исследования преобразуются в численные значения по различным шкалам. Существуют и опросники для сбора самоотчетов, что позволяет значительно расширить выборку исследуемых специалистов.

Обращает на себя внимание, что психометрические методики во многом противоположны феноменологическим в своих моделях и посылах; они нацелены на максимальную объективизацию, исчисление психических состояний и их моделирование. Феноменология определяется как набор качественных методов исследования и анализа intersубъективно данного опыта. Она воздерживается от теоретических объяснений, а с помощью особых техник раскрывает поток сознания, требующий артикуляции. В более простом и научно приемлемом виде это имеет формат интервью, позволяющего субъекту раскрыть свои состояния, эмоции и переживания.

Понятно, что такой опыт сложно переложить на язык числовых показателей или моделей. В то же время он, в отличие от более привычных для медицины методов, предоставляет уникальные случаи, с которыми медработники смогут соотнести себя и свой опыт, принять аналогичное или какое-то другое решение, вступив в диалогические отношения с респондентом самоанализа. Данная статья не ставит перед собой задачи дать исчерпывающую критику количественных методов, однако при оценке МД важно принимать к сведению именно субъективный, психоэмоциональный, переживаемый «в моменте» аспект дистресса. Вместе с тем феноменологические и психометрические методики дополняют друг друга, отображая и субъективный опыт от первого лица, и его объективные проявления.

Структура морального дистресса

Моральный дистресс — сложный, неоднородный феномен, обладающий внутренней структурой и динамикой. Основными его

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

Паллиативная помощь, согласно определению ВОЗ, — это методы повышения качества жизни пациентов и их семей в ситуации жизнеугрожающего заболевания, включающие борьбу с болью, физическую, психосоциальную и духовную поддержку. ППД специфична по причине того, что дети проходят интенсивное эмоциональное, когнитивное и физическое развитие, имеют особые медицинские и социальные потребности, особенно тесно связаны с семьями [Knaul, 2017]. Основные причины МД по данным исследований:

1. *Ситуация причинения ребенку ненужных страданий* является крайне сильным дистрессирующим фактором [Evans, 2020; Klein, 2009; Trotochaud, 2015], особенно в случаях, если этого требуют родители пациента в условиях артикуляции ребенком своего несогласия. Несогласие родителей с точкой зрения медиков вызывает у последних чувство бессилия. При этом желание родителей любой ценой агрессивно лечить безнадежного ребенка провоцирует у медиков более сильную фрустрацию, чем их согласие не спасать потенциально жизнеспособного ребенка [Klein, 2009].

2. *Дискуссии о планировании дальнейшей помощи ребенку, возникающие у врачей с членами семьи*, являются значимым фактором МД [Evans, 2020; Klein, 2009]. Большой вклад вносят культурные и социальные различия с пациентом и его семьей.

3. *Заведомо ложное обнадеживание* является одним из мощных факторов МД [Moral distress in the health professions, 2018].

4. Чувство «отсутствия голоса» (lack of voice) — проблема, сущность которой заключается либо в невозможности высказать мнение из-за риска неблагоприятных последствий в рамках коллектива или системы, либо в пренебрежении мнением специалиста. *Психологическая фрустрация, возникающая при невнимании к мнению субъекта или его вынужденном молчании в контексте этически значимых ситуаций*, перерастает в МД [Klein, 2009; Evans, 2020; Epstein, 2019; Moral distress in the health professions, 2018].

5. *И моральная нечувствительность, и избыточная моральная чувствительность* приводят к МД [Moral distress in the health professions, 2018]. Это подчеркивает необходимость выработки у специалистов понимания границ своей агентности и этической ответственности.

6. Особенно значимым в отношении риска МД является *нарушение коммуникации врачей и сестер*. Врач и медицинская сестра смотрят на пациента с разных точек зрения, медсестра больше взаимодействует непосредственно с личностью и телом пациента, чем врач, зачастую проводящий лишь обходы [Киркеволд, 2000].

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

7. *Желание администрацией учреждения здравоохранения максимальной эффективности медицинской помощи* зачастую порождает ситуацию, в которой оптимальный с точки зрения экономики здравоохранения объем медпомощи не соответствует максимально возможному в реалиях данной больницы, что также приводит к дистрессу [Moral distress in the health professions, 2018; Epstein, 2019].

8. *Дефицит компетенций, необходимых для работы с пациентами с конкретным заболеванием*, является фактором МД [Epstein, 2019]. Чаще всего необходимость работы с пациентами, заболевания которых не входят в сферу прямых компетенций, связано с организационными проблемами и дефицитом трудовых ресурсов. Субъективное отображение реальной или мнимой некомпетентности является самостоятельным фактором дистресса [Moral distress in the health professions, 2018].

9. *Нарушение континуальности медицинской помощи* также является фактором МД. Непрерывность медпомощи является одним из базовых принципов ППД [Федеральные клинические рекомендации, 2015]. Прерывание помощи на разных этапах приводит к ухудшению качества помощи: новым специалистам, видящим пациента впервые, требуется время, чтобы глубоко разобраться в ситуации. В свою очередь, пациент страдает из-за частой смены обстановки и окружающих лиц, что особенно травмирует его, ведь учреждение паллиативной помощи зачастую (хотя и не всегда!) фактически становится его последним домом.

10. МД также вызывается *повторяющимися действиями* [Epstein, 2019]⁷.

11. Установлена *связь МД и этической модели врача* [Evans, 2020]. Следование деонтологической этике или этике добродетели в ситуациях, когда долг не может быть исполнен, а добродетель является недостижимым идеалом (долг, утилитаризм, добродетель), становится фактором дистресса. В то же время утилитаризм, как и стоическая традиция, дают адаптивную модель для принятия повседневных решений.

Пандемия COVID-19 поставила вопрос о МД в паллиативной помощи детям с новой остротой. Многие этические проблемы, до того возникающие только теоретически, стали повседневной

⁷ Это согласуется с оригинальной концепцией стресса и дистресса Ганса Селье, согласно которой повторяющийся раздражитель вызывает сперва адаптивный стресс, мобилизацию сил организма, а при чрезмерно частом возникновении приводит к явлению дистресса — истощению сил и срыву адаптивных механизмов [Selye, 1975].

клинической реальностью; те же из них, что стояли перед ними и раньше, усилили свое отрицательное влияние на врачей и пациентов.

Причинами невозможности оказания качественной медпомощи детям с состояниями, требующими паллиативного сопровождения, в условиях пандемии COVID-19 являются ограниченность ресурсов системы здравоохранения (в том числе из-за их перераспределения в пользу борьбы с инфекцией), смещение внимания медработников на коронавирусную инфекцию и сопутствующее ухудшение узкопрофильной, в том числе детской паллиативной помощи, а также санитарные меры, ограничивающие взаимодействие пациентов с врачами и родственниками, что делает невозможным полноценное выражение эмоционального, экспрессивного компонента заботы.

Особенно острым фактором МД является необходимость разобщать пациента с семьей и близкими людьми [Evans, 2020]. С проблемой ограничения доступа родных к детям раньше, во времена до пандемии, сталкивались больше работники реанимаций; такой опыт для врачей обычных паллиативных отделений оказался новым и потому особенно травматичным. Проблема дефицита ресурса, стоявшая и раньше, в период пандемии вновь подняла вопрос о целях и смысле выделения паллиативной помощи. Исторически сформировавшись довольно поздно, она всегда была, с одной стороны, высокочрезвычайно затратной и сложной, с другой — несущей мало прямой (но не опосредованной!) экономической пользы. В условиях пандемии именно паллиативная помощь в числе других форм специализированной медпомощи приняла на себя основной удар экстренной оптимизации.

Моральный дистресс среди пациентов и членов семей

Несмотря на то что МД принято рассматривать как проблему, с которой сталкиваются медработники, испытывать его могут также пациенты и члены их семей. Особенно остро эта проблема проявила себя в период пандемии, затронувшей в том числе и семьи с детьми, которым требуется паллиативная помощь. Стоит отметить, что дети с тяжелыми заболеваниями могут рассматриваться как вдвойне уязвимая группа населения. С одной стороны, исторически дети не воспринимались как самостоятельные действующие субъекты [Дуденкова, 2019], способные принимать решения о своей жизни, а как следствие — и о методах собственного лечения, которые напрямую влияют на длительность и качество

*Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко*

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНЫЕ
СИТУАЦИИ**

их дальнейшей жизни, их чувства и переживания тем более мало ценятся. С другой стороны, до XX века в медицине было не принято делать поправку на отличие физиологических процессов болеющих детей, что влекло бы за собой коррекцию методик лечения заболеваний: напротив, детей рассматривали как «маленьких взрослых»; современная педиатрия существует менее 200 лет.

Пандемия обострила эти проблемы, создав для детей, нуждающихся в паллиативной помощи, в том числе в медицинском сопровождении умирания, ряд дополнительных трудностей. Некоторым детям с паллиативным статусом пришлось встать перед жестоким выбором: умирать дома, в кругу близких, без медпомощи, которая могла бы облегчить уход из жизни, либо умирать в медицинском учреждении, посещение которого запрещено. Ребенок получит все необходимое медицинское сопровождение в стационаре, но обречет себя больше не увидеть близких. Кроме всего этого санитарные нормы обязывают медперсонал носить средства индивидуальной защиты. Все медработники, окружающие умирающего человека, обязаны носить маски, что крайне обесчеловечивает систему здравоохранения, превращая пациента в «фабричный продукт», который транспортируют неотличимые между собой сотрудники больницы [Clarke, 2021].

МД родителей, как и самих детей с паллиативным статусом, имеет сложную структуру. Чаще всего пациенты и члены семьи являются заложниками обстоятельств, которые привели их к необходимости обращаться за помощью и вступать во взаимодействие с системой здравоохранения. Вторжение заболевания в привычную жизнь само является источником дистресса для пациента, но, кроме этого, существует ряд факторов, способных усугубить данное положение вещей.

Одним из таких факторов является ощущение некомпетентности лечащего врача. Это может сильно деморализовать пациента и вызвать витальный, экзистенциальный страх, что снижает качество опыта взаимодействия с системой здравоохранения. Коммуникативная некомпетентность врача может создать ложное впечатление общей непрофессиональности врача, что будет серьезным источником МД у пациента и его родственников. Даже в случаях хорошо сложившейся коммуникации медработников и родственников пациента последние все равно могут испытывать дистресс, связанный с невозможностью самим ухаживать за ребенком из-за ограниченный посещения стационара, вызванных пандемией [Evans, 2020].

Другой причиной, способной вызвать МД у родителей, может быть отсутствие внимания со стороны медперсонала к пожеланиям пациента или его семьи в отношении процесса лечения.

Чаще всего это происходит потому, что врач работает в контексте культурных убеждений, а также ограничен рамками собственного опыта, пытаясь адаптировать имеющиеся конструкции к новым ситуациям. Проблема выявляется, когда все это сильно расходится с представлениями о мире и желаниями самого ребенка и членов его семьи, что становится источником МД последних.

Конфликты врача и родственников пациента, связанные со стоимостью лекарств, могут вызывать МД [Cho, 2020; Ulrich, 2020]. Тяжелое состояние ребенка, требующее постоянного ухода, может стать причиной физиологического истощения, что часто приводит к напряженной обстановке внутри семьи. Интеллектуально сохранный ребенок осознает, что он является причиной этого конфликта, что отрицательно сказывается на его эмоциональных переживаниях и может сопровождать его на протяжении всего оставшегося времени жизни. Подобная внутрисемейная обстановка очень часто приводит к распаду брака. Чаще из семей уходят отцы.

Огромную роль в формировании чувства МД играет страх брать на себя ответственность за принятие решений в отношении лечения ребенка, которые могут оказать влияние на продолжительность и качество его жизни. Дело в том, что все научные доказательства эффективности лечения, полученные в результате крупных исследований, работают, основываясь на законе больших чисел. Если метод обладает доказанной эффективностью в 80%, значит, что среди всех пациентов в популяции 80% он поможет, но в отношении конкретного пациента индивидуальная эффективность отличается. Кроме того, возможна определенная степень риска нежелательных эффектов. Так или иначе, пациент и его родственники это понимают, что приводит к фрустрации, вызванной свалившейся на них ответственностью за судьбу ребенка.

Родственной проблемой является вопрос участия детей в клинических исследованиях препаратов. Если у взрослых пациентов клинические исследования проводятся при наличии добровольного согласия, то в случае детей (до 15 лет) согласие требуется от родителей; при этом новый препарат может оказаться как спасительным, так и (пусть и с малой вероятностью) токсичным. Такая ситуация неясности соотношения пользы и вреда является дистрессирующей [Cho, 2020]. Именно этические сложности испытаний на детях ограничивают прогресс педиатрической фармакотерапии и хирургии, вследствие чего педиатрия значительно отстает от биомедицины в целом.

Нежелание пациента разглашать и несогласие с разглашением медицинской информации ближайшим родственникам — еще одна причина МД [Cho, 2020; Clemente, 2015]. Для ППД она

*Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко*

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

несколько менее актуальна, чем для общей медицины, ввиду частой недееспособности и когнитивной несохранности пациентов. Тем не менее этот вопрос может быть актуален для когнитивно сохранных детей старшего возраста.

Последствия морального дистресса

Длительно сохраняющееся переживание своей профессиональной и этической несостоятельности у врачей порождает чувство неэффективности. Выгорание стало одним из основных факторов потерь человеческого капитала в здравоохранении. В исходе дистресса и выгорания у значительного числа специалистов ППД возникает желание оставить профессию, причем многие специалисты реализуют этот сценарий [Evans, 2020; Whitehead, 2015].

Ухудшение качества ППД — одно из последствий МД. Специалист в состоянии глубокого угнетения и выгорания теряет возможность полностью реализовать свои компетенции, снижается качество выполняемой работы, наблюдается ухудшение исходов вмешательств, повышение смертности пациентов. Все это является как морально нежелательным, так и экономически обременяющим.

Не стоит забывать и об отрицательном влиянии дистресса на личность врачей и других специалистов ППД; МД ухудшает качество их жизни, а персистирование негативных эмоций приводит к развитию психосоматически опосредованных заболеваний. Закономерным образом врачи сами становятся пациентами, замыкается порочный круг.

Подходы к решению проблемы морального дистресса

Научно-психологически обоснованная борьба с МД и его последствиями требует количественной оценки степени выраженности этого состояния. Также это необходимо для оценки темпоральной динамики выраженности дистресса и эффективности терапевтических интервенций. Достаточно эффективны для этой цели верифицированные психометрические шкалы и опросники. Так, Эпстайн и соавт. [Epstein et al., 2019] предложили инструмент для квантификации степени МД специалистов в области здравоохранения — опросник MMD-HP. Он состоит из вопросов, охватывающих основные причины дистресса и связанные с ним психологические и экзистенциальные состояния. Другими подобными шкалами являются опросники MDS-R и HECS-S [Whitehead, 2015].

Несмотря на то что психометрические методики позволяют оценивать дистресс и другие психологические состояния количественно для составления репрезентативной картины, следует отметить, что количественным моделям присуща предвзятость (bias). Присущие им категоризации и классификации основаны на определенных имплицитных представлениях, не всегда очевидных и порой воспроизводящих социальные стереотипы. Такие методы применяются тем увереннее, чем сильнее забывается контекст исторических обстоятельств и социального окружения как самих метрик, так и идеи количественной модели человеческой жизни. Катрин Малабу, критикуя метрики когнитивных способностей, подчеркивает двойственность, присущую измеримому интеллекту: то, что мы можем измерить и как-то научно выверить, не исчерпывает богатства изучаемого феномена. Наоборот, что измеримо и моделируемо в разуме или его психоэмоциональных состояниях, составляет лишь малую часть «встречи развивающихся категорий мышления и органического роста» [Malabou, 2019: 11]. Необходимо сочетать количественные и качественные методы оценки МД, чтобы не только сформировать его обоснованную картину, увязывающую воедино психоэмоциональные и социальные факторы этого явления, но и раскрыть его несводимый персональный смысл.

Поскольку ППД работает с экзистенциальными проблемами в контексте медицины — неизлечимыми и орфанными заболеваниями, смертностью, детской инвалидностью, «невидимостью» детей с паллиативным статусом в обществе и культуре, осязаемые результаты можно получить именно с помощью качественных методов феноменологии. Эффективная борьба с МД в ППД непременно должна быть междисциплинарной, как и сама ППД [Федеральные клинические рекомендации, 2015], и включать элементы психологии, философии и даже искусства⁸. Столь широкая

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

⁸ Стратегии копинга необязательно должны вписываться в контур парадигмы медицинской доказательности и могут заимствоваться из подходов, включающих в себя духовные (spiritual) практики или способы художественного самовыражения. Примерами могут быть арт-терапия или психотерапевтическая нарративизация опыта. Со стороны пациентов примерами могут быть пациентские сообщества или НКО, психотерапевтические группы или способы медийного самопредставления. Анри Мальдине изучал эффективность художественных практик как способов исцеления болезней «тела» и «духа», ведь они воздействуют на аффективную «подкладку» психофизической жизни субъекта, которую он называл «сверхстрастным» и «патическим» [Мальдине, 2014: 151–203]. Другой пример — художественное повествование и автофикшн как способы выговаривания личностной травмы. К сожалению, затруднительно найти примеры русскоязычных нарративов врачей о своей работе, и в то же время есть много произведений, написанных от лица пациентов или родственников [Гальего, 2018; Старобинец, 2017; Черемнова, 2011]. См. также: [Адельгейм, 2019].

постановка вопроса связана с природой МД. Он не ограничивается профессиональными проблемами, а увлекает специалиста ППД (как и пациентов и членов их семей) целиком, всеми компонентами личности, становясь подчас экзистенциальной проблемой.

Потому нашим предложением является внедрение феноменологической методик при междисциплинарной оценке МД, которая дополнила бы привычные количественные методы. В действительности эти методы не столь противоречат друг другу, ведь феноменологический метод предполагает колебание между описанием опыта от первого лица и от третьего лица, соотнося внутренние переживания с их интерсубъективной доступностью. Количественные обобщения дают общую картину, а ее детализацию в проживаемом опыте могут дать культурно чувствительные методы, близкие феноменологии и IPA. Общим подходом к снижению уровня дистресса является фокусировка на практически-ориентированных решениях. В ситуации когда воплощение высоких этических стандартов невозможно по не зависящим от специалистов причинам, ориентация на них становится дезадаптивной. В таких случаях полезно искать реалистичные пути оказания пациенту помощь и поддержать его семью⁹.

Критически важной является здравая переоценка профессиональных обязательств. Их объем должен гармонично соотноситься с имеющимся у специалиста объемом моральной агентности как возможности осознанного и волевого морального поведения. Более того, переоценка этических стандартов позволяет упрочить агентность специалиста, сфокусировав моральную чувствительность на вопросах, в которых можно реально принести максимально большую пользу пациенту [Evans, 2020]. Такой подход позволяет смягчить чувство вины и усилить возможность этического суждения специалиста.

Эти общие принципы борьбы с дистрессом можно реализовать в конкретных инструментах [Rushton, 2013]. В число этих инструментов входят:

1. выработка навыков стабилизации внимания и настроения;

⁹ Стоит отметить, что в реальной медицинской практике всегда имеется внутренний конфликт между различного порядка стандартами — с одной стороны, прикладными, а с другой — идеальными и максималистскими, с трудом воплощаемыми в реальности, тем не менее провозглашаемыми в качестве единственно верных. Данное противоречие обостряется еще и конфликтом медицинских регламентов и реальных практик, складывающихся у медиков при работе с пациентами и членами их семей в конкретных социально-экономических условиях. Именно стабильность, острота и принципиальная неустрашимость этих конфликтов во многом поддерживают постоянно высокий уровень морального дистресса.

2. практики осознанности (mindfulness);
3. следование протоколу сострадания GRACE;
4. отслеживание соматического ответа тела;
5. культивация сострадательного внимания и отношения;
6. распознавание эмпатической перегрузки и личностного дистресса;
7. развитие рефлексии;
8. развитие способности отделять себя от других;
9. культивация моральной чувствительности;
10. развитие навыков обоснования этических решений;
11. работа о базовых потребностях;
12. развитие систем решения этических проблем и дилемм.

Следует отметить, что предложенные пошаговые стратегии борьбы с дистрессом являются в сущности своей феноменологическими, ориентированными на работу с внутренними психическими состояниями субъекта; это навыки заботы о себе в психологическом плане, аффективной саморегуляции¹⁰.

Еще одним решением проблемы может служить пациент-центрированный подход. В его рамках врач признает экспертность пациента в его состоянии, относится внимательно к его чувствам и переживаниям [Emmanuel, 1992]. Данная модель базируется на концепциях Карла Роджерса, в основе которых лежат принципы эмпатии, конгруентности (то есть подлинности, открытости, прямого выражения эмоций) и безусловного позитивного принятия чувств пациента [Rogers, 1957].

* * *

Моральный дистресс в здравоохранении — серьезная, сложно устроенная и многогранная проблема на стыке философии, психологии и медицины, требующая междисциплинарного подхода. Проблема же паллиативной помощи детям — область особого дистресса как по силе, так и по качественным проявлениям; именно здесь многие философские проблемы, абстрактные для большинства медиков и пациентов, находят свое максимальное выражение, достигая поистине экзистенциальной глубины. Именно это обуславливает сложность работы с дистрессом в паллиативной помощи. При этом данные о дистрессе, полученные на материале

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

¹⁰ Отдельное место в борьбе с моральным дистрессом занимают образовательные программы [Cogradi-Perini, 2021]. Они позволяют снизить уровень дистресса, повысить самоощущение комфорта среди медицинских работников, достичь позитивных эмоциональных результатов. Образовательные программы, направленные на развитие навыков морального суждения, помогают усилить чувство силы и автономии специалистов.

sensitive area to moral distress, rich in severe, intractable existential and moral problems. The article examines the basic concepts of the nature of moral distress in medical care in general and palliative care for children in particular, and analyzes the structure of the experience of moral distress by healthcare professionals. Based on the data of modern psychometric and phenomenological studies, the causes of experiencing moral distress are identified and generalized. The phenomenon of moral distress among patients of palliative care for children and their family members, which has so far rarely been in the focus of researchers, is considered separately. The study of moral distress is based on the sometimes antagonistic interaction of two research paradigms — phenomenological, focused on the analysis of people's experiences and psychometric, objectified; their correlation and the possibility of integrating the results obtained into healthcare practice are also discussed in this article.

Keywords: moral distress, palliative care for children, bioethics, medical ethics, pandemic, coronavirus infection, burnout

For citation: Nozdachev D.I., Zamyatin K.A., Miroshnichenko M.D. Moral Distress in Pediatric Palliative Care: Classic Problems and Challenges of the COVID-19 Pandemic // *Chelovek*. Vol. 33, N 3. P. 138–158. DOI: 10.31857/S023620070020518-6

Литература / References

Адельгейм И.Е. «Я хочу говорить». Аутопсихотерапевтические функции повествования Ю. Баргельской и А. Старобинец о перинатальной потере // *Славянский альманах*. 2019. № 3–4. С. 427–443.

Adelgeim I.E. “Ya khochy govorit”. Autopsikhoterapevticheskiye funktsii povestvovaniya Yu. Bargel'skoy i A. Starobonets o perinatal'noy potere. [“I want to speak”. The autopsychotherapeutic functions of J. Bargielska and A. Starobinets narration about a perinatal loss]. *Slavic Almanac*. 2019. N 3–4. P. 427–443. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.5.02

Буй М.З., Лебедева А.Ю., Гордеев И.Г., Волов Н.А., Таратухин Е.О. Связь вариабельности сердечного ритма и показателей системы гемостаза у больных ишемической болезнью сердца, осложненной хронической сердечной недостаточностью // *Российский кардиологический журнал*. 2013. Т. 18. № 5. С. 6–11.

Buy M.Z., Lebedeva A.Yu., Gordeev I.G., Volov N.A., Taratukhin E.O. Svyaz' variabel'nosti serdechnogo ritma i pokazatelei sistemy gemostaza u bolnykh s ishemicheskoi boleznью serdtsa, oslozhnennoi khronicheskoi serdechnoi nedostatochnost'yu [Heart rate variability and hemostatic parameters in patients with coronary heart disease and chronic heart failure]. *Russian Journal of Cardiology*. 2013. Vol. 18. N 5. P. 6–11. DOI: 10.15829/1560-4071-2013-5-6-11

Гальего Р.Д.Г. Белое на черном. СПб.: Лимбус Пресс, 2018.

Gallego R.D.G. *Beloye na chernom* [White on Black]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2018.

Дуденкова И.В. Что значит быть несовершеннолетним? // *Социология власти*, 2019. Т. 31. №1. С. 30–50.

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

- Corradi-Perini C., Beltrão J.R., Ribeiro U.R.V. de C.O. Circumstances Related to Moral Distress in Palliative Care: An Integrative Review. *American Journal of Hospice and Palliative Medicine*. 2021. Vol. 38. N 11. P. 1391–1397. DOI: 10.1177/1049909120978826
- Depraz N. Microphenomenology of Chronicity in Psychosomatic Diseases: Diabetes, Anorexia, and Schizophrenia. *Time and Body: Phenomenological and Psychopathological Approaches*. Eds. by Tewes C, Stanghellini G. Cambridge University Press, 2020. P. 82–97.
- Engel G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. 1977. Vol. 196. N 4286. P. 129–136. DOI: 10.1126/science.847460
- Evans A.M., Jonas M., Lantos J. Pediatric Palliative Care in a Pandemic: Role Obligations, Moral Distress, and the Care You Can Give. *Pediatrics*. 2020. Vol. 146. N 1. e20201163. DOI: 10.1542/peds.2020-1163
- Epstein E.G., Whitehead P.B., Prompahakul C., Thacker L.R., Hamric A.B. Enhancing Understanding of Moral Distress: The Measure of Moral Distress for Health Care Professionals. *AJOB Empirical Bioethics*. 2019. Vol. 10. N 2. P. 113–124. DOI: 10.1080/23294515.2019.1586008
- Hamric A.B. A case study of moral distress. *Journal of Hospice & Palliative Nursing*. 2014. Vol. 16. N 8. P. 457–463. DOI: 10.1097/NJH.0000000000000104
- Klein S.M. Moral distress in pediatric palliative care: a case study. *Journal of Pain and Symptom Management*. 2009. Vol. 38. N 1. P. 157–160. DOI: 10.1016/j.jpainsymman.2009.04.014
- Knaut F.M., Farmer P.E., Krakauer E.L. et al. Alleviating the access abyss in palliative care and pain relief — an imperative of universal health coverage: the Lancet Commission report. *Lancet*. 2018. Vol. 391. N 10128. P. 1391–1454. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)32513-8
- Malabou C. *Morphing Intelligence: From IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press, 2019.
- Manara D.F., Villa G, Moranda D. In search of salience: phenomenological analysis of moral distress. *Nursing Philosophy*. 2014. Vol. 15. N 3. P. 171–182. DOI: 10.1111/nup.12048
- Moral distress in the health professions*. Ulrich C.M., Grady C. (eds.). Springer, 2018. ISBN 978-3-319-64625-1, doi: 10.1007/978-3-319-64626-8
- Murakami Y. Phenomenological analysis of a Japanese professional caregiver specialized in Patients with amyotrophic lateral sclerosis. *Neuroethics*. 2020. Vol. 13. N 2. P. 181–191. DOI:10.1007/s12152-018-9379-2
- Pourghaznein T., Heydari A., Manzari Z. S. Iranian mothers' experiences with children undergoing hemodialysis: a hermeneutic phenomenological study. *Journal of Pediatric Nursing*. 2018. Vol. 42. P. 19–25 DOI: 10.1016/j.pedn.2018.06.006
- Rogers C.R. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change. *Journal of Consulting Psychology*. 1957. Vol. 21. N 2. P. 95. DOI: 10.1037/h0045357
- Rushton C.H., Kaszniak A.W., Halifax J.S. Addressing Moral Distress: Application of a Framework to Palliative Care Practice. *Journal of Palliative Medicine*. 2013. Vol. 16 N 9. P. 1080–1088. DOI: 10.1089/jpm.2013.0105
- Selye H. Stress and distress. *Comprehensive Therapy*. 1975. Vol. 1. N 8. P. 9–13

Д.И. Ноздрачев,
К.А. Замятин,
М.Д. Мирошниченко

Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19

■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНЫЕ
СИТУАЦИИ**
■■■■■■■■■■

- Trotochaud K., Coleman J.R., Krawiecki N., McCracken C. Moral distress in pediatric healthcare providers. *Journal of Pediatric Nursing*. 2015. Vol. 30. N 6. P. 908–914. DOI: 10.1016/j.pedn.2015.03.001
- Tutelman P. R., Drake E. K., Urquhart R. “It could have been me”: An interpretive phenomenological analysis of health care Providers’ experiences caring for adolescents and young adults with terminal cancer. *Journal of adolescent and young adult oncology*. 2019. Vol. 8. N 5. P. 587–592
- Ulrich C.M. The Moral Distress of Patients and Families. *American Journal of Bioethics*. 2020; 20(6): 68–70. DOI: 10.1080/15265161.2020.1754522
- Whitehead P.B., Herbertson R.K., Hamric A.B., Epstein E.G., Fisher J.M.. Moral distress among healthcare professionals: report of an institution-wide survey. *Journal of Nursing Scholarship*. 2015. Vol. 47. N 2. P. 117–125. DOI: 10.1111/jnu.12115

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, СВЯЗАННОЙ С COVID-19

Новикова Татьяна Олеговна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии с курсами медико-биологических дисциплин и педагогики.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава РФ.

Российская Федерация, 194000 Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2.

ORCID: 0000-0003-2238-0852

tatolnov@gmail.com

Коргожа Мария Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава РФ.

Российская Федерация, 194000 Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2.

ORCID: 0000-0001-8422-1772

korgozha_m.a@mail.ru

Евмененко Аlesia Олеговна — ассистент кафедры общей и прикладной психологии с курсами медико-биологических дисциплин и педагогики.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава РФ.

Российская Федерация, 194000 Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2.

ORCID: 0000-0003-0048-2196

alesya_545@mail.ru

**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНЫЕ
СИТУАЦИИ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка аналитического совмещения ситуации неопределенности, связанной с пандемией COVID-19, и неопределенности, ассоциированной с рождением ребенка. Негарантированность будущего в обоих случаях может выступать фактором, усиливающим субъективное восприятие женщинами уязвимости. На основе анализа ряда исследований выделяются ключевые сюжеты, определяющие субъективное отношение женщин к рождению ребенка в ситуации неопределенности. Такими сюжетами выступают: 1) степень осознания серьезности ситуации и выраженность страха неопределенности; 2) оценка изменений в работе родовспомогательных и поликлинических учреждений; 3) изменения в сфере повседневного функционирования. На основе предложенной концептуальной рамки в ноябре 2021 года было организовано и проведено онлайн-анкетирование 57 женщин, родивших ребенка в период с мая 2020 по ноябрь 2021 года. В исследовании анализировались данные авторской анкеты, учитывающей социально-демографические характеристики респондентов и их семей, особенности рождения ребенка в период пандемии и субъективное восприятие ситуации пандемии. Также использовались Скрининговая шкала перинатальной тревоги (PASS-R) и опросный лист по наличию неблагоприятных жизненных обстоятельств. Результаты исследования анализировались с позиции обозначенных ключевых тем. Сделаны выводы о факторах, связанных с усилением тревоги и опасений, а также негативного восприятия ситуации в зависимости от степени удовлетворенности актуальными жизненными и семейными обстоятельствами и личным столкновением с заболеванием в период подготовки или после рождения ребенка.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, ситуация неопределенности, беременность, родовспоможение, ограничение, тревожность, субъективное восприятие.

Ссылка для цитирования: Новикова Т.О., Коргожа М.А., Евмененко А.О. Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19 // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 159–176. DOI: 10.31857/S023620070020519-7

Пандемия COVID-19 кардинальным образом изменила жизнь современного общества. COVID-19 выступает фактором, трансформирующим представления о нормальности. Под вопрос ставится повторяемость повседневного опыта и его надежность для выстраивания перспектив ближайшего и отдаленного будущего. «В короткие сроки людям пришлось пересобрать повседневность, отказываться от привычных ежедневных практик, менять планы. Кажется, в нашей жизни не осталось ни одного аспекта, который не претерпел бы изменений в связи с эпидемией коронавируса» [Социология пандемии, 2021].

Обстоятельства, в которых оказалось общество в связи с пандемией COVID-19, могут быть описаны как «ситуация с неизвестным исходом» [Тартаковская, 2021]. В рамках данной статьи мы описываем ее как ситуацию неопределенности. При этом неопределенность касается рисков, связанных не только с болезнью, но и с изменениями, происходящими в функционировании самых разных социальных институтов. Привычное существование утрачивает устойчивость и надежность. Человек оказывается неспособным контролировать не только внешние обстоятельства жизни и ближайшее окружение, но и собственные обстоятельства, не может «починить свою уязвимость перед лицом эпидемии за счет доверия каким-то надежным акторам, которые могли бы взять на себя ответственность за происходящее» [Тартаковская, 2021: 71].

В этой связи рождение ребенка в ситуации пандемии COVID-19 представляется умножением неопределенности. Даже в обычных обстоятельствах рождение ребенка — это событие, которое само по себе разрывает канву упорядоченной жизни и приводит к реструктуризации всей внутрисемейной организации. Более того, роды воспринимаются как ситуация уязвимости и отсутствия субъективного контроля. Исследователи [Темкина, 2017] подчеркивают, что вне зависимости от способа деторождения и принадлежности женщины к той или иной социально-экономической группе любая беременность и роды оказываются включены в дискурс страхов и рисков.

В исследованиях, посвященных анализу трансформаций моделей репродуктивного поведения в современной России [Демографическая модернизация России, 2006; Сидорова, 2021], обращается внимание на то, что происходит «глубинное преобразование всей системы социокультурных регуляторов прокреативного поведения людей» [Демографическая модернизация России, 2006: 150]. Можно говорить о так называемой рационализации деторождения, когда прокреативное поведение регулируется не внешними нормами и предписаниями, а внутренними представлениями о «желанном ребенке в желанное время» [Сидорова, 2021].

Историческим фактом является сокращение числа беременностей в период пандемии. Это подтверждают и данные Росстата [Федеральная служба, 2021] о рождаемости и естественном приросте населения за последние три года (2018–2020): можно отметить резкий спад рождения детей в 2020 году. Время пандемии субъективно может восприниматься человеком как «нежеланное» для рождения ребенка.

Отправной точкой для построения эмпирического исследования послужили темы, актуализированные в работе турецких исследователей [Mizrak Sahin, Kabakci, 2021], посвященной анализу опыта

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

беременности в ситуации пандемии COVID-19 в Турции. Несмотря на то что данная работа рассматривает культурно обусловленный опыт, выделяемые авторами основные темы оказываются универсальными для ситуации рождения ребенка в период пандемии.

Первый сюжет/тема, который актуализируется в ситуации рождения ребенка, — это (не)понимание серьезности ситуации, связанной с пандемией COVID-19 и страх неопределенности. В России с марта 2020 года, когда были введены первые ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, прошло уже более полутора лет. За это время субъективное восприятие гражданами страны COVID-19 и всего, что с ним связано, менялось. Наиболее яркие изменения происходили в сознании людей в первые три месяца пандемии [Социология пандемии, 2021]. Однако пролонгация ситуации неопределенности приводит к своеобразной адаптации и/или нечувствительности к катастрофическим событиям, связанным с заболеванием. В исследовании А.А. Ожигановой [Ожиганова, 2021] описываются стратегии женщин, чья беременность протекала в условиях пандемии. Из выделяемых автором стратегий две могут быть проинтерпретированы как субъективная реакция женщин на восприятие серьезности ситуации, связанной с COVID-19. Одна из них — это максимальное соблюдение беременными женщинами рекомендованных мер предосторожности (ношение маски, социальная дистанция и т.п.). Вторая — стратегия избегания госпитализации в ситуации подозрения на коронавирусную инфекцию [Ожиганова, 2021]. Несмотря на существование объективных рисков течения COVID-19 у беременных, женщины, по данным А.А. Ожигановой [Ожиганова, 2021], предпочитают заниматься самолечением и не обращаться за медицинской помощью. Данная стратегия может быть объяснена как непониманием женщинами степени риска, связанного с COVID-19, так и феноменом недоверия медицине, сложившимся в условиях конфликта неолиберальной и патерналистской модели взаимоотношений «врач–пациент» [Здравомыслова, Темкина, 2012; Темкина, 2017; Ожиганова, 2021]. Контекст медицинского взаимодействия в сфере акушерства и гинекологии задается более острой проблематизацией институционального доверия к учреждениям родовспоможения [Здравомыслова, Темкина, 2012; Темкина 2017].

Отсюда значимым оказывается сюжет, связанный с отношением женщин к изменениям в системе оказания медицинской помощи женщинам и детям в перинатальный период [Mizrak Sahin, Kabakci, 2021]. Т.Л. Кукса [Кукса, 2021] рассматривает специфику изменения функционирования родовспомогательных учреждений в 2020 году с момента введения в стране чрезвычайных

антиковидных решений. В основе ее анализа лежат полевые материалы и нормативно-правовые документы, регламентирующие действия различных субъектов права в ситуации распространения COVID-19 в России. Автор отмечает, что работа медицинских учреждений очень быстро перестраивалась в связи с изменениями реалий жизни. Разрабатывались и обновлялись методические рекомендации и руководства для врачей и руководителей медицинских учреждений, в которых прописывался регламент и порядок оказания медицинской помощи пациентам в изменившихся условиях, обосновывалась необходимость проведения тестирования пациентов, организации «красной зоны», указывались особенности маршрутизации и госпитализации пациентов с различным COVID-статусом [Кукса, 2021]. Так, к настоящему времени Министерством Здравоохранения РФ опубликована уже 5-я версия методических рекомендаций «Организация оказания медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам и новорожденным при новой коронавирусной инфекции COVID-19» [Методические рекомендации, 2021].

Для настоящей статьи важным оказывается раздел, касающийся организации работы родовспомогательных учреждений в период пандемии COVID-19 [Методические рекомендации, 2021]. Если резюмировать предлагаемые Министерством здравоохранения РФ рекомендации акушерско-гинекологическим учреждениям, то можно заключить, что работа медицинских учреждений, оказывающих помощь беременным, роженицам, родильницам и новорожденным детям, должна быть нацелена прежде всего на минимизацию социальных контактов пациентов. Для этого предлагаются внедрение дистанционных форм консультирования, определение четкой индивидуальной маршрутизации и регламентация проведения различных исследований в рамках медицинского учреждения в зависимости от COVID-статуса пациентов [Методические рекомендации, 2021]. Предлагаемые рекомендации по организации работы родовспомогательных учреждений не являются специфичными для России. Подобные меры принимаются повсеместно [Yakoví Gan-Or, 2020; Coxon et al., 2020]. Исследователи [Coxon et al., 2020; Ahlers-Schmidt et al., 2020] отмечают, что изменение принципов оказания перинатальной помощи женщине и ребенку усиливает у женщин переживание страха и тревоги. Женщины ощущают собственную уязвимость, так как не могут принимать решения о том, каким образом будут организованы и где будут проходить их роды. Т.Л. Кукса в своей статье отмечает, что «если раньше независимо от регистрации по месту жительства (“прописки”) беременная женщина по ОМС могла выбрать любой роддом, обеспечивая ему страховое покрытие

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

(бюджетное финансирование) предъявленным родильным сертификатом, то с начала пандемии был исключен экстерриториальный выбор родовспомогательного учреждения прежде всего для пациенток с подтвержденным ковид-статусом или признаками простудного/инфекционного заболевания» [Кукса, 2021: 49]. Исследователи [Ожиганова, 2021; Ожиганова, Молодцова, 2020] замечают, что введенные жесткие ограничения в системе родовспоможения создали ситуацию отмены прогрессивных преобразований и роста недоверия к системе здравоохранения. Можно предположить, что трансформируется представление женщин о доступности медицинской, социальной и других видов помощи в системе защиты материнства и детства.

Третья тема, которая будет затронута в статье, относится к оценке женщинами изменений в привычном образе жизни. Е.П. Белинская [Белинская, 2014] обращает внимание на поведенческие следствия переживания ситуации неопределенности. Здесь мы обращаемся к теории практик в культуре повседневности. Мы отталкиваемся от идей А. Шюца [Шюц, 1988] о том, что в контексте повседневности человек учится строить типичные конструкты действий согласно системе релевантностей. Речь идет об использовании типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях. При этом «успешность практик в повседневной жизни сама по себе задает уверенность в “правильном” понимании реальности» [Петухов, Пирогов, 2018]. Даже в ситуации рождения первого ребенка у женщин имеются идеализированные представления о том, каким образом должна быть организована их жизнь после появления на свет малыша. В ситуации, связанной с COVID-19, сформированная система ожиданий в отношении собственного поведения при взаимодействии с ребенком, а также связанных с включением ребенка в социальное пространство может оказаться несостоятельной в силу изменения предъявляемых «антиковидных» норм и требований.

В рамках эмпирического исследования рассмотрение всех трех тем позволит сделать предположения об особенностях субъективного восприятия женщинами ситуации рождения ребенка в период пандемии COVID-19 с позиции личного опыта и собственного отношения к происходящему.

Выборка и методология

В ноябре 2021 года нами было организовано эмпирическое исследование с целью изучения особенностей субъективного отношения женщин к рождению ребенка в период пандемии COVID-19. Исследование проводилось в виде онлайн-опроса. Информация

об исследовании распространялась через тематические сообщества о беременности и родах в популярных социальных сетях (Instagram*, ВКонтакте). Этические гарантии исследования обеспечивались протоколом заседания Локального этического комитета ФГБОУ ВО СПбГПУ Минздрава России № 3/13 от 23.03.2020. При получении письменного согласия на участие в исследовании респондентам было предложено ответить на вопросы авторской анкеты о социально-демографических характеристиках участника исследования и его семьи, особенностях рождения ребенка в период пандемии и субъективном восприятии ситуации пандемии, а также указать особенности актуальной жизненной ситуации в рамках опросного листа по наличию неблагоприятных жизненных обстоятельств. Также использовалась Скрининговая шкала перинатальной тревоги (PASS-R) [Коргожа, Евмененко, 2021] для оценки уровня выраженности симптомов тревоги и специфических страхов у женщин в перинатальном периоде. При статистической обработке данных использовались методы описательной статистики. Корреляционный анализ взаимосвязей показателей осуществлялся с применением χ^2 -критерия Спирмена. Расчет данных производился с помощью пакета прикладных программ «Statistica version 12.0» (StatSoft Inc., Tulsa, USA).

Описание выборки

Выборку исследования составили 57 женщин из различных регионов страны (Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Ставрополя), которые родили ребенка в период с мая 2020 года по сентябрь 2021 года. Средний возраст респондентов составил $31 \pm 4,7$ года. На момент участия в исследовании средний возраст их детей, рожденных в указанный период, составил $8 \pm 5,5$ месяцев. 93% женщин, принявших участие в исследовании, состоят в браке, 7% женщин состоят в незарегистрированных отношениях. 77% участниц находятся в декретном отпуске, 16% женщин продолжают работать. Для 51% респондентов рождение ребенка в период пандемии было первым опытом родительства, 49% респондентов имеют двух и более детей дошкольного и школьного возраста. Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, подавляющее большинство женщин (74% участниц) отмечали, что беременность была запланированной и желанной. В среднем родоразрешение женщин происходило в рамках предполагаемой даты родов — $39,2 \pm 2,2$ гестационные недели. Участницы оценивали свое состояние здоровья как удовлетворительное, всего 37% женщин отметили, что имеют различные хронические заболевания. Важно отметить, что

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

* Принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

в случаях наличия у женщин хронических заболеваний респонденты чаще всего отмечали более высокий уровень влияния ситуации пандемии COVID-19 на их повседневную жизнь во время беременности (0,33; $p < 0,05$) и после рождения ребенка (0,37; $p < 0,01$).

Результаты исследования показали наличие у 40,3% женщин в выборке симптомов тревоги различной специфики и разной степени выраженности. Эти данные превышают средние нормативные показатели развития устойчивых тревожных состояний у беременных, если ориентироваться на исследования, осуществленные до 2020 года [Ford, 2017; Lefkovic, 2018]. По данным отечественных и зарубежных авторов, ситуация пандемии COVID-19 в среднем увеличила частоту развития тревожных состояний у женщин в перинатальном периоде, которая в ряде европейских стран достигла уровня в 50–60% [Аникина, Савеньшева, Блох, 2021; Ayaz et al., 2020; Lebel et al., 2020; Tomfohr-Madsen et al., 2021].

(Не)понимание серьезности ситуации, связанной с пандемией COVID-19, и страх неопределенности

Понимание серьезности ситуации, связанной с COVID-19, и выраженность страха неопределенности, по нашему предположению, взаимосвязаны с субъективной оценкой опыта беременности в целом. Женщины указывают на позитивную оценку своего физического состояния ($7,7 \pm 1,8$ балла по 10-балльной шкале), которая сопряжена в среднем с позитивным эмоциональным фоном в течение беременности ($7,3 \pm 2,1$ балла).

Отвечая на вопросы о влиянии ситуации пандемии на течение перинатального периода, на эмоциональное состояние женщин и актуальную жизненную ситуацию семьи, респонденты чаще всего указывали средние значения в диапазоне 5–6 баллов по 10-балльной шкале. При этом по каждому из вопросов ответы женщин в выборке разнятся, что отразилось в большом диапазоне стандартного отклонения в 3–4 балла. Несмотря на это, результаты корреляционного анализа показали тесные взаимосвязи высоких оценок влияния ситуации пандемии с наличием различных сопутствующих неблагоприятных событий в период ожидания и рождения ребенка, подробнее о которых будет указано далее. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев благоприятного течения беременности и высокой удовлетворенности женщин актуальными жизненными и семейными обстоятельствами респондентам было затруднительно сделать вывод о влиянии ситуации пандемии на их жизнь.

Исследование показало, что 32% беременных женщин имели осложнения течения беременности, в большинстве случаев связанные с угрозой прерывания беременности или преждевременных родов. Во всех этих случаях женщинам была оказана стационарная медицинская помощь. В течение второго и третьего триместра беременности у 23% участниц исследования был установлен диагноз COVID-19, также 14% женщин в третьем триместре беременности проживали совместно с родственниками, которые проходили лечение от COVID-19. Корреляционный анализ показал высокую частоту развития осложненной течения беременности в случаях, когда родственники болели COVID-19 (0,27; $p < 0,05$). На фоне осложнений течения беременности женщины часто отмечали, что физически чувствовали себя плохо (0,36; $p < 0,01$), для них характерны более высокий уровень перинатальной тревоги (0,40; $p < 0,01$) и выраженное навязчивое стремление к контролю и постоянному улучшению актуальной жизненной ситуации (0,48; $p < 0,01$).

Важно отметить отдельную категорию женщин-участниц исследования, для которых беременность была незапланированной (26% респондентов). Психологическая неготовность к рождению ребенка, подтвержденная высокими баллами по субшкале специфических страхов перинатального периода методики PASS-R, усугублялась дополнительными ограничениями в ситуации пандемии (0,34; $p < 0,05$). В перинатальном периоде эти женщины столкнулись с плохим самочувствием (0,37; $p < 0,01$), неблагоприятным эмоциональным состоянием в течение беременности и после родов (0,32; $p < 0,05$) и высоким уровнем тревоги (0,27; $p < 0,05$) на фоне различных проблем во взаимодействии с родственниками (0,3; $p < 0,05$) и вынужденной ситуации смены или потери работы (0,38; $p < 0,01$).

Высокий уровень беспокойства о реальном и потенциальном влиянии ситуации пандемии COVID-19 на актуальную жизненную ситуацию семьи, здоровье и будущее ребенка чаще всего проявлялся у первородящих женщин (0,28; $p < 0,05$). Различные ограничения, действующие в период пандемии, оказывали дополнительное фрустрирующее влияние на женщин на фоне отсутствия у них опыта родительства.

Субъективное отношение женщин к изменениям в организации оказания медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам и новорожденным в связи с COVID-19

При подготовке к родам большинство женщин (56% участниц) столкнулись с необходимостью проходить дополнительные лабораторные исследования (ПЦР-тесты для госпитализации

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНЫЕ
СИТУАЦИИ**

в родильный дом, исследование наличия антител к коронавирусу), что отразилось в их оценке влияния ситуации пандемии COVID-19 на подготовку к рождению ребенка (0,3; $p < 0,05$). Для 11% женщин ситуация пандемии значительно повлияла на выбор родильного дома. Чаще всего респонденты отмечали, что были вынуждены искать другой роддом в связи с тем, что выбранное ими ранее учреждение было перепрофилировано под инфекционный стационар или закрыто в связи с карантином. Также в 12% случаях ситуация с вынужденным поиском специализированного роддома была крайне острой, когда у ребенка были выявлены различные осложнения состояния здоровья (врожденная патология развития плода, недоношенность и т.д.).

Находясь в родильном доме, 57% женщин отметили, что столкнулись с различными ограничениями, такими как запреты на совместные роды, посещение родственников и организацию торжественной выписки. С более сложной ситуацией столкнулись 4% женщин, которых сразу после родов перевели в инфекционный стационар в связи с выявленным у них COVID-19. Эти женщины были разлучены с ребенком до выписки из родильного дома.

В течение первых месяцев после рождения ребенка 25% респондентов столкнулись с различными ограничениями при дистанционном оформлении свидетельств о рождении ребенка и плановых посещениях детских поликлиник. Из них 12% матерей остерегались посещения лечебных учреждений в связи с риском заражения ребенка COVID-19. Необходимо отметить, что все женщины, столкнувшиеся с ограничениями и дополнительными организационными сложностями в роддоме и детских поликлиниках, в среднем отмечают высокий уровень влияния ситуации пандемии на их повседневную жизнь до родов и на момент участия в исследовании ($8,3 \pm 1,4$ балла) и на их эмоциональное состояние в течение всего перинатального периода ($7,2 \pm 2,3$ балла). В течение первых 6 месяцев после рождения ребенка 13% матерей переболели COVID-19, из них в 86% случаев также одновременно болели члены их семьи.

Прогнозируя возможное влияние ситуации пандемии на здоровье и будущее ребенка, 67% матерей выражают повышенный уровень беспокойства. Озабоченность возможным влиянием ситуации пандемии на ребенка и его будущее оказалась тесно связана с опытом влияния COVID-19 на течение беременности (0,45; $p < 0,01$) и послеродового периода (0,41; $p < 0,01$) и нашла свое отражение в высоком общем уровне тревоги на момент участия в исследовании (0,43; $p < 0,01$), повышенном страхе социальных контактов (0,32; $p < 0,05$) и навязчивом стремлении контролировать все происходящее вокруг (0,37; $p < 0,01$). Таким образом, полученные

результаты указывают на тенденцию к крайней обеспокоенности и развитию повышенной тревоги у женщин, семьи которых фактически столкнулись с заболеванием COVID-19 в период подготовки или после рождения ребенка, а также были вынуждены приспособливаться к новым ограничениям в родильных домах и детских поликлиниках.

Повседневная жизнь семьи в современных условиях

Оценивая различные повседневные бытовые ситуации последних полутора лет, женщин отмечают, что стали чаще пользоваться антисептиками и антибактериальными средствами (58% участников), использовать индивидуальные средства защиты (76%), избегать мест большого скопления людей (68%), ограничивать контакты с друзьями и близкими (54%), а также не использовать общественный транспорт для передвижения (72% участников). При этом нами не установлены достоверные взаимосвязи высокого уровня внимания к соблюдению рекомендованных мер предосторожности с уровнем тревоги у женщин ($p > 0,05$). Исключение составляет взаимосвязь увеличенной частоты повседневного использования антисептиков с наличием симптомов фобии у респондентов (0,31; $p < 0,05$).

В контексте повседневного функционирования в условиях пандемии изменилась доступность различных социальных активностей и институтов. Для посещения общественных мест необходимостью стала вакцинация от COVID-19. Основываясь на результатах исследований, посвященных социальному принятию вакцинации от COVID-19 в разных странах, можно заключить, что в России в целом отмечается низкий уровень доверия к вакцинации [Lazarus et al., 2021; Skjefte et al., 2021]. Мнение наших респондентов по данному вопросу разделилось: 49% женщин относятся позитивно к вопросу необходимости вакцинации, 43% — негативно и 8% женщин высказали безразличное отношение к данному вопросу. Всего 79% участниц исследования отметили, что вакцинированы (25% респондентов) или планируют вакцинироваться (54%), оставшиеся 21% не планируют проходить вакцинацию. По состоянию на 7 марта 2022 года общероссийский уровень вакцинации составил 56,0%, включая граждан, прошедших ревакцинацию [Данные об уровне, 2022]. Региональные показатели вакцинации разнятся: Москва — 59,1% от взрослого населения; Московская область — 71,4%; Санкт-Петербург — 70,8%; Ставропольский край — 62,0%. В сравнении с региональными

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

Изменения в организации работы родовспомогательных и поликлинических учреждений в условиях пандемии усиливают недоверие женщин к системе здравоохранения в целом и повышают уровень тревоги и беспокойства при взаимодействии в системе «врач–пациент». Введение новых практик в контекст повседневных рутин изменяет привычную действительность, создает определенные точки напряжения и вынуждает женщин вырабатывать адаптивные поведенческие стратегии.

Результаты эмпирического исследования подтверждают тезис о том, что особенности субъективного восприятия зависят от того, насколько заболевание коснулось человека лично [Mertens et al., 2020]. Действительно в подавляющем большинстве случаев благоприятного течения беременности и высокой удовлетворенности женщин актуальными жизненными и семейными обстоятельствами влияние ситуации пандемии COVID-19 имеет низкое значение для семьи при рождении ребенка. Однако в случаях, когда женщины и члены их семьи фактически столкнулись с заболеванием COVID-19 в период подготовки или после рождения ребенка, а также были вынуждены приспосабливаться к новым ограничениям в родильных домах и детских поликлиниках, они склонны высоко оценивать степень влияния пандемии на жизнь их семьи, что выражается в их крайней обеспокоенности и высоком уровне тревоги в течение всего перинатального периода.

Результаты исследования показали необходимость дальнейшего исследования особенностей субъективного восприятия ситуации рождения ребенка в период пандемии COVID-19, а также выявления системы факторов, негативно влияющих на функционирование семьи в ситуации неопределенности с целью оказания необходимой специализированной помощи и поддержки.

Childbirth in the Uncertainty of COVID-19

Tatiana O. Novikova

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology with Courses in Biomedical Disciplines and Pedagogy. St. Petersburg State Pediatric Medical University.
2 Litovskaya Str., 194100 Saint-Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2238-0852
tatolnov@gmail.com

Maria A. Korgozha

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology,
St. Petersburg State Pediatric Medical University.
2 Litovskaya Str., 194100 Saint-Petersburg, Russian Federation.

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

Arshavskiy I.A. *Ocherki po vozrastnoy fiziologii* [Profiles on physiology of age]. Moscow: Meditsina Publ., 1967.

Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604> (дата обращения: 10.01.2022).

Belinskaya E.P. Neopredelennost' kak kategoriya sovremennoy sotsial'noy psikhologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2014. Vol. 7, N 36. P. 3 [Electronic resource]. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604> (date of access: 10.01.2022).

Данные об уровне вакцинации COVID-19 в России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aefpebagmfbcl0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения: 07.03.2022)

Dannye ob urovne vaktsinatsii COVID-19 v Rossii [Data on the level of vaccination of COVID-19 in Russia] [Electronic resource]. URL: <https://xn--80aefpebagmfbcl0a.xn--p1ai/information/> (date of access: 07.03.2022).

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000], ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Доверие и сотрудничество врача-гинеколога и пациентки // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине. Самара: Самарский государственный университет, 2012. С. 124–168.

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Doverie i sotrudnichestvo vracha-ginekologa i patsientki [Confidence and cooperation of a gynecologist and a patient]. *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoy meditsine* [Remission Society: on the way to narrative medicine]. Samara: Samara State University Publ., 2012. P. 124–168.

Коргожа М.А., Евмененко А.О. Скрининговая шкала перинатальной тревоги (PASS-R). Краткое руководство по использованию. Методическое пособие. СПб.: СПбГПМУ, 2021.

Korgozha M.A., Evmenenko A.O. *Skriningovaya shkala perinatal'noy trevogi (PASS-R). Kratkoe rukovodstvo po ispol'zovaniyu. Metodicheskoe posobie* [Perinatal Anxiety Screening Scale (PASS-R). Brief guide to use. Toolkit]. Saint Petersburg: SPbGPMU Publ., 2021.

Кукса Т.Л. Партнерские роды и индивидуальные сопровождения в условиях COVID-19: властные решения, практики и дискурсы // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 41–63. DOI: 10.31857/S086954150017932-5

Kuksa T.L. Partnerskie rody i individual'nye soprovozhdeniya v usloviyakh COVID-19: vlastnye resheniya, praktiki i diskursy [Partnered Childbirth and Individual Care Providers in COVID-19 Conditions: Power Decisions, Practices and Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2021. N 6. P. 41–63.

Методические рекомендации «Организация оказания медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам и новорожденным при новой коронавирусной инфекции». Министерство Здравоохранения РФ. Версия 5. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/>

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 3. С. 14–53. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-3-14-53

Temkina A. “Ekonomika doveriya” v platnom segmente rodovspomozhenii: gorodskaya obrazovannaya zhenshina kak potrebitel’ i patsientka [“Economy of Trust” in Commercial Obstetric Care: Educated Urban Women as Consumers and Patients]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2017. Vol. 18, N 3. P. 14–53. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-3-14-53

Федеральная служба государственной статистики. Демография. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.01.2022).

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Demografiya [Federal State Statistics Service. Demography]. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of access: 10.01.2022).

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

Shyuts A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The Structure of Everyday Thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988. N 2. P. 129–137.

Ahlers-Schmidt C.R., Hervey A.M., Neil T., Kuhlmann S., Kuhlmann Z. Concerns of women regarding pregnancy and childbirth during the COVID-19 pandemic. *Patient Educ Couns*. 2020. N 103(12). P. 2578–2582. DOI: 10.1016/j.pec.2020.09.031

Ayaz R., Hocaoglu M., Gunay T., et al. Anxiety and depression symptoms in the same pregnant women before and during the COVID-19 pandemic. *Journal of Perinatal Medicin*. 2020. N 48(9). P. 965–970. DOI: 10.1515/jpm-2020-0380

Coxon K., Turienzo C.F., Kweekel L., Goodarzi B., Brigante L., Simon A., Lanau M.M. The impact of the coronavirus (COVID-19) pandemic on maternity care in Europe. *Midwifery*. 2020. N 88. P. 102779. DOI: 10.1016/j.midw.2020.102779

Ford E., Lee S., Shakespear J., et al. Diagnosis and management of perinatal depression and anxiety in general practice: a meta-synthesis of qualitative studies. *British Journal of General Practice*. 2017. N. 67(661). P. 538–546. DOI: 10.3399/bjgp17X691889

Lebel C., MacKinnon A., Bagshawe M. et al. Elevated depression and anxiety symptoms among pregnant individuals during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders*. 2020. N 277. P. 5–13. DOI: 10.1016/j.jad.2020.07.126

Lazarus J.V., Ratzan S.C., Palayew A., Gostin L.O., Larson H.J., Rabin K., Kimball S., El-Mohandes A. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine. *Nat Med*. 2021. N 27(2). P. 225–228. DOI: 10.1038/s41591-020-1124-9

Lefkovic E., Rigo J., Szita B., et al. Relevance of anxiety in the perinatal period: prospective study in a Hungarian sample. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 2018. N 39(3). P. 220–227. DOI: 10.1080/0167482X.2017.1338264

Mertens G., Gerritsen L., Duijndam S. et al. Fear of the coronavirus (COVID-19): Predictors in an online study conducted in March 2020. *J Anxiety Disord*. 2020. N 74. P. 102258. DOI: 10.1016/j.janxdis.2020.102258

Т.О. Новикова,
М.А. Коргожа,
А.О. Евмененко

Рождение ребенка в ситуации неопределенности, связанной с COVID-19

СВИДЕТЕЛЬСТВА

DOI: 10.31857/S023620070020520-9

©2022 И.В. ГЛУЩЕНКО

БУКОЛИКА В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ. ОБНОВЛЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОГО МИФА НА ПРИМЕРЕ ИНСТАГРАМ*-АККАУНТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЖИЗНИ В ДЕРЕВНЕ

Глущенко Ирина Викторовна — кандидат культурологии, доцент Школы философии и культурологии ФГН НИУ ВШЭ.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 109028 Москва, Покровский бульвар, д. 11.

ORCID: 0000-0002-1909-1139

iglushenko@hse.ru

Аннотация. Эпидемия ковида, или, как ее уже стали называть, «эпоха пандемии», изменила многие наши представления о привычном мире, заставила пересмотреть тему мобильности и пространства, а также переосмыслить соотношение привлекательных и отталкивающих сторон городской и деревенской жизни. Может быть, впервые за много лет в истории России значительная часть населения стала воспринимать деревню как место, более пригодное для жизни по сравнению с городом. Вынужденный переезд горожан в деревню, который наблюдался с весны 2020 года, породил новые представления о преимуществах сельской жизни, которые отразились в социальных сетях. В статье проведен качественный и количественный анализ трех инстаграм*-аккаунтов, посвященных деревенской жизни. Исследование содержания этих аккаунтов и системы образов, которые в них воспроизводятся, а также статистических данных, связанных с динамикой посещений и ростом подписчиков, позволяет сделать вывод, что пандемия оживила и актуализировала тот комплекс представлений, который назван здесь деревенским мифом.

* Принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

оказавшийся на удивление устойчивым. И хотя невозможно утверждать, что все ведущие инстаграм*-аккаунтов, которые я буду рассматривать, хорошо знакомы с древнегреческой и римской поэзией, мы обнаружим, что современные сетевые публикации то и дело напоминают нам об образах пастушеской Аркадии и грядущего золотого века, описанных древними. В статье «Вергилий — поэт будущего» историк античной литературы М.Л. Гаспаров пишет, что необходимыми составляющими вергилиевских буколик являются счастье жителей сел, которые обитают вдали от раздоров, у них нет роскоши, но «покой их верен», «жизнь безобманна», им открываются «досужие просторы» и они сохраняют «почтенье к отцам» [Гаспаров, 1979].

Показательно при этом, что сам Вергилий не был сельским жителем. «Хотя он и выглядел мужиком среди горожан, хотя и действительно родился в деревне в часе пути от Мантуи (еще век спустя там показывали тополь, по обычаю посаженный в день его рождения), хотя он и прославлял в “Георгиках” сельский труд, но человеком “от земли” он не был и деревню любил не как крестьянин, а как дачник» [Гаспаров, 1979: 7]. Тем самым Вергилий заложил определенный архетип повествования, когда сельская жизнь не просто сравнивается с городом, а превозносится городским жителем, опирающимся уже на иной социальный опыт.

Точно так же авторы инстаграм*-аккаунтов, посвященных сельской жизни, а тем более их комментаторы далеко не всегда живут в деревне. Более того, некоторые создатели и потребители современного «деревенского мифа» вообще никогда не были в деревне или же этот опыт не был центральным в их биографии. Подтверждения этому обнаруживаются в их собственных комментариях:

— *Я городской житель, в деревне была от силы раза два, но вот такое очень часто вижу во сне.*

— *Милая сердцу деревня! Никогда не жила там, но почему-то так люблю!*

— *Я никогда не жила в деревне. Но все больше туда хочу.*

— *Здесь другая страна и особенный свет,
Я скучаю по дому в деревне, которого нет.*

(Из комментариев к инстаграм*-аккаунту @d.erevni)

Конечно, содержание аккаунтов, посвященных деревне, наследует больше не античной традиции, а традиции Нового времени, где буколика является сугубо городским, эстетским жанром, литературным упражнением.

В новой европейской литературе возрождение интереса к деревне в значительной мере связано с идеями Ж.-Ж. Руссо, который в полемике с Вольтером призвал горожан понять, чего они лишились, покинув деревню и утратив связь с природой.

В 1755 году Вольтер после ужасающего землетрясения в Португалии написал поэму «На разрушение Лиссабона», где сетовал на несправедливость мироустройства. Тысячи людей, погибших в Лиссабонском землетрясении, явно не могли быть наказаны Богом за грехи, поскольку грехов в Париже, Лондоне и других местах гораздо больше. Возражая Вольтеру, Руссо заявил, что первоначальный грех этих людей состоит уже в том, что они, порвав связь с природой, заселились в одном месте, в большом городе. Если бы они были рассеяны по сельской местности, никто бы не заметил землетрясения [Rousseau, 1962].

Разумеется, точка зрения Руссо так и не стала доминирующей. Господствующие мотивы культуры модерна по-прежнему связаны с городом, но возможность найти альтернативу городской жизни в деревне регулярно дает о себе знать, особенно в периоды потрясений, когда под сомнение ставится привычный уклад,

И.В. Глуценко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

«Сегодня мы все имеем возможность почувствовать, что значит, когда у тебя отнимается возможность полноценно распоряжаться всем временем своей жизни, когда ты навечно заперт в настоящем, — пишет философ Петр Сафронов. — Человечество пытается в спешном порядке эвакуироваться из настоящего, чтобы перекинуть мост от прошлого к будущему» [Сафронов, 2020: 127–128].

Но спасительный мост можно перекинуть и в противоположном направлении. Время пандемии неожиданно приоткрывает окошко в прошлое, которое все чаще связывается с той самой деревней: либо когда-то покинутой и отвергнутой, либо той, что существует лишь в мечтах.

- *В деревне трудно, но как-то правильно, что ли...*
- *Деревенские дети лучше, чище душой, наивней и проще.*
- *В деревне даже звезды ярче светят.*

(Из комментариев к постам в инстаграм*-аккаунте @derevenskaya_skazka)

Важной чертой деревенского мифа является идея разлуки. Поскольку деревня описывается с точки зрения разочарованного горожанина, повествование приобретает драматизм, в котором доминирует переживание потери, разрыва, утраты. Поэтому так важны постоянные отсылки к «босоному детству». Авторы и комментаторы в инстаграме продолжают эту традицию. Многочисленные фотографии, запечатлевшие простые детские развлечения прошлых лет — прыжки на железных кроватях вместо батута и буквально хождение босыми ногами по лужам, — составляют значительную часть контента. Утрата становится главным ощущением, которым делятся комментаторы.

- *Неужели еще есть тот мир?*
- *Ощущение печали и одиночества.*
- *Самое лучшее место, где люди жили прекрасно, а сейчас живем напрасно.*
- *Там холодно, гуляет ветер. Мне очень больно и грустно.*
- *Куда исчезло все человеческое, такое родное, дорогое и трепетное?*

(Из комментариев к постам в инстаграм*-аккаунте @derevenskaya_skazka)

Массовый вынужденный переезд горожан, спасающихся от эпидемии, в деревню породил новые представления о преимуществах сельской жизни, словно выворачивая наизнанку стереотипы: все то, что раньше одни и те же люди считали в деревне ущербным, недостаточным, неудобным (отдаленность, неблагоустроенность, заброшенность), превращается в преимущество. Деревня противопоставляется городу, ставшему в период пандемии опасным местом, как пространство безопасное, спокойное и стабильное. То, от чего бежали, стало притягивать: «*Променяла бы наше благополучие на эту убогость*», «*как говорится, дороги к нам не дошли, газ не дошел, и новый вирус не дойдет*» (Из комментариев к постам в инстаграм*-аккаунтах @pro_derevni, @derevenskaya_skazka).

Данные социологических опросов, проведенных в 2020 и 2021 годах, показывают, что популярность сельской жизни среди жителей больших городов растет. Издание Lenta, например, ссылаясь на результаты опроса, проведенного Россельхозбанком в сентябре 2021 года, сообщает, что «примерно восемь из десяти россиян рассматривают возможность переезда из города в село, купить дом за городом хотят 47 процентов граждан, 81 процент не исключает для себя возможности проживания в сельской местности, из них 54 процента готовы переехать за город на постоянное место жительства, а 27 процентов желают периодически бывать там» [Волкова, 2021]. Впрочем, дальше следует оговорка, что эти заявления далеко не всегда приводят к реальным действиям. На сегодняшний

И.В. Глуценко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

Аккаунт @d.erevni характеризуется автором как личный блог. В одном из первых же постов задана тема противопоставления деревни городу: «блажен, кто вдалеке от города живет» (Строка из стихотворения поэта Пляды и ученика Ронсара Оливье де Маньи (ок. 1529 – ок. 1561)). Все посты тут так или иначе представляют собой сочетание достаточно стандартных изображений с поэтическими текстами разного происхождения, как известных, так и безымянных авторов. Мотив грез и сновидений — «почему-то мне снится деревня», «деревня — остров моих грез» — здесь является центральным.

Для того чтобы ответить на вопрос, как меняется отношение к деревне в период пандемии, прибегнем к качественному и количественному анализу этих блогов. Под качественным анализом я имею в виду рассмотрение тематики, визуальное наполнение, систему образов, реакцию подписчиков, отраженную в комментариях. Важно также зафиксировать сдвиг в интонации и содержании постов и комментариев, который происходит после начала пандемии.

Количественный анализ содержит анализ динамики посещаемости, рост числа подписчиков, количества лайков и комментариев. Инстаграм живет по своим законам, и количество лайков и комментариев выступает для потенциального подписчика в качестве подтверждения, что аккаунт интересен и заслуживает внимания [Щурина, 2016].

Рассмотрим теперь, как меняется содержание каждого аккаунта с началом пандемии.

1. @ pro_derevni

Аккаунт возник 23 марта 2020 года, практически одновременно с официальным объявлением началом эпидемии коронавируса (ВОЗ объявила о начале пандемии 11 марта 2020 года). Однако первый непосредственный отклик на новую ситуацию появляется лишь 17 мая 2020: «Так хочется в наше тяжелое время оказаться в этом краю спокойствия и красоты». Это совпадает с наблюдениями авторов статьи «Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации» о том, что «первые симптомы локального кризиса проявились в середине марта... Решение уехать на дачу или снять загородный дом возникает не сразу, но постепенно: вслед за ослабеванием притягивающих к городу факторов» [Покровский, Макшанчикова, Никишин, 2020: 58].

К июню крепнет уверенность, что коронавирусные ограничения продлятся долго: «Вот только в этом году детишкам вряд ли удастся порезвиться».

Ближе к концу июня комментаторы начинают переходить к прагматическим вопросам:

- Интересно, за сколько в той деревне можно купить дом?
- А дома там продаются?

Дальнейшие комментарии состоят в основном из восклицаний, в которых можно выделить несколько тем:

1. Прославление прежнего счастливого и благостного житья-бытья:
 - Люди уютно жили!
 - Божья благодать!
 - Как же хорошо было у бабушки!

2. Противопоставление города и деревни, с безусловным утверждением, что в деревне лучше:

- Вот оно счастье! не в квартирах и торговых центрах.
- В городах нет души. Нам надо возвращаться к истокам.
- Приезжайте в деревню за счастьем.

И.В. Глущенко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

- Да, счастье именно там!
- 3. Акцент на возвращении в детство:
- Дорога в детство.
- Улица из моего детства.
- Окно моего детства.

К лету эти эмоциональные переживания закрепляются в императиве:

- Всем назад в деревню!

Даже беглый анализ комментариев к постам (их много сотен) показывает, что настроения читателей быстро эволюционируют от неопределенности и опасений к формирующемуся желанию переехать из города в деревню.

2. @d.erevni (создан 25 ноября 2018 года)

Упоминания о карантине в комментариях начинаются 2 апреля 2020 года. Поэтические мечты о деревенской жизни приобретают прозаический оттенок.

- Когда же вырвусь из города в деревню! Проклятый коронавирус.
- С коронавирусом разговоры про деревню стали приятнее.

Деревня видится как «чистая зона», свободная от вируса.

- Хочется туда, где нет никакого ковида
- Родная деревня — вот лучший курорт! (упрек тем, кто жалеет о недоступной загранице).

Замечу, что социологические исследования показывают, что настроения в деревнях были далеко не такими безоблачными, какими они виделись издали горожанам. «Из интервью с жителями сел следует, что главными последствиями пандемии для них стали закрытие школ, детских садов, непродовольственных магазинов, необходимость носить маски и перчатки, а также уменьшение числа людей на улицах... Более того, из-за большого числа людей предпенсионного и пенсионного возраста уровень опасений заразиться инфекцией среди сельчан в среднем несколько выше общероссийского» [Социология пандемии, 2021: 85].

Впрочем, комментаторы по большей части стараются не замечать этих противоречий.

3. @derevenskaya_skazka (создан 23 марта 2018 года)

Если в первых постах автор еще колеблется, анализируя «за» и «против» переезда из города в деревню, рассказывая о тяготах и радостях деревенской жизни, то с началом пандемии уверяет и сама себя, и своих читателей, что выбор был сделан правильно.

18 марта 2020 года автор отмечает: «Пока пустеют города, в деревнях наоборот становится очень оживленно... пока даже не привычно как-то после зимней тишины.

Из-за закрытых школ приехало много детей, да и у взрослых, у которых есть возможность работать, тоже все тут. И ведь верно, где еще лучше всего переждать карантин?»

Подчеркивается стабильность и неизменность деревенской жизни в противовес меняющейся и однозначно ухудшающейся ситуации в городе: «А в нашей деревенской жизни, в связи со всеми последними событиями, не поменялось ровным счетом НИЧЕГО.

В крайнем случае в деревне есть все необходимые продукты и волшебное подполье. На жизнь здесь никакой глобальный вирус не в силах повлиять... Все будет так же. Как и всегда».

Этот пост собрал 74 комментария: ощущение безопасности примиряет с тяготами сельской жизни, которые неизбежно ждут горожанина в селе.

— *Люди ни о каком вирусе не задумываются, живут своей обыденной жизнью.*

— *В деревнях все спокойно.*

— *Как говорится, дороги к нам не дошли, газ не дошел, и новый вирус не дойдет.*

— *В нашем небольшом городке тоже, как в Багдаде, все спокойно, «страшные вести с полей», но это так, немного всколыхнет и опять тишина.*

С начала апреля прогресс, традиционно связывающийся с городской жизнью, ставится под сомнение. Теперь «нормальный мир» — это деревня. Комментаторы акаунтов, кажется, готовы сменить городской комфорт на сельский уют.

«Люди в городах начинают по-другому мыслить... Не совсем значит растеряли мы инстинкт самосохранения со всем этим прогрессом».

Этот пост собрал 176 комментариев.

— *Если бы раньше знал, уехал бы хоть в шалаи.*

— *Многие знакомые звонят и ищут домик в деревне.*

— *Все перевернулось. Ценности стали другие.*

— *Главное вовремя слиться от этого безумия.*

Переезд горожан в деревню, впрочем, оказывается не беспроблемным. И те, кто появились здесь раньше, до пандемии, порой подозрительно относятся к своим новым соседям, которые к ним присоединились не добровольно, а вынужденно. Произошло любопытное смещение термина «понаехавшие». Теперь «понаехавшие» — это городские жители, которые сначала бежали от своего локуса, а потом почувствовали вкус свободы и деревенской жизни и того и гляди останутся насовсем, да еще потащат «своих». Ведь от городских лишь разврат, грязь и нарушение чистого, герметичного мира.

— *Мама из умирающей деревни пишет, что потек поток столичных гостей, вспомнили о дальних родственниках.*

— *Сейчас все понаедут! Оставьте в городе.*

— *Не хочу городских в деревню, наши дети в общении с городскими моральными уродами становятся. Так что пусть живут в городе.*

Пандемия меняет эмоциональное соотношение между городом и деревней. Разумеется, эта ситуация исключительная, но она дает дополнительные аргументы тем, кто считает, что потерянный деревенский рай еще можно вернуть.

— *Живу в деревне после пандемии, ни одной минуты не было скучно. А только хожу и благодарю Господа за Рай на земле!!!*

— *Люди почему-то решили, что в городе жить лучше, чем в раю.*

— *Есть же Рай земной!*

— *Благодать-то как в Раю!*

— *Райский уголок.*

— *Это рай на земле!*

(Из комментариев к постам в инстаграм*-аккаунте @pro_derevni)

На выстраивание образа потерянного и обретенного рая работают картины природы: лес, речка, изобилие плодов, смена времен года; фотографии котов,

И.В. Глуценко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

реконструировать в своих постах авторы инстаграм*-аккаунтов, именно туда стремятся их читатели.

«Во многих домах (особенно, где живут пожилые пенсионеры) сохраняется обстановка послевоенного времени — железные кровати с кружевными накидками на подушках за занавесками, отделяющими спальную зону от “гостиной”, горки с парадной посудой советского производства, старые фотографии родственников в военной форме или одетых по моде 1950-х годов — то, что городские жители называют винтаж. Но здесь этот винтаж... часть продолжающейся жизни предметного мира...» [Зачарованное место, 2021: 44].

Подписчики инстаграма либо «помнят», либо считают, что помнят эти подушки, половики, подзоры, печки; они романтизируются в воспоминаниях, которые у всех оказываются сходными:

— *Помнится, как брали накидки для подушек, делали фату, постоянно терзали кружева на кроватях.*

— *Как похожи все наши воспоминания о прошлом! Они, как говорящие поленья в печке из нашего детства согревают нас.*

— *Помню. Помню простыни с подзором, половички тканые да вязаные, а ведь как уютно было!*

(Из комментариев к постам в инстаграм*-аккаунте @pro_derevni)

Впрочем, «помнят» деревенские подушки и городские жители.

Можно ли назвать эти черты «аутентичными» для нашего деревенского мифа? Скорее, они отражают ту комбинацию традиционного и модернизированного быта, которая сложилась к концу советского периода и в значительной мере закрепились уже в постсоветское время как новая традиция. Интервью с сельскими жителями, которые приводятся в книге «Зачарованное место», подтверждают это предположение. «Практически никто из наших собеседников в полной мере не мог быть отнесен к крестьянскому сословию... Они лишь сохраняли в своей повседневной жизни и личной и коллективной памяти некий набор клише, ассоциирующийся у них с крестьянской культурой» [Зачарованное место, 2021: 27].

Рискну предположить, что современный «золотой век», воспеваемый в инстаграме*, расположен в условных 50–60-х годах прошлого века; этот период комментаторы чаще всего описывают как «полвека назад» (хотя на фотографиях, например, могут быть изображены и 1970-е, и 1980-е, и даже 1990-е годы).

В аккаунтах есть не только фотографии. Авторы размещают ролики, которые, кстати, мастерски смонтированы и положены на музыку. Это крохотные фильмы про прелести деревенской жизни: закаты, рассветы, домашнюю живность, простор, ягоды, молоко. Они искренни, берут за душу и полны ностальгическим светом. И даже автор этих строк, никогда прежде не жившая и не бывавшая в деревне, тоже, бывает, пасет коз. Но не спешите верить в реальность происходящего.

Статистика мифа. Количественный анализ

Тема «возвращения в деревню» не возникла в инстаграме* в период пандемии; некоторые аккаунты созданы примерно в 2018 году или еще раньше. Тем не менее динамика посещаемости этих аккаунтов после весны–лета 2020 года свидетельствует о значительном, если не взрывном росте интереса к данной теме. Открытый статистический сервис LIVEDUNE [Статистический сервис LIVEDUNE] предоставляет доступ к базам данных инстаграм*-аккаунтов. Полагаю, что анализ количественных данных по динамике и посещениям, росту подписчиков, а также лайков и комментариев, доступных по рассматриваемым

И.В. Глущенко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

Авторы аккаунтов бессознательно, а иногда и сознательно пытаются реконструировать образ деревни как воплощение воображаемой традиции, которая совмещает слившиеся воедино черты дореволюционной и позднесоветской культуры.

Пандемия коронавируса, на мой взгляд, способствовала обновлению традиционного «деревенского мифа». Причем этот миф предстает причудливым сплавом античных буколик, руссоистских идей и смеси архаических и позднесоветских образов. Эту деревню можно условно назвать «бабушкиной», поскольку именно бабушка видится хранительницей этого мифа.

Анализ статистических данных показывает, что количество подписчиков, лайков и комментариев в аккаунтах, посвященных деревне, стремительно выросло примерно через год после начала пандемии, когда в обществе произошел какой-то внутренний сдвиг и укрепилась уверенность в том, что ситуация затянулась надолго или навсегда. Появляются и совсем новые аккаунты, посвященные переезду в деревню.

Быстро забываются отрицательные стороны современной деревни, на которых настаивали зяблые горожане, и романтизируются положительные. И даже если недостатки признаются, то достоинства выходят на первый план. Деревня начинает ассоциироваться с безопасностью, простором, свободой. Удаленность от цивилизации оборачивается преимуществом: «вирус не дойдет».

Что будет происходить с деревенским мифом, так мощно заявившим о себе на нашей почве за последние полтора года? Увидим ли мы массовый исход из городов или все ограничится локальными перемещениями и буколическими мечтами? Полагаю, что до развязки сюжета еще далеко, и дальнейшие исследования сулят нам много неожиданных выводов.

The Bucolic in the Age of Pandemic. Updating the “Village Myth” on the Example of Instagram Accounts Dedicated to Life in the Village

Irina V. Gluschenko

PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the School of Philosophy and Cultural Studies.

National Research University “Higher School of Economics”.

11 Pokrovsky Bulvar, 109028 Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1909-1139

iglushenko@hse.ru

Abstract. The covid epidemic, already coined the “pandemic era”, has changed many of our ideas about the world, pushed us to reassess the notions of mobility and space, as well as the ratio of attractive and repulsive aspects of urban and rural life. Perhaps for the first time in many years of the Russian history, a significant part of the population began to perceive the village as a place more suitable for life than the city. The resulting massive relocation of citizens to the countryside gave rise to new ideas about the advantages of rural life, which were reflected in social networks. The article gives both qualitative and quantitative analysis of three Instagram* accounts dedicated to village life. The study of the accounts’ content with the system of images reproduced there, as well as statistical data related to the traffic dynamics and the rise in subscribers, suggests that the pandemic has revived and mainstreamed a mix of ideas dubbed in the article “the village myth”.

И.В. Глущенко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. С. 33–56.

Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Trayvish A.I. Gorizonta'lnaya mobil'nost': urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva [Horizontal mobility: urbanization, deurbanization and rural-urban communities]. *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossiiskoi glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva: kollektivnaya monografiya* [Citizens in the village. Sociological research in the Russian Outback: Deurbanization and rural-urban communities: a collective monograph], compil. and ed. V.I. Ilyin, N.E. Pokrovsky. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 2016. P. 33–56.

Перспективы российского Севера: «очаговая» экономика и социальная структура / под ред. Н.Е. Покровского. М.: СоПСО, 2007.

Perspektivy rossiiskogo Severa: «ochagovaya» ekonomika i sotsial'naya struktura [Prospects of the Russian North: “focal” economy and social structure], ed. by N.E. Pokrovsky. Moscow: SoPSo Publ., 2007.

Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.

Pokrovsky N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. Obratnaya migratsiya v usloviyah pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in pandemic crisis: Russia's out-of-town spaces as an adaptation resource]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. N 12. P. 54–64.

Сафронов П. Что... Из всего этого? // Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 118–137.

Safronov P. Chto... Iz vsego etogo? [What ... Of all this?]. *Proshchaj, COVID?* [Goodbye COVID?], ed. by K. Haase, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2020. P. 118–137.

Социология пандемии. Проект корона ФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.

Sociologiya pandemii. Proekt korona FOM [Sociology of pandemic. The corona project by the Public Opinion Foundation], head of the author's team A.A. Oslon. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM), 2021.

Статистический сервис LIVEDUNE. [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.livedune.ru/> (дата обращения: 31.05.2022).

Statistical service LIVEDUNE. [Electronic resource]. URL: <https://pro.livedune.ru/> (date of access: 31.05.2022).

Щурина Ю. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram* // Жанры речи. 2016. № 1. С. 156–168. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168

Shchurina Y. Zhanrovoe svoeobrazie social'noj seti Instagram* [Genre individuality of Instagram* social net]. *Zhanry rechi*. 2016. N 1. P. 156–168. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168

Rousseau J.-J. Lettre á Voltaire du 13 Aout 1756. Rousseau J.-J. *Oeuvres completes*. Vol. IV. Paris, 1962. P. 1061.

* Принадлежит Мета, признанной в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

И.В. Глущенко
Буколика в эпоху пандемии. Обновление деревенского мифа на примере инстаграм*-аккаунтов, посвященных жизни в деревне

Научный журнал

Человек

2022. Том 33, номер 3

Учредители: *Российская академия наук, Институт философии РАН*

Издатель: *Российская академия наук*

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 01.06.2022. Подписано к печати 20.06.2022

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberatoron Serif, Carlito

Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 145 экз. Заказ № 20/3а

16 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082 Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».

Подписной индекс — 71076

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Пауль Фюрст. Доктор Шнабель фон Ром (Чумной доктор). 1656. Источник: Wikimedia Commons

На четвертой странице обложки: Дэн Витц. Колибри. 1979, Манхэттен, Нью-Йорк, США. Источник: Nicholas Ganz. Graffiti World: Street Art from Five Continents. Harry N. Abrams Inc. Publishers, 2004.